

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ИРКУТСКИЙ ИНСТИТУТ ХИМИИ ИМ. А. Е. ФАВОРСКОГО
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
Лаборатория правовых исследований высокотехнологичных отраслей производства

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Юридический институт

ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ МАЙНИНГА И КРИПТОВАЛЮТ

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

Монография

УДК 338.2
ББК 65.9
Т38

Руководители проекта:

С. И. Шишкин, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
А. В. Иванов, доктор химических наук, профессор

Авторы:

Г. В. Дружинин, ст. преп. (гл. 6); *Р. А. Забавко*, канд. юрид. наук, доц. (гл. 8);
Р. Ю. Колобов, канд. юрид. наук, доц. (гл. 4); *А. Г. Самусевич*, канд. юрид. наук,
доц. (гл. 7); *М. Г. Тирских*, канд. юрид. наук, доц. (гл. 2); *Р. Ю. Хертуев*, канд.
юрид. наук, доц. (гл. 3); *Л. Ю. Черняк*, канд. юрид. наук, доц. (гл. 1);
О. А. Шабаева, канд. юрид. наук, доц. (гл. 5)

Рецензенты:

М. В. Василькова, депутат Государственной Думы,
комитет Государственной Думы по промышленности и торговле
О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц.

Т38

Технологический суверенитет: правовые вопросы :
монография / Г. В. Дружинин, Р. А. Забавко, Р. Ю. Колобов
[и др.]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2024. – 230 с.

<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2298-5.2024.1-230>

ISBN 978-5-9624-2298-5

Исследуются проблемы правового регулирования в области технологического развития, в том числе в рамках отдельных направлений такого развития, а также условий, которые используются для обеспечения технологического суверенитета в России и зарубежных государствах. Предлагаются основные правовые решения для регулирования данных общественных отношений в условиях современного развития российского права и сферы технологического развития, в том числе концептуальные подходы к регулированию комплекса отношений в сфере создания новых технологий, адаптации к российским условиям зарубежных технологий, внедрения технологических разработок. Исследование основано на анализе существующего нормативного регулирования, а также проектов нормативных правовых актов, находящихся на рассмотрении.

Предназначено для исследователей в области проблем правового регулирования общественных отношений, связанных с оборотом криптовалют, применением цифровых методов в хозяйственно-финансовой деятельности, преподавателей вузов и лиц, интересующихся проблемами генерации цифровых валют.

УДК 338.2
ББК 65.9

ISBN 978-5-9624-2298-5

© ИНЦ СО РАН, 2024
© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Государственный суверенитет как политико-правовое явление	6
Глава 2. Технологическое развитие и государственный суверенитет	29
Глава 3. Нормативно-правовая основа технологической деятельности и технологического развития в Российской Федерации	45
Глава 4. Обеспечение технологического суверенитета как основное направление европейской промышленной политики (на примере химической промышленности)	68
Глава 5. Технологический суверенитет и цифровое государство	92
Глава 6. Технологический суверенитет и кадровая политика государства	118
Глава 7. Технологический суверенитет в механизме обеспечения национальной безопасности	136
Глава 8. Ответственность за посягательство на коммерческую и государственную тайну в контексте обеспечения технологического суверенитета	152
Заключение	170
Список использованной литературы	171
Приложение. Аналитические материалы по проекту федерального закона «О технологической политике в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и проблеме определения юридического статуса академгородков	188

ВВЕДЕНИЕ

Современное развитие общества невозможно представить без постоянно нарастающей массы достижений и инноваций в науке и технике. Цифровизация, медико-биологические разработки, искусственный интеллект, многие другие передовые достижения человечества стали в современных условиях реальностью, без которой мы уже не мыслим себе современность.

В таких условиях каждое государство оказывается вовлечено в технологическую гонку, результатом которой являются освоение и внедрение новых технологий, производство новых товаров и услуг. От результатов этой гонки во многом зависит способность государств не только конкурировать на международной экономической арене, но и обеспечивать собственный суверенитет. В таком случае в различных государствах формируется комплекс нормативного регулирования для целей технологического развития, призванный обеспечить создание новых технологий и их успешное внедрение в экономику данного государства. Такое развитие получило в документах государственного планирования название «технологический суверенитет» (что является, скорее, понятием, имеющим яркое индустриальное значение для подчеркивания значимости данной сферы деятельности, чем формально-юридическим термином).

Задача технологического развития стоит и перед Российской Федерацией. Эта задача отражена в посланиях Президента России Федеральному Собранию, концепциях технологического развития, ряде документов государственной правовой политики. Наконец, она прослеживается в законопроекте, представленном в Государственную Думу России и призванном стать ядром правового регулирования в сфере технологического развития. Очевидно, что такое правовое решение требует комплексной проработки и системного, научно обоснованного подхода, а значит, и детального анализа специалистов в области различных областей права.

Осложняющим фактором современного развития является, на наш взгляд, не только необходимость формирования правового

массива регулирования отношений в области технологического развития, но и решение принципиальных задач, связанных с обеспечением такого развития в условиях формирования «пактов», противоречащих нормам международного права санкций, принятых отдельными государствами и их объединениями в отношении Российской Федерации, отдельных физических и юридических лиц.

Адаптация российской экономики к курсу технологического развития с учетом секционных правовых режимов и необходимости их преодоления приводит к необходимости выработки широкого массива правовых решений во многих областях правового регулирования, начиная от гражданско-правового регулирования хозяйственной деятельности и административного регулирования управления в сфере технологического развития и заканчивая нормативным закреплением отдельных институтов в трудовом, уголовном, информационном праве и некоторых иных отраслях российского права. Все это свидетельствует о том, что перед Российским государством стоит масштабная и кропотливая задача, сопряженная в том числе с вопросами гармонизации правового регулирования в межотраслевом дискурсе, включая как федеральный массив правового регулирования, так и региональное и муниципальное право.

Это означает, что в ближайшие годы мы станем свидетелями масштабной правовой работы, в которой значительная роль отводится юридической науке, призванной дать рекомендации по применению наиболее эффективных регулятивных механизмов.

ГЛАВА 1

Государственный суверенитет как политико-правовое явление

Вопрос о понятии суверенитета государства является дискуссионным, так как «суверенитет», как любой термин, заимствованный из иностранного языка, имеет неоднозначное толкование.

На это указывал еще в XIX в. Ф. Шмиттнер, говоря, что под данным термином очень часто понимают либо независимость от высшей власти, либо неограниченность власти правами народа, всевластие (*Allgevalt*) в государстве (внутренний суверенитет), либо саму государственную власть, рассматриваемую как совокупность верховных прав, высшую публичную власть в государстве, либо держателя государственной власти независимо от всякой другой земной власти. В этом смысле говорят о суверенитете монарха в монархии и суверенитете народа в демократиях. Ютюбер, говоря о неоднозначности этого термина, предлагал рассматривать суверенитет в узком смысле как право избирать средства для целей государства, и в широком – как совокупность всех прав, принадлежащих независимому государству. То есть как политическую независимость, самостоятельность политической личности в отношении к каждому другому субъекту (суверенитет в узком смысле) и как государственную власть (в узком смысле), направленную на осуществление целей государства¹.

Термин «суверенитет» происходит от ст.-лат. *supra, superanus* (более высокий), *superani*, перешедшего в ст.-фр. *sovereins*, а затем во фр. *souverainete* (верховная власть). И в соответствии с грамматическим смыслом слов первоначально во Франции суверенами называли «не тех, кто имел безусловно высшую власть, а лишь тех, кто занимал в известной сфере относительно более высокое поло-

¹ Подробнее см.: Палиенко Н. И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903. С. 267–268.

жение по рангу, по положению, нежели остальные»², т. е. изначально суверенитет трактовали как верховенство³.

Необходимо отметить, что, по опросам общественного мнения, проводимым в Российской Федерации, понятие «суверенитет» незнакомо четверти респондентов. Думается, что это обусловлено, прежде всего, тем, что не существует единого подхода к определению понятия «суверенитет». В частности, в советской правовой литературе несколько раз велись крупные дискуссии по понятию государственного суверенитета. Например, по итогам дискуссии 1955–1956 гг. было дано понятие государственного суверенитета как свойства государственной власти быть независимой, т. е. был сделан акцент на внешний суверенитет. Высказывались и противоположные мнения.

Так, Э. Л. Кузьмин рассматривал его как «особое свойство власти государства как главного орудия диктатуры, отражающее верховное положение этой власти в системе политической организации общества»⁴.

Не менее значимая дискуссия проводилась в 1991 г. Однако и по ее итогам не было дано удовлетворительного понятия «государственный суверенитет», что в принципе является вполне объяснимым. Данным термином пытались объединить несколько самостоятельных понятий, таких как международная правосубъектность, власть, самостоятельность, демократия и т. п. Поэтому, на наш взгляд, прежде чем дать определение государственному суверенитету, необходимо выявить основные подходы к его пониманию.

Если рассматривать этот вопрос в исторической ретроспективе, можно констатировать, что сложилось шесть основных подходов к понятию государственного суверенитета: отождествление его с государством, властью (или отдельными полномочиями), международной правосубъектностью, классовой диктатурой, а также рассмот-

² Магазинер Я. М. Лекции по государственному праву (общее государственное право). Петроград, 1919. С. 116–117.

³ Причем, как отмечал С. Р. Вихарев, по своему смысловому значению термин «суверенитет» совпадает со старославянским (русским) словом «самодержавный», что буквально означает «наивысший», «абсолютный», «неограниченный». (См.: Вихарев С. Р. В. И. Ленин о суверенитете союзных республик. Минск, 1969. С. 19.) В российской науке в основном использовался термин «суверенитет», термин «державность» широко использовал лишь В. А. Незабитовский.

⁴ Кузьмин Э. Л. Мировое государство: иллюзии или реальность? Критика буржуазных концепций суверенитета. М., 1969. С. 48.

рение его в качестве свойства государственной власти, государства либо принципа.

К первому подходу можно отнести концепцию, согласно которой суверенитет изначально приравнивался к понятию «государство». Предполагается, что первые доктрины суверенитета фактически рассматривали его не просто как атрибут государя, а как саму субстанцию, само определение государства. Суверенитет, как и государство, был фактом политического обособления одного народа (нации) от другого. Поздней модификацией этой концепции было определение, данное Моро. Он рассматривал суверенитет как *юридическое выражение индивидуальности государства*⁵. На современном этапе развития доктрины государственного суверенитета эта позиция утратила свое значение. Большинство ученых склоняется к тому, что суверенитет является лишь одним из атрибутов государства, наряду с народом, властью и территорией. Хотя, отдавая дань этой концепции, нужно отметить, что модификация термина «суверенитет» самым непосредственным образом связана с трансформацией теории государства.

Ко второму подходу относятся теории, так или иначе отождествляющие суверенитет с властью или совокупностью прав и полномочий по их осуществлению. Этот подход является неоднородным по своему составу. Условно в нем можно выделить три основных направления.

Исторически первым направлением является то, согласно которому государственный суверенитет **отождествляется с общественной** (Симоне), **политической** (Э. де Ваттель, В. В. Адоратский), **государственной** (Е. Т. Усенко, А. К. Котов и др.⁶), **высшей** (Ж. Боден, Ф. Ю. Шталь, И. Л. Трайнин) либо **верховой** властью (Н. И. Лукашук). Реже суверенитет рассматривается как **особый род власти**, который ни от кого произволен, «ни от кого не зависит и никому не подчиняется»⁷ (Ц. Березовский).

⁵ См.: Палиенко Н. И. Суверенитет. Историческое развитие ... С. 446

⁶ Так, А. С. Яценко называл суверенитет правомерной властью определять содержание норм права и решать споры о применении их. (См.: Яценко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. С. 212.) Сходное определение можно найти также в работах Э. Л. Кузьмина и А. Л. Мелкумова. (См.: Кузьмин Э. Л. Указ. соч. С. 47; Мелкумов А. Л. Канадский федерализм: теория и практика. М., 1998. С. 23.)

⁷ Березовский Ц. Некоторые проблемы территориального верховенства. М., 1961. С. 18–19.

Самой широкой трактовкой суверенитета является его отождествление с общественной властью. Думается, что суверенитет – это политико-правовое явление, относящееся исключительно к государству. Более узкой является трактовка суверенитета в качестве политической власти. Так, например, Ваттель определял суверенитет как политическую власть, призванную «распоряжаться и указывать, что каждый должен делать для осуществления целей общества», как «право самому управлять собой», а суверенное государство как всякую нацию, которая «сама управляет собой, в какой бы форме это ни осуществлялось, без какой-либо иностранной зависимости»⁸. Однако надо иметь в виду, что государство не единственная политическая организация в обществе. Помимо него, существуют и иные политические организации, например политические партии.

Поэтому это определение господствовало в науке сравнительно недолго. Его сменила трактовка суверенитета как государственной власти (*impetium*). Так, например, А. Х. Котов считал, что суверенитет – это «сама государственная власть, качественно полноценная и функционально самостоятельная». При этом нужно отметить, что власть государства рассматривалась или как полная единая и неделимая (как единство государственных сил, прав и функций), или как делимая (горизонтально и вертикально). Однако, даже признавая делимый, относительный, уменьшенный суверенитет, под полным суверенитетом понимали «безусловно высшую власть, то есть такую власть, которая, будучи выше всякой другой власти в известной сфере, господствуя в этой сфере над всеми доступными вообще правовому и принудительному господству, сама не подчиняется никакой другой власти, так как иначе она не была бы высшей»⁹.

Самым популярным направлением этой теории было отождествление суверенитета с абсолютной государственной властью (Т. Гоббс), а несколько позже с тоталитаризмом, деспотией и т. п. Так, В. Скрипин утверждает, что «суверенитет в своей конкретно-исторической форме есть тоталитаризм или своеобразная архаическая деспотия-реликт, дожившая до наших дней исключительно в

⁸ Ваттель Э. де. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. С. 39–41.

⁹ Котов А. К. Государственный суверенитет Республики Казахстан: политико-правовой анализ становления и проблемы национально-государственного развития : автореф. дис. д-ра ... юрид. наук. Алматы, 1994. С. 28

силу коллизий и перипетий, связанных с неравномерностью социально-исторического развития обществ»¹⁰.

Близким к такой трактовке государственного суверенитета является определение, данное Фрайдом. Он преподносил его как *монополию государства* на верховную власть в обществе¹¹. Думается, что такое отождествление неправомерно. Суверенитет – это свойство государства быть верховным внутри страны и независимым на международной арене, а не показатель сосредоточения всей власти в одних руках. Поэтому концепция Фрайда утратила свое значение. На настоящий момент в данном подходе более распространенной точкой зрения является та, которая основана на отождествлении суверенитета с высшей (верховой) властью. Такие определения, в частности, давали И. Л. Трайнин и Н. И. Лукашук. При этом первый определял суверенитет как высшую власть, неограниченную внутри государства и независимую во внешних сношениях¹², а второй «как исходящую от народа верховную власть, состоящую в самостоятельном осуществлении государством своих функций в рамках национального и международного права»¹³.

Некоторые ученые, например Е. Т. Усенко, предлагали еще более узкую трактовку суверенитета. Они рассматривали его как независимую государственную власть, не подчиненную власти другого государства¹⁴. Как представляется, даже если отождествлять суверенитет с властью, необходимо иметь в виду, что суверенная власть не может быть независимой внутри страны.

Интерес представляет также позиция проф. Старка (Starke), полагающего, что суверенитет государства означает «остаточную власть», которой оно обладает в рамках, установленных международным правом¹⁵.

¹⁰ Скрипин В. О. О понятии «суверенитет». URL: <http://skripin.narod.ru/art10.htm> (дата обращения: 05.05.2024)

¹¹ Цит. по: Лейкофф С. Оппозиция «суверенитет-автономия в условиях федерализма»: выбор между «или-или» и «больше-меньше» // Политические исследования (Полис). 1995. № 1. С. 177–190.

¹² Трайнин И. Л. К вопросу о суверенитете // Советское государственное право. 1938. № 2. С. 75.

¹³ Суверенитет в государственном и международном праве (круглый стол): из выступления Н. И. Лукашука // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 22.

¹⁴ Суверенитет в государственном и международном праве (круглый стол): из выступления Е. Т. Усенко // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 22.

¹⁵ Карташкин В. А. Соотношение принципов уважения прав человека и государственного суверенитета // Юрист-международник. 2006. № 1. С. 5–6.

Тем не менее эти определения ближе всего подошли к пониманию сути суверенитета, хотя и не раскрыли ее. Этот недостаток попытались снять ученые, определяющие суверенитет одновременно как государственную власть и ее свойство. Так, например, В. Г. Кабышев предложил рассматривать суверенитет как «основной элемент»¹⁶ и «составную часть» государственной власти, а также как ее «качество» (отличительную черту) и «свойство».

Подобной позиции придерживается и М. И. Абдулаев, определяющий суверенитет одновременно и как власть, ограниченную правом, и как характеристику государственной власти¹⁷. Несколько уже трактовать государственный суверенитет предложил Л. Оппенгейм. Он рассматривал его одновременно как высшую власть и как независимость: суверенитет – это «высшая власть, власть, не зависящая ни от какой другой земной власти», а «в строгом и самом узком смысле этого слова» подразумевает «полную независимость как в пределах страны, так и за ее пределами»¹⁸.

Каждое из вышеперечисленных определений еще больше осложнило процесс понимания термина «суверенитет». В частности, определение Оппенгейма неудачно потому, что государство может быть независимым только на международной арене. Внутри государства оно верховно. А в целом неправомерность этой позиции обусловлена, прежде всего, тем, что непосредственное отождествление государственного суверенитета с государственной властью не только «снимает саму проблему государственного суверенитета как специфического политико-правового явления»¹⁹, но и порождает вполне конкретные коллизии. Так, исходя из отождествления власти и суверенитета, говорят о легальности и легитимности последнего.

Как представляется, подобные термины не приемлемы по отношению к суверенитету. Мы уже упоминали, что суверенитет – это свойство быть верховным внутри страны и независимым на международной арене. Если есть государство, значит, есть и суве-

¹⁶ Кабышев В. Т. Элементы понятия государственной власти // Проблемы конституционного права / отв. ред. И. Е. Фарбер. Саратов, 1969. С. 20, 22, 27, 32.

¹⁷ См.: Абдуллаев М.И. Теория государства и права : учебник для вузов. СПб., 2003. С 36–37.

¹⁸ Енокийн А. Суверенитет личности как современная основа международных отношений. URL: <http://www.peacebuilding.am/eng/pages.php?page=lectures&id=40> (дата обращения: 11.05.2006).

¹⁹ Оппенгейм Л. Ф. Л. Международное право / пер. с 6-го англ., изд., доп. Л. Лаутерпахтом ; под ред. и с предисл. С. Б. Крылова. Т. 1. Мир, полут 1. М., 1948. С. 130.

ренитет, вне зависимости от того, легитимна (легальна) или нелегитимна (нелегальна) существующая там власть. Кроме того, отождествление суверенитета с государственной властью в федеративном государстве приобретает особое значение, поскольку дает повод говорить о вертикальном разделении суверенитета.

Пытаясь снять это противоречие, В. Е. Чиркин пришел к выводу, что субъекты Федерации государственной властью не обладают²⁰. Эта позиция несколько некорректна. Исходя из ч. 2 ст. 5 Конституции РФ 1993 г., термин «государственная власть» применяется как по отношению к Федерации, так и по отношению к ее субъектам, хотя последние и не наделяются суверенитетом. Их власть «носит несuverенный, подчиненный характер» в силу того, что пределы самостоятельности региональной власти устанавливаются на федеральном уровне²¹. Поэтому необходимо четко разграничивать понятия государственной власти и суверенитета. Если первая – это отношение динамическое по своей природе, то второе – это явление статичное, презюмируемое²².

Трансформацией средневекового учения о полноте власти императора и папы (*plenitudo potestas*), понимаемого как комплекс неограниченных и неотчуждаемых верховных прав властвования, и раннего определения суверенитета как высшей королевской власти стала **теория отождествления суверенитета с компетенцией государства**.

Ее возникновение можно объяснить тем, что монарх, уничтожив феодальную раздробленность, сосредоточил в своих руках все права властвования, в том числе и те права, которые относились к так называемому сеньориальному суверенитету крупных феодалов. Концентрация таких прав в руках короля дала основание полагать, что, во-первых, только король обладает высшей властью в рамках территориальных границ государства («совершенным суверенитетом»), во-вторых, суверенные права, взятые в совокупности, составляют существо суверенитета. Более того, предполагалось, что

²⁰ Чиркин В. Е. О публичной власти (Постановка проблемы) // Государство и право. 2003. № 10. С. 1–3.

²¹ Козырев А. Л. Проблемы соотношения государственного суверенитета Российской Федерации и государственной власти ее субъектов // Право и политика. 2003. № 5. С. 8–9

²² См.: Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М., 2001. С 30.

никто, кроме монарха, этими правами обладать не мог. Это приравнивалось к акту узурпации власти.

При этом необходимо отметить, что определение комплекса верховных прав властвования выводилось эмпирически – путем перечисления тех прав, которые на тот момент были сосредоточены в руках монарха. Позже эта теория была положена в основу доктрины делимости и ограничения суверенитета в федеративном государстве. Суверенитет, как правило, отождествлялся с предметами ведения (кругом «конституционно зафиксированных вопросов, по которым, в зависимости от формы правления государства, соответствующие государственные органы компетентны принимать решения»²³).

Как представляется, такое отождествление не совсем корректно, поскольку многие из тех прав, которые уже Ж. Боден определил как суверенные²⁴, на деле таковыми не являлись. Вследствие этого современная юридическая литература, как правило, разграничивает понятия «компетенция» и «суверенитет».

Под первой обычно понимают совокупность полномочий (прав) и обязанностей, установленных и гарантированных законом, «в отношении определенных предметов ведения», а под вторым – свойство государства быть единственной политико-территориальной организацией властвования, чьи решения носят определяющий характер внутри страны, и самостоятельно выступать на международной арене. При этом указывают, что компетенция, являясь «выражением»²⁵, «сердцевиной» государственного суверенитета, составляет правовую основу деятельности государства, а суверенитет, в свою очередь, выражен вовне в форме комплекса суверенных прав. Таким образом, можно сделать вывод, что от решения вопроса о совпадении или несовпадении этих понятий определяется, зависит или не зависит от ограничения компетенции ограничение государственного суверенитета. По поводу этого вопроса в науке сложились две основные точки зрения.

Согласно первой из них, предполагалось, что ограничить «компетенцию власти – значит ограничить саму власть, ее верховный или независимый характер». То есть «суверенитет исчезает с исчезновением компетенции». В соответствии со второй – ограни-

²³ Федерация в зарубежных странах / отв. ред. Д. А. Ковачев. М., 1993. С 17

²⁴ См.: Палиенко Н. И. Суверенитет. Историческое развитие ... С. 290–291.

²⁵ Черниченко С. В. Теория международного права. В 2 т. Т. 1. Современные теоретические проблемы. М., 1999. С. 174.

чение суверенитета представлялось возможным только тогда, когда ограничение компетенции достигает такой степени, когда государство фактически не в состоянии осуществлять свои функции. В этом случае ограничивается «ядро компетенции» – суверенные права государства как некий минимум полномочий, характеризующих свойства государства быть верховным и независимым²⁶.

Вышеизложенное дает основание подробнее остановиться на **соотношении этих понятий**. Как правило, компетенцию и суверенитет рассматривают как **форму** и **содержание** (К. Д. Коркмасова) либо преподносят последний как **источник** (А. И. Лепешкин²⁷), основу (С. Р. Вихарев) **компетенции**. Менее распространено мнение, что **суверенитет совпадает с компетенцией**. Так, Ф. Мефферд рассматривал суверенитет как «пучок компетенции»²⁸. Б. Маннинг определял суверенитет как неотъемлемую компетенцию государств избирать, охранять и изменять форму своего правления, осуществлять неограниченную гражданскую и уголовную юрисдикцию над своими подданными, а также «отчуждать или приобретать территорию; заключать с другими государствами соглашения по пользованию общими благами, такими, например, как океан или незанятые земли»²⁹. На отождествлении компетенции и суверенитета строится большинство теорий суверенитета в федеративном государстве, что позволяет авторам этих теорий говорить о расчленении суверенитета между федерацией и ее субъектами или о признании ограниченно суверенных государств – субъектов федерации.

Думается, что суверенитет и компетенция – это взаимосвязанные, но не тождественные друг другу явления. Суверенитет выступает как качественный признак государства, выраженный в праве государства самостоятельно определять круг своих полномочий, а компетенция – как совокупность предметов ведения и полномочий по их осуществлению. Соответственно, суверенитет – это статичное явление, а компетенция – явление динамичное, модифицирующееся вместе с изменением основных функций государства³⁰.

²⁶ Кузьмин Э. Л. Указ. соч. С. 54.

²⁷ Лепешкин А. И. Советский федерализм (теория и практика). С. 288–289.

²⁸ Цит. по: Лазарев М. И. «Теория компетенции» – апология военных баз США на чужих территориях // Правоведение. 1960. № 1. С. 128.

²⁹ Цит. по: Бараташвили Д. И. Принцип суверенного равенства государств в международном праве. М., 1978. С. 35.

³⁰ Цит. по: Лепешкин А. И. Советский федерализм (теория и практика). М., 1977. С. 288–289.

В рамках этого направления суверенитет рассматривают также как **юрисдикцию государства**. Чаще всего юрисдикция рассматривается как понятие, тождественное компетенции, предмету ведения. Так, Л. В. Скалова утверждает, что юрисдикция как «компетенция и административных органов, входящих в систему государственных органов, через которые государство осуществляет свою власть»³¹, не тождественна суверенитету, а «представляет собой одну из форм осуществления верховной власти государства». Подобной позиции придерживается и С. В. Черниченко. Рассматривая юрисдикцию как определяемую государством возможность и допустимость ожидать и требовать осуществления своих велений (предписаний и запретов) и обеспечивать их осуществление³², он преподносит ее как проявление государственного суверенитета. При этом С. В. Черниченко полагает, что суверенитет в пространстве не перемещается, не распространяется за пределы государственной территории, но возможно проникновение юрисдикции на территорию другого государства. То есть он рассматривает суверенную власть за пределами собственной территории государства как его юрисдикцию. Поэтому, по его мнению, с некоторой долей условности можно утверждать, что внутренняя компетенция государства – это понятие, которое вырисовывается при взгляде на государственный суверенитет извне, а юрисдикция государства – при взгляде на него «изнутри».

К третьему направлению можно отнести теорию отождествления государственного суверенитета с полновластием (В. С. Шевцов, И. Д. Левин). Суверенитет преподносился ее авторами как концентрация всей полноты власти, всех государственно-властных полномочий в одних руках. Так, например, А. И. Ким определял полновластие как «не только завоевание политической власти, но и сосредоточение в руках ее носителя командных высот в экономической жизни страны»³³. Как представляется, эта позиция не совсем верна. Наличие полновластия у того или иного органа государства или должностного лица как официального представителя государства не означает обладания им суверенитета. Поскольку суверенитет присущ государственной власти не а priori, а в силу того, что

³¹ Скалова Л. В. О соотношении основных и отраслевых принципов международного права / Международное сотрудничество и международное право. М., 1977. С. 35–36.

³² Черниченко С. В. Теория международного права. В 2 т. Т. 2. Старые и новые теоретические проблемы. С. 114.

³³ Цит. по: Советское государство и право / под. ред. А. И. Лепешкина. М., 1971. С. 139.

она «является неотъемлемой составной частью, свойством, одним из важнейших признаков государства наряду с суверенитетом и другими его традиционными признаками»³⁴.

К третьему подходу можно отнести теории отождествления суверенитета с международной правосубъектностью – способностью государства быть субъектом международного права (носителем субъективных прав и обязанностей) и участником международных правоотношений. Так, А. А. Мишин констатирует: «Что такое суверенитет? Это международная правосубъектность»³⁵.

Сходной позиции придерживались И. Д. Левин и К. В. Арановский³⁶. Первый утверждал, что в международном праве суверенитет государства проявляется в *полной право- и дееспособности государства*, а второй считал, что суверенитет представляет собой *политическую правоспособность территории, обладающей государственностью*.

Близкой к этой является позиция, согласно которой суверенитет рассматривается как «независимость». Так, Фоук считал, что термин «независимость» достаточно хорошо передает каждую идею, охватываемую понятием суверенитета, которую необходимо знать при изучении международного права³⁷. Думается, что попытка замены понятия «суверенитет» термином «независимость» некорректна. Этот термин непригоден для характеристики юридического положения государства внутри страны. В пределах территориальных границ любого государства, как правило, нет организаций, не подчиненных суверенной воле государства, поэтому положение государства внутри страны характеризуют термином «верховенство».

Другой последователь этой концепции – Ш. Руссо, предложивший понимать под независимостью «исключительность, автономию и полноту компетенции»³⁸. При этом он видел ее проявление в том, что «на данной территории осуществляется в принципе только одна государственная компетенция», выражающаяся, во-первых, в абсолютной монополии принуждения и в относительной монопо-

³⁴ Марченко М. Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. № 1. С. 293.

³⁵ Суверенитет в государственном и международном праве (круглый стол): из выступления А. А. Мишина // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 17.

³⁶ Арановский К. В. Государственное право зарубежных стран : учеб. для вузов. М., 1998. С. 197.

³⁷ Цит. по: Маритен Ж. Человек и государство / пер. с англ. Т. Лифинцевой. М., 2000. С. 35.

³⁸ Цит. по: Ушаков Н. А. Суверенитет в современном международном праве. М., 1963. С. 23.

лии осуществления судебной власти, учреждения органов государственной власти и территориальной компетенции (исключительность компетенции), во-вторых, в свободе принятия государством решений в области, отнесенной международным правом к сфере его «дискреционной компетенции» (автономия компетенции), и, в-третьих, в праве свободно определять пределы своей компетенции, однако с оговоркой о возникновении международной ответственности в случае нанесения ущерба правам третьих государств или их граждан (полнота компетенции).

Критикуя эту позицию, Н. А. Ушаков указывал, что, поскольку «во всех своих проявлениях “компетенция” государства имеет лишь “относительный” характер, от провозглашенной “независимости” государства остается ровным счетом голое место»³⁹. К другим минусам этой теории можно отнести то, что, во-первых, здесь налицо отождествление государства с его неограниченной властью, во-вторых, ни понятие «независимость», ни «автономия», ни «компетенция» не отражают в полном объеме внутренне присущее государству свойство быть верховным в пределах своих территориальных границ и независимым в международном общении. Наличие же компетенции говорит лишь о том, что решения должны приниматься соответствующими органами государственной власти, и не раскрывает верховный характер принимаемых решений.

Согласно четвертому подходу суверенитет рассматривается как **принцип**, «определяющий все стороны бытия государства: его возникновение, конституционное оформление, установление и закрепление основ его общественного и государственного устройства, конституирование им органов государственной власти и управления, определение роли общественных организаций и их участия в выполнении государственных функций, установление внешних символов государственного суверенитета, вопросы вступления и выхода из союзного государства, а также, разумеется, определение основ внутренней и внешней политики, компетенции государственных органов и организация выполнения всех функций государства» (Б. Л. Манелис)⁴⁰ или как «политический и юридический принцип, определяющий как отношения между государством и гражданами

³⁹ Цит. по: Ушаков Н. А. Суверенитет в современном международном праве. С. 25

⁴⁰ Манелис Б. Л. Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях / отв. ред. А. И. Ишанов. Ташкент, 1964. С. 54–55.

(суверенитет в государственном праве), так и отношения между государствами (суверенитет в международном праве)» (И. Д. Левин)⁴¹.

Как думается, эти определения являются очень широкими. В них, как верно отметил В. С. Шевцов⁴², речь идет о государственной власти, а не о государственном суверенитете, тем более что суверенитет проявляется в процессе осуществления государственной власти, но отнюдь не определяет ее как принцип. Кроме того, они не отражают суверенный характер государства. Не видно свойства государства быть верховным внутри страны и независимым на международной арене.

В связи с господством марксистско-ленинской теории возникла концепция, согласно которой суверенитет преподносился **как диктатура господствующего класса**. К представителям этой теории относят Ф. Сименского.

Е. Б. Пашуканис, несколько модифицировав эту позицию, считал, что «во всех случаях суверенитет есть не что иное, как юридическое выражение диктатуры класса»⁴³. По сути, эта теория является трансформацией теории отождествления суверенитета и власти.

Не совсем адекватным ответом на этот подход были определения Б. С. Крылова и Р. Л. Тузмухамедова. Первый предложил понимать суверенитет как свойство, характеризующее исключительно «государства, которые основывают свою деятельность на принципах демократии, либо, по крайней мере, стремятся к ней», поскольку «государство может быть суверенным только тогда, когда оно реализует волю народа, гарантирует права и свободы человека и гражданина, воплощает принципы демократии»⁴⁴. Следует отметить, что данная теория смешивает принципы реализации государственной власти (в широком смысле) и суверенитет как свойство государства. Тем не менее сходные идеи легли в обоснование последних «гуманитарных интервенций», осуществленных США, например, в отношении Ирака, где, по сути, государству было отказано в признании суверенитета на основании «недемократичности» существующего политического режима. Это определение легло в

⁴¹ Левин И. Д. Суверенитет. М., 1948. С. 105.

⁴² Шевцов В. С. Суверенитет советского государства. М., 1972. С. 28.

⁴³ Пашуканис Е. Б. Очерки по международному праву. М., 1935. С. 79–80.

⁴⁴ Проблемы суверенитета в Российской Федерации / под ред. Б. С. Крылова, И. П. Ильинского, И. А. Михалевой. М., 1994. С. 22.

основы современной концепции «суверенной демократии», выдвинутой в конце 2006 г. в российских средствах массовой информации.

Под термином «суверенная демократия» было предложено понимать такой образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими. По большому счету такое определение является некорректным.

Термин «демократия» понимается в науке, как правило, в двух смыслах: как государственный режим и как механизм народовластия. Реже под ним понимают форму правления или народный суверенитет. В силу сказанного можно утверждать, что связать государственный суверенитет и демократию достаточно сложно.

Во-первых, государственный суверенитет не зависит от государственного режима и формы правления, это качественная характеристика государства, отражающая его верховное положение внутри страны и независимое положение на международной арене. Во-вторых, суверенитет не зависит от того, как осуществляется государственная власть: непосредственно народом или через представителей. В-третьих, привязывая суверенитет к демократии, мы тем самым как бы лишаем суверенитета недемократические государства. Думается, что создатели этой концепции несколько неудачно модифицировали теорию народного суверенитета, преломив ее через доктрины государственного суверенитета и демократии. И как итог – понятие, которое, указав на источник и субъект власти, не раскрывает сущности ни суверенитета, ни демократии.

Не менее радикальное определение государственного суверенитета предложил Р. А. Тузмухамедов. Он считал, что «суверенитет – это независимость власти, властной способности», которая «может принадлежать только народу», в силу чего государственный суверенитет представлялся им как «бюрократическая узурпация суверенитета народа», «подмена народного суверенитета государственным»⁴⁵.

К шестому подходу можно отнести доктрины, рассматривающие суверенитет как свойство (качество) государства или государ-

⁴⁵ Суверенитет в государственном и международном праве (круглый стол): из выступления Р. А. Тузмухамедова // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 27.

ственной власти. На настоящий момент они являются преобладающими и в зарубежной, и отечественной литературе. Однако и в этом подходе нет единства. Основные дискуссии разворачиваются по двум направлениям: во-первых, характеристикой государства, или его власти, или их обоих является суверенитет, во-вторых, суверенитет – это свойство, качество или атрибут государства или его власти.

Большая часть ученых склоняется к тому, что государственный суверенитет является качеством (свойством, качественной характеристикой) государственной власти, а меньшая к тому, что он качество (свойство, атрибут, признак) государства.

Для представителей первого направления характерно определение суверенитета как верховенства государственной власти внутри страны и ее независимости от какой бы то ни было другой власти в международных отношениях. Основывается она на том, что суверенитет государства проявляется непосредственно в деятельности государственной власти. А для сторонников второго направления суверенитет представлялся как присущее государству верховенство на своей территории и независимость в международных отношениях⁴⁶.

Реже суверенитет рассматривается как **свойство «государственной власти в целом» и государства**, что в принципе верно, если рассматривать государство в узком смысле. Причем большая часть авторов непоследовательна в своей позиции. Так, В. С. Шевцов утверждает, что принадлежность суверенитета одновременно государству и его власти не означает «расщепления» понятия «государственный суверенитет», так как эти понятия равноценны и равнозначны. В то же время он считал, что «государственный суверенитет соотносится с государственной властью так же, как свойства какого-либо явления соотносятся с самим явлением»⁴⁷.

Э. Л. Кузьмин одновременно определяет суверенитет как высшую власть органов государства, регулируемую правом и осуществляемую в правовых формах во имя исполнения классовых за-

⁴⁶ См.: Черниченко С. В. Указ, соч. Т. 1. С. 174; Ушаков Н. А. Суверенитет в современном международном праве. С. 6–7, 14–16; Манелис Б. Л. Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях. С. 84; Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 2000. С. 101; Вихарев С. Р. Суверенитет Белорусской ССР в составе Союза ССР / под ред. В. А. Дорогина. Минск, 1958. С. 7

⁴⁷ Шевцов В. С. Государственный суверенитет (вопросы теории) / отв. ред. А.П. Мовчан. М., 1979. С. 7–11.

дач, формируемых в виде государственных функций, и как ее свойство, «качественную характеристику»⁴⁸, выражающую ее верховное положение внутри страны и независимость вовне. Более последователен в своих взглядах В. А. Дорогий, утверждавший, что «в государственном праве суверенитет конкретно выступает как свойство государственной власти, т. е. непосредственно принадлежит именно государственной власти», но «суверенитет принадлежит государству не непосредственно, а через посредство государственной власти, обладающей суверенитетом»⁴⁹. Хотелось бы возразить автору. На сущностные характеристики суверенитета не влияют функции государства. Сущность суверенитета состоит в свойстве государства быть верховным внутри страны и независимым на международной арене, вне зависимости от функций государства, которые меняются время от времени.

Однако представляется, что, отвечая на вопрос, что такое суверенитет, необходимо выяснить, что такое «государство» и «государственная власть» и как они соотносятся между собой.

Во-первых, термин «государство» предлагается рассматривать в узком (собственно-юридическом) и широком (общесоциальном) смыслах (Н. А. Пьянов и др.). При этом под первым понимают состоящую из органов управления и принуждения суверенную политико-территориальную организацию, которая существует за счет общества, выражает его власть и осуществляет ее в целях создания и поддержания в обществе определенного порядка, а под вторым – «политико-территориальный союз людей, представляющий собой принципиально новый тип общества и управляемый особой публичной властью, выраженной в специальном аппарате управления и принуждения»⁵⁰. Под **государственной же властью** обычно понимают способность или возможность осуществлять политическое руководство обществом при помощи различных, в том числе и специальных, средств и методов. При этом вопрос о соотношении понятий «государство» и «государственная власть» является дискуссионным: их либо **отождествляют**, либо соотносят как **содержание и форму** или как **свойство и явление**, либо рассматривают государственную

⁴⁸ Кузьмин Э. Л. Указ. соч. С. 47.

⁴⁹ Дорогий В. А. Суверенитет в советском государственном праве. М., 1948. С. 55–56.

⁵⁰ Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособ. Ч. 1. Иркутск, 2004. С. 46–51.

власть в качестве **признака государства** либо как **сущность государства**.

Думается, что соотносить понятия «государство» и «государственная власть» необходимо с учетом двоякого понимания государства. Так, государственную власть необходимо рассматривать в качестве атрибута (признака) государства в широком смысле и содержания государства в узком смысле. Это дает нам право предположить, что суверенитет государства в узком смысле выступает одновременно характеристикой государства и государственной власти, так как в этом случае суверенитет, проявляясь (практически реализуясь) «в деятельности олицетворяющей его государственной власти», выраженной вовне в органах управления и принуждения, взятых в совокупности, является показателем того, что государственная власть является высшей в государстве. При этом необходимо отметить два основных момента.

Во-первых, суверенитет не может принадлежать каждому из государственных органов по отдельности. Только все эти органы, взятые в совокупности, могут обладать суверенитетом. Во-вторых, несмотря на то что осуществление государственной власти «есть в юридическом смысле осуществление государственного суверенитета», такая власть суверенна «лишь условно», «поскольку она олицетворяет суверенность государства во всех случаях, кроме народного волеизъявления».

Несколько иначе решается вопрос, если рассматривать суверенитет как свойство государства в широком смысле. Государство в этом смысле выступает как страна, как совокупность трех основных атрибутов (элементов): населения, территории и государственной власти. Отсутствие одного из них «лишает тот или иной союз признаков и качества государства». Эта взаимосвязь, как указывает С. Н. Бабурин, обуславливается тем, что «территория предполагает некую обязательную форму существования государства, народ – “содержимое” этой формы, а власть – силу, скрепляющую форму и содержание в единое целое, притом не просто силу, как у Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо, а силу “на службе права”. Государство – это народ, юридически организованный на своей территории»⁵¹.

⁵¹ Бабурин С. Н. Территория государства; теоретико-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 32.

Соответственно, суверенитет, выступая как «визитная карточка», «правовой символ» существования страны, **принадлежит непосредственно государству** с момента его возникновения как официальному представителю всего общества. При этом государство становится субъектом международного права *ipso facto*, в силу суверенитета, независимо от международного признания в качестве такого. Суверенитет в этом случае выступает «свидетельством о рождении государства». Он служит основанием приобретения и международной правосубъектности (способности выступать как самостоятельный субъект международного общения), предпосылкой возникновения прав и обязанностей государств в международном общении.

При этом необходимо отметить, что международное право не рассматривает как утрату международной правосубъектности и суверенитета временную потерю государством своей личности, в результате временного разрушения организации властвования, если сохраняется его территориальная и людская база (народ, идентифицирующий себя с конкретным государством, как источник государственного суверенитета). В этом случае международное сообщество сохраняет надежду на восстановление государства.

То есть международное право признает носителем государственного суверенитета и «обладателем» соответствующих суверенных прав и обязанностей само государство, так как именно оно формирует систему органов и их компетенцию и, устанавливая общий правопорядок, осуществляет внутри страны высшую власть над населением и его объединениями, а вовне – реализует такие присущие «внешней стороне» государственного суверенитета права, как «право на мир, право на международное общение и сотрудничество с другими государствами», право на участие в «универсальных международных договорах без какой-либо дискриминации»⁵², право на полноправное членство в международных организациях, право на нейтралитет и др. В силу этого верховенство и независимость не являются имманентными свойствами государственной власти, она приобретает их лишь постольку, поскольку сама является признаком государства. Государственная власть сама по себе суверенитетом не обладает, а наделяется в лице своих органов

⁵² Марченко М. Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. № 1. С. 195.

определенной компетенцией по реализации суверенных прав государства, причем объем их властных полномочий напрямую зависит от того, как определены границы этих полномочий⁵³.

Во-вторых, представляется необходимым соотнести понятия **признак, качество, свойство и атрибут, принцип, элемент**. Под первым, как правило, понимают ту сторону в предмете или явлении, по которой его можно узнать, определить или описать, которая служит его приметой, знаком. Близким по содержанию является термин **свойство**, понимаемый как отличительная способность, характеризующая предмет, явление, составляющее их отличительную способность. В отличие от свойства **качество** не подвержено изменениям. Атрибут – это необходимое, существенное, неотъемлемое свойство предмета или явления. **Принцип** – это основная идея, требование, предъявляемое к деятельности (поведению). **Элемент** – это такая дробная часть целого, которая, вступая в определенную систему, создает целое. Думается, что термин «атрибут» наиболее точно выражает неотъемлемое свойство государства быть верховным внутри страны и независимым на международной арене. Термины «качество», «свойство», «признак» требуют дополнительно прилагательных «имманентный», «неотъемлемый» и т. п. Хотя иногда суверенитет рассматривается как «атрибутивное свойство любого государства»⁵⁴.

В рамках этого подхода также предлагалось рассматривать суверенитет как *состояние власти*, которое обеспечивает государству возможность свободного и самостоятельного осуществления своей внешней и внутренней политики (А. А. Козырев, В. В. Гошуляк) или как *народную мощь в ее высшем достоинстве и наибольшей власти* (Блунче).

Рассмотрев основные подходы к определению понятия государственного суверенитета, необходимо выяснить, является ли данное понятие формальным, поскольку от решения данного вопроса зависит, куда будет смещен акцент в понятии суверенитета – на фактическую способность или на юридическое свойство государства быть верховным внутри страны и независимым на международной арене. Достаточно остро вопрос о формальном (фактиче-

⁵³ Проблемы суверенитета в РФ / под ред. Б. С. Крылова, И. П. Ильинского, И. А. Михалевой. С. 17.

⁵⁴ Эбзеев Б. С., Карапетян Л. М. Российский федерализм: равноправие и асимметрия конституционно-правового статуса субъектов // Государство и право. 1995. № 3. С. 5.

ском) характере суверенитета стоит в «сепарирующихся» государствах, например в молдавском Приднестровье, которое фактически не подчиняется Молдове (в состав которой входит) и, более того, имеет государственную границу с ней.

По вопросу о характере суверенитета в науке сложилось как минимум три позиции.

Во-первых, суверенитет рассматривается как исключительно юридическая (правовая) формальная категория, не зависящая от объема государственной власти, непосредственно осуществляемого данным государством (Н. П. Палиенко, А. С. Яценко и др.). Предполагалось, что суверенитет государства выступает как юридический символ его личности, отражающий в праве факт политической организации данного общества как самостоятельного организма. То есть суверенитет мыслится как качественная категория, в самом общем смысле означающая свойство государства быть верховным внутри страны и независимым на международной арене вне зависимости от объема государственной власти, непосредственно осуществляемого данным государством. Суверенитет в этом смысле является «не материальным понятием силы, а чисто формальным понятием права»⁵⁵, которое иногда сравнивают с государственным флагом.

Такой позиции придерживается большинство ученых-международников. Считается, что формальный характер суверенитета наиболее явно прослеживается в международном праве, которое признает суверенные государства «совершенно равными, равноправными субъектами международного права независимо от степени их фактического могущества или политического влияния»⁵⁶.

Один из сторонников данного подхода, *В. Орландо*, утверждал, что необходимо различать внутреннее содержание суверенитета как высшего проявления юридической жизни государства, не меняющегося с изменением форм правления от различных форм его проявления, и рассматривать суверенитет как исключительно юридическое абстрактное внеисторическое понятие⁵⁷.

Кроме того, необходимо заметить, что определение суверенитета как возможности — «возможность полноправно осуществлять внутри- и внешнеполитические дела страны и не допускать вмеша-

⁵⁵ Гессен В. М. Общее учение о государстве. СПб., 1912. С. 56.

⁵⁶ Палиенко Н. И. Суверенитет. Историческое развитие ... С. 337.

⁵⁷ Орландо В. Принципы конституционного права. М., 1907. С. 32–33.

тельства в свою деятельность иностранных государств и других внутригосударственных сил (организаций)»⁵⁸ (Г. Инцкирвели) – и состояние независимости «данной государственной власти от всякой другой власти как внутри, так и вне границ этого государства»⁵⁹ (А. Я. Вышинский), также подчеркивает формально юридический аспект суверенитета, так как предполагается, что «ставить суверенитет государства в зависимость от его фактической способности осуществлять власть на своей территории или вне ее – значит подчинять государство произволу другого более сильного государства». Этот подход критиковали в советской литературе. В частности, оппоненты утверждали, что в этих определениях, во-первых, игнорируется фактическая способность государства «отстоять свой суверенитет», во-вторых, отвергается всякое различие между подлинным суверенитетом и его функцией, в-третьих, словосочетание «состояние независимости» служит основанием непризнания суверенными большого количества государств и, наконец, что юридическая форма полностью отрывается от ее материального содержания, а, «абстрагируясь от сущности явления, ученый закрывает для себя возможность познать и его форму»⁶⁰.

Во-вторых, суверенитет определяется как **исключительно политическое понятие** (теории Аффольтера, Герцфельдера и др.). Первый, в частности, утверждал, что понятия «власти» и «властвования» являются «вульгарными», а не юридическими, означая «лишь фактическое отношение силы»⁶¹. Поэтому суверенитет как свойство властвования преподносился как политическое понятие, не имеющее никакого юридического значения для объяснения правовой природы государства. В отличие от него второй все же признавал суверенитет единственным отличительным признаком государства.

На фактический аспект суверенитета указывали также те ученые, которые определяли суверенитет как **способность государства** «решать как внутренние, так и внешние дела независимо от

⁵⁸ Цит. по: Курашвили К. Т. Федеративная организация Российского государства. М., 2000. С. 89.

⁵⁹ Вышинский А. Я. Вопросы теории и истории государства и права. М., 1949. С. 410.

⁶⁰ Манелис Б. Л. Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях / отв. ред. А. И. Ишанов. С. 47

⁶¹ См.: Палиенко Н. И. Суверенитет. Историческое развитие ... С. 343–344.

какой-либо другой власти внутри и вне границ этого государства» (А. Ф. Шебанов)⁶².

В-третьих, суверенитет преподносится как понятие, включающее в себя два обязательных элемента: **формально-юридический** (в качестве своеобразной политико-правовой формы государственного суверенитета как явления) и **фактический** (в качестве материального (социального, политического) содержания) (Н. А. Ушаков, И. Д. Левин и др.). К этой позиции примыкает концепция суверенитета **как юридической формы**, в которой выражается **способность** государства быть верховным внутри страны и независимым вовне (С. А. Голунский и М. С. Строгович). Предполагается, что несмотря на то что определение суверенитета включает в себя лишь юридические признаки государства, ответить на вопрос, действительно ли данное государство суверенно, можно лишь с учетом его фактического положения среди других государств и внутри своей государственной территории. Государство существует как реальная сила, способная осуществлять верховенство на своей территории и выступать как независимая организация в международных отношениях. Понятие «суверенитет» должно отражать «подлинные качественные особенности государства, как они проявляются в реальных общественных отношениях», поскольку «юридическое всегда включает в качестве компонента и фактическое. Право, не опирающееся на действительность, не есть право»⁶³.

При этом предполагается, что формально-юридический аспект может выступить на первый план лишь в случае нарушения обычного течения жизни (например, вследствие борьбы народов за независимость). Фактическая же сторона суверенитета играет «доминирующую» роль в «процессе повседневной жизни и деятельности государства»⁶⁴. Обусловлено это тем, что данный аспект суверенитета, отражая реальные общественные отношения и материальные гарантии суверенитета, выраженные в нормах права, прежде всего, касается верховенства, «стабильности и устойчивости внутри страны»⁶⁵ государственной власти.

⁶² Основы Советского государства и права : учеб. для пед. ин-тов / под. общ. ред. А.И. Лепешкина. М., 1970. С. 10.

⁶³ Левин И. Д. Суверенитет. М., 1948. С. 66.

⁶⁴ Марченко М. Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. № 1. С. 196.

⁶⁵ Вихарев С. Р. В. И. Ленин о суверенитете союзных республик. Минск, 1969. С. 26.

Однако, несмотря на прямую зависимость «степени практической реализации государственного суверенитета» от «уровня реальной обеспеченности государственной власти»⁶⁶, *утрата практического аспекта* (означающая, что суверенитет «потерял свою практическую значимость и превратился из реального государственного суверенитета в формальный») *не ведет к прекращению суверенитета как такового*. Здесь речь идет *«лишь о сокращении материальных и иных возможностей его проявления и осуществления, но не об исчезновении или формально-юридическом ограничении государственного суверенитета как такового»*⁶⁷. Государственный суверенитет как предпосылка международной правосубъектности, как неотъемлемое свойство государства при этом не только сохраняется, но и при возникновении соответствующих условий вновь активно проявляется и укрепляется. Соответственно, материальный аспект выступает как своеобразная гарантия реализации государственного суверенитета.

Этот подход в современной отечественной литературе является более распространенным, тем не менее, на наш взгляд, более обоснованным является первый подход, рассматривающий суверенитет как исключительно юридическую категорию.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что понятие «государственный суверенитет» является сложным, комплексным правовым понятием. В самом общем виде его можно определить как верховенство государства в пределах его территориальных границ и независимость на международной арене.

С учетом дуалистического понимания государства представляется возможным дифференцировать понятие государственного суверенитета. Думается, что суверенитет государства в узком смысле этого слова показывает, что государство является единственной всеохватывающей политико-территориальной организацией властвования, которая имеет возможность и способность выступать от имени всего народа в целом (или его отдельных групп, классов) на международной арене и принимать решения, носящие решающий характер внутри страны и распространяющиеся на всех лиц, проживающих там. А суверенитет государства в широком смысле этого слова означает, что человеческое общество территориально организовано и управляемо особой политической организацией, которая верховна внутри страны и независима на международной арене.

⁶⁶ Марченко М. Н. Государственный суверенитет ... С. 196.

⁶⁷ Там же. С. 197.

ГЛАВА 2

Технологическое развитие и государственный суверенитет

Как уже было показано ранее, государственный суверенитет является строго формализованным государственно-правовым явлением, связанным с основополагающими свойствами государства. Он имеет как общетеоретическое, так и конституционно-правовое измерение.

При этом в правовом пространстве, помимо собственно категории государственного суверенитета, встречается также и категория технологического суверенитета, являющегося основным предметом исследования в рамках данной работы.

Очевидно, что сам термин «технологический суверенитет» фактически не соотносим с государственным суверенитетом, поскольку они являются разноплановыми феноменами. Но государственный суверенитет является тем фундаментом, без которого невозможно возникновение каких-либо явлений (отличных от суверенитета в классическом его понимании), которые традиционно соотносят с термином «суверенитет». Речь идет о таких явлениях, как «информационный суверенитет»⁶⁸, «продовольственный суверенитет»⁶⁹, «финансовый суверенитет»⁷⁰, «коммуникационный суверенитет»⁷¹, «технологический суверенитет»⁷². Как мы видим, термин «суверенитет» становится достаточно популярным как в нормотворческой деятельности, так и в правовой доктрине. При этом оче-

⁶⁸ Нарутто С. В., Колмаков С. Ю., Япрынцеv И. М. Информационный суверенитет: конституционные основы в условиях развития цифрового государства // Образование и право. 2022. № 10. С. 14–22.

⁶⁹ Малов А. В. Продовольственный суверенитет как фактор современного миропорядка // РСМ. 2018. № 1 (98). С. 146–156.

⁷⁰ Тхалиджоков Э. Х. Понятие и сущность финансовой безопасности и финансового суверенитета: соотношение понятий // Вестник науки. 2023. № 4 (61). С. 45–52.

⁷¹ Панарин И. Н. Коммуникационный суверенитет России // Обзор. НЦПТИ. 2013. № 2. С. 8–13.

⁷² Константинов И. Б., Константинова Е. П. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики // Вестник ПАГС. 2022. № 5. С. 12–22.

видно, что использование этого «термина» связано скорее с популярностью самого термина «суверенитет», нежели чем с реальным наполнением предлагаемых новых явлений. По большому счету под всеми этими «суверенитетами» понимается государственная политика, основанная на принципе самостоятельности государства в выборе стратегии государственной политики развития той или иной области общественной жизни. При этом указанные явления имеют ту известную схожесть с государственным суверенитетом, что проявляется в двух аспектах – внутринациональном и международном.

Рассмотрим подробнее явление, именуемое «технологический суверенитет». Согласно Указу Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»⁷³ технологический суверенитет, или суверенитет Российской Федерации в технологической сфере, – это способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства. Полагаем, что данное определение в целом отражает сущность государственной политики в области технологического развития, однако использование термина «суверенитет» не в полной мере отражает содержательные аспекты данного явления.

Если рассматривать суверенитет как свойство государства обладать верховенством внутри государства и способность участвовать в международных отношениях во внешнеполитической сфере, то целесообразнее было бы говорить о том, что государственный суверенитет является необходимым условием для осуществления государственной политики в сфере технологического развития.

Фактически такая технологическая политика должна совмещать два элемента. Во-первых, обеспечивать возможность верховенства интересов государства и общества в сфере технологического развития в Российской Федерации, применительно к внутригосударственному регулированию, во-вторых, обеспечивать возможность взаимодействия Российской Федерации с зарубежными государствами в сфере научно-технического сотрудничества и техноло-

⁷³ О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 28 февр. 2024 г. № 145 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

гического развития. Полагаем, что в настоящее время Российской Федерацией предпринимается деятельность, направленная на формирование как внутренней, так и внешней политики в области технологического развития, которая зиждется на реализации концепции государственного суверенитета.

В отечественной юридической литературе дискуссионным является вопрос о совокупности принципов государственного суверенитета. Детально данный вопрос описали А. Л. Бредихин и Е. Д. Проценко⁷⁴. Данные авторы предлагают следующие принципы государственного суверенитета: политико-юридический характер государственного суверенитета; атрибутивность государственного суверенитета; реальность государственного суверенитета; неисчерпаемость суверенных прав; непрерывность государственного суверенитета. Полагаем, что все эти признаки государственного суверенитета проявляются в контексте государственной технологической политики.

Политико-юридический характер государственного суверенитета применительно к государственной технологической политике проявляется в том, что основные ее параметры определяются органами государственной власти, и в первую очередь профильными органами исполнительной власти: Министерством промышленности и торговли РФ (в рамках основных параметров государственной технологической и промышленной политики), Министерством науки и высшего образования РФ (в рамках определения параметров научно-инновационной деятельности в стране), Министерством экономического развития РФ (в рамках сопряжения развития технологий с основными макроэкономическими параметрами экономики государства), Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (в рамках реализации информационных и цифровых инноваций, внедрения передовых технологий в сфере информации и связи), Министерством энергетики РФ (в рамках внедрения современных технологий в области энергетики, в том числе экологически благоприятной энергетики, энергосбережения и энергетической эффективности).

Кроме того, в отдельных сферах деятельности практически каждый орган исполнительной власти осуществляет государствен-

⁷⁴ Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. Принципы и свойства государственного суверенитета // Академический юридический журнал. 2016. № 3 (65). С. 4–12.

ную политику, связанную с передовыми направлениями технологического развития, будь то современные технологии сельскохозяйственного производства или технологии в области здравоохранения и охраны здоровья граждан.

Правовой характер суверенитета, применительно к технологическому развитию, опирается на то, что основные параметры технологического развития в России заданы нормативными правовыми актами (будь то федеральные законы, постановления правительства, указы президента или акты министерств и ведомств), а не планами отдельных компаний или внешним влиянием (формирование национальной научно-технической и технологической политики в рамках наднациональных повесток, что проявляется, например, в отказе отдельных государств от развития технологий в ядерной энергетике).

Таким образом, очевидно, что национальная технологическая политика Российской Федерации основана на данном принципе государственного суверенитета и в этой связи позволяет обеспечивать технологическое развитие на основе решений органов государственной власти России и в рамках нормативных коридоров, предусмотренных российским законодательством.

В мире есть иные примеры, когда государственная технологическая политика ограничивалась, например, внешним воздействием. Примером этому может являться ситуация с исследованиями в области атомной энергетики Исламской Республики Иран, которая некоторое время ограничена в возможностях технологического развития в сфере обогащения урана и его использования в связи с подписанием шестистороннего соглашения.

Атрибутивность государственного суверенитета выражается в том, что данное явление представляется неотъемлемым свойством государства, его «атрибутом», без которого государство не может существовать. При этом современное государство не может существовать и без государственной технологической политики. С древнейших времен каждое государство стремилось укрепить свои военные, политические и экономические возможности освоением тех или иных технологий. Именно технологии в различных сферах от земледелия и металлургии до военного дела и мореплавания становились определяющими в вопросе сохранения или прекращения существования того или иного государства. Разумеется, наличие той или иной технологии никогда не было достаточной гарантией

сохранения государственности (в противном случае Древний Рим, существенно в технологическом плане опережавший любые иные государства своего времени, не пал бы под натиском варварских племен), но, безусловно, необходимой составляющей любого государства, стремящегося сохраниться в международно-политической конкуренции.

В настоящее время технологическая борьба между государствами не прекращается. Многие государства заявляют о создании собственных программ инноваций в области энергетики, собственных космических программ, программ в области передачи данных и информационного развития, освоения биоразнообразия океанов и многое другое. При этом можно говорить о том, что без серьезного решения задач в области технического развития, без продвижения в основных технологических программных коридорах ни одно государство, стремящееся обеспечить реализацию собственного суверенитета, обойтись не может. И чем больше программ и планов развития, подкрепленных финансовыми ресурсами, кадрами и институциональным оформлением, имеет государство, тем выше вероятность того, что данное государство сможет сохранить суверенную политику во всех остальных сферах, а значит, сохранит собственную государственность и территориальную целостность, возможность быть равноправным субъектом в международных отношениях.

Реальность государственного суверенитета проявляется в том, что суверенитет проявляется в возможности органов государственной власти принимать конкретные решения в той или иной сфере, обеспечивать их выполнение (реализацию) и в случае нарушения установленного порядка применять меры ответственности в отношении нарушителей. Наличие реального государственного суверенитета позволяет принимать и реализовывать решения без опоры на требования и действия иных субъектов (государств, международных организаций, политических течений, конкретных политических акторов). В таком случае показателем отсутствия суверенитета является ситуация, при которой в том или ином государстве отменяется решение, которое принято государственными властями под воздействием иностранного давления.

В сфере технологического развития реальность суверенитета проявляется в способности государства самостоятельно определять направления и параметры государственной технологической поли-

тики, обеспечивать реализацию такой политики как административно-распорядительными действиями, так и выделением финансовых ресурсов, возможности определять государственную политику в области сохранения государственной тайны в отношении технологий и их применения. В этом контексте можно отметить, что Российская Федерация обладает безусловной реальностью государственного суверенитета в отношении технологического развития, свидетельством чему является и принятие документов государственного планирования, и подготовка проектов федерального закона независимо от мнения иных субъектов международных отношений и международных организаций. Однако в данном случае реальность государственного суверенитета является номинальной, т. е. сопряженной с возможностью принимать и реализовывать те или иные решения, но не с обязательностью достижения намеченного результата.

Другой плоскостью государственного суверенитета в отношении технологического развития является сопряжение принимаемых решений с реальными возможностями государства. В том случае, если иностранные акторы не могут повлиять на органы государственной власти в части формирования государственной технологической политики и ее реализации, могут быть предприняты попытки, направленные на ограничение реализации суверенных прав тех или иных государств в части технологического развития за счет блокировки поставки оборудования, материалов, сопутствующих технологий и т. д. В частности, мы можем наблюдать за такими попытками ограничения Российской Федерации в праве на технологическое развитие на примере реализации технологии строительства среднемагистрального лайнера МС-21. Запрет на поставку части деталей, а также материалов для данного самолета привел к необходимости разработки замещающих технологий и налаживания соответствующих производств, что вылилось в существенную задержку реализации проекта.

Стоит отметить, что данная проблема связана с тем, что, хотя в этом случае формально реальность суверенитета не страдает (государство может принимать решения, направленные на дальнейшее технологическое развитие), фактически решения выполнены быть не могут либо выполняются с существенными материальными и временными затратами. При этом право государств на технологиче-

ское развитие является правом государства, признанным международным правом. Согласно ст. 2 Декларации о праве на развитие, утвержденной Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 41/128 от 4 декабря 1986 г., «государства имеют право и обязанность определять соответствующую национальную политику развития, направленную на постоянное повышение благосостояния всего населения и всех отдельных лиц на основе их активного, свободного и конструктивного участия в развитии и в справедливом распределении создаваемых в ходе его благ». В то же время в ст. 3 определено, что «государства должны сотрудничать друг с другом в обеспечении развития и устранения препятствий на его пути. Государства должны осуществлять свои права и выполнять свои обязанности таким образом, чтобы содействовать установлению нового международного экономического порядка, основанного на суверенном равенстве, взаимозависимости, взаимной заинтересованности и сотрудничестве между всеми государствами, а также поощрять соблюдение и осуществление прав человека».

Таким образом, международное право рассматривает технологическое развитие как одно из прав суверенных государств. Следовательно, ограничение данного права, его нарушение должны рассматриваться как международно-правовой деликт и посягательство на суверенные права государства. Это, в свою очередь, является основанием (исходя из принципа взаимности) к ответным мерам, в первую очередь направленным на защиту интересов государства и общества и выражающимся в использовании необходимых мер для обеспечения должного уровня технологического развития даже в условиях внешнего воздействия. К ним можно отнести временные ограничения режима признания прав интеллектуальной собственности, введение института параллельного импорта (импортирование продукции независимо от согласия производителя товара или его официального дистрибьютора⁷⁵) и т. д. Фактически введение таких мер является реализацией государственного суверенитета в рамках действий, необходимых для осуществления технологического развития.

Неисчерпаемость суверенных прав характеризуется тем, что государство не имеет ограничений, позволяющих в той или иной мере говорить об окончательном характере совокупности прав, ко-

⁷⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 г. № 8-П // Российская газета. 2018. № 39.

которые реализуются государством. Только в рамках концепции суверенитета может быть обеспечена возможность полномасштабного использования возможностей государства для решения задач технологического суверенитета. При этом только и исключительно государство может определять, какие механизмы могут использоваться для реализации технологического развития, а какие не могут. При этом только государство может определить (и определяет) пределы использования тех или иных прав. Так, в частности, само государство может отказаться от определенных форм поддержки национальному товаропроизводителю, например, в рамках ограничений, взятых на себя в рамках Всемирной торговой организации (в том числе ограничения в субсидировании тех или иных отраслей экономики) или в рамках двусторонних договоров с теми или иными странами. В таком случае эти ограничения будут проявлением суверенитета государства, взявшего на себя такие обязательства.

С другой стороны, зачастую отдельные государства самостоятельно ограничивают себя в определенных аспектах технологического развития, даже вне рамок международного сотрудничества. Так, многие государства ввели ограничения и запреты на клонирование человека⁷⁶, исходя из принципа медицинской и биотехнологической этики. Также есть отдельные государства, которые самостоятельно ограничили себя в возможности развития ядерных технологий⁷⁷. Такие самоограничения также являются проявлением неисчерпаемости суверенных прав, предполагающих выгодность как абсолютного использования технологических возможностей, так и отказа от такого использования.

Невозможно предполагать, что какое-либо государство, идущее по пути технологического развития, может быть ограничено в праве продолжения такого развития только и исключительно под предлогом исчерпания суверенных прав. Имеющиеся случаи требований со стороны иных государств ограничить применение тех или иных технологий, как правило, сопряжены не с мотивами исчерпания суверенных прав, а интересами экономического, военно-стратегического, экологического или иного порядка.

⁷⁶ См.: Фетюков Ф. В. Законодательство о клонировании человека: мировой опыт и правовая модель для современной России // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2020. № 4. С. 881–890.

⁷⁷ Зимаков А. В. Трансформация энергетики в Германии: судьба атомной и угольной отрасли // Современная Европа. 2017. № 5 (77). С. 74–85.

Непрерывность государственного суверенитета означает, что суверенные права конкретного государства реализуются всегда, независимо от тех или иных ситуаций. Прекратить суверенные права может только прекращение существования государства. Относится это и к сфере технологического развития. Государство, определяя контуры технологической политики, исходит из того, что реализация суверенных прав в части организации технологического развития будет осуществляться постоянно, поступательно, комплексно и не будет пресекаться.

Непрерывность государственного суверенитета проявляется также и в том, что государство, реализуя государственную политику в области технологического развития, осуществляет не только нормативное закрепление правил поведения в данной сфере, но и государственную технологическую политику благодаря деятельности органов исполнительной власти, поддерживая ее деятельностью правоохранительных органов и органов судебной власти.

В таком случае можно констатировать факт непрерывной реализации суверенных прав государства в области установления параметров технологического развития государства и условий осуществления технологической внедренческой деятельности.

Таким образом, все свойства суверенитета показывают, что государственная технологическая политика реализуется благодаря наличию государственного суверенитета и посредством суверенных прав государства, в том числе права принимать (издавать) правовые нормы, права реализовывать принятые нормы в рамках деятельности органов исполнительной власти и обеспечивать судебной защитой и защитой со стороны правоохранительных органов.

Любое государство (в том числе и Российская Федерация), осуществляя технологическую политику, делает это благодаря наличию суверенитета как свойства государства и посредством суверенных прав. Эта аксиома позволяет формировать наиболее комплексные правовые и административно-управленческие конструкции в целях обеспечения развития общества.

Во внутринациональном аспекте, при понимании суверенитета как верховенства, он проявляется посредством того, что именно государство формирует технологическую политику. В рамках одного государства, как правило, не может быть двух или более государственных технологических политик (исключением может быть,

например, опыт КНР, в которой технологическая политика Китая не тождественна технологической политике Гонконга и Макао, однако и в этом случае речь идет о суверенной воле государства на формирование такой политики, выраженной через призму международных договоров Китая).

Технологическая политика России в контексте реализации государственного суверенитета проявляется в различных формах. В первую очередь в единстве правового пространства. Органами государственной власти утверждена Концепция технологического развития России до 2030 года. В концепции определено, что под **технологическим суверенитетом** понимается наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах – исследования, разработки и внедрения критических и сквозных технологий (по установленному перечню) и производства высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях. Технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами.

Проектами технологического суверенитета названы проекты полного инновационного цикла по производству высокотехнологичной продукции на основе собственных линий разработки с использованием критических и сквозных технологий, охватывающие все стадии инновационного цикла и включающие в том числе кадровые и регуляторные аспекты.

В рамках концепции определены основные угрозы российскому технологическому суверенитету. **Первой угрозой** является недостаточная способность национальной экономики адаптироваться к глобальным трендам, имеющим системный характер, что приводит к структурным деформациям экономики и повышает социальную напряженность: резкое ускорение процесса создания и распространения качественно новых технологий, в том числе цифровых, радикально меняющих рынки и производственные системы; усложнение технологий, особенно в области микроэлектроники, вычисле-

ний, новых материалов, системотехники, требующее развития соответствующих компетенций и глубокой кооперации исследований; влияние на глобальную экономику климатических изменений, стимулирующих распространение энергосберегающих и «зеленых» технологий, а также ограничения на импорт и потребление углеводородов и сырьевых товаров; системные нарушения баланса спроса и предложения на ряде глобальных товарных рынков, включая рынки энергоносителей, металлов, удобрений, продовольствия; формирование в наиболее развитых странах новых стандартов уровня и качества жизни, в том числе в сфере здравоохранения, образования, жилья и безопасности.

Вторая угроза – отставание от наиболее развитых стран в темпах инновационно ориентированного экономического роста, что обусловлено низкой мотивацией разработчиков технологических решений к созданию соответствующих производств в силу слабой защищенности технологических предпринимателей, недостатка финансовых ресурсов и относительно небольшой емкости внутреннего рынка высокотехнологичной продукции, а также компаний и корпораций – к исследованиям и технологическим инновациям, прежде всего в силу низкой конкуренции и возможности покупки готовых технологических решений за рубежом (до применения санкций).

Третья угроза – отток талантов и высококвалифицированных кадров за рубеж, уменьшающий возможности научного и технологического развития страны, конкурентоспособность российской экономики.

Четвертая угроза – нарушение функционирования производственных систем (разрыв производственных цепочек) под воздействием санкционных ограничений в области технологий.

Эти угрозы порождают потребности в деятельности по реализации приоритетных проектов, к числу которых в рамках концепции отнесены: технологии обработки и передачи данных (искусственный интеллект, включая технологии машинного обучения и когнитивные технологии; технологии хранения и анализа больших данных; технологии распределенных реестров; нейротехнологии, технологии виртуальной и дополненной реальности; квантовые вычисления; квантовые коммуникации; новое промышленное и общесистемное программное обеспечение; геоданные и геоинформационные технологии; технологии доверенного взаимодействия; со-

временные и перспективные сети мобильной связи, технологии в сфере энергетики (технологии транспортировки электроэнергии и распределенных интеллектуальных энергосистем; системы накопления энергии; развитие водородной энергетики), новые производственные технологии (технологии компонентов робототехники и мехатроники; технологии сенсорики; микроэлектроника и фотоника; технологии новых материалов и веществ, их моделирования и разработки), биотехнологии и технологии живых систем (технологии управления свойствами биологических объектов; молекулярная инженерия в науках о жизни; бионическая инженерия в медицине; ускоренное развитие генетических технологий), технологии снижения антропогенного воздействия и перспективные космические системы и сервисы.

При этом указанные направления можно считать предварительными, поскольку государство в случае возникновения потребности может свободно скорректировать параметры технической политики, определив и иные технологии в качестве приоритетных.

Создание нового закона о технологическом развитии также является проявлением государственного суверенитета в области технологического развития. Параметры правового регулирования, а также определяемая им сфера непосредственной государственной деятельности в области технологического развития приводят к формированию государственной системы технологической деятельности, в работе над которой будут задействованы все органы государственной власти.

Еще одним проявлением реализации суверенных прав является установление единообразия в области метрологии, стандартизации и измерений. При этом в данном контексте Российская Федерация реализует свое суверенное право на международное сотрудничество, поскольку значительная часть государственных стандартов в настоящее время имеет международный характер и является стандартами Евразийского экономического союза. Метрология и стандартизация определяет исходные параметры для всех аспектов технологической деятельности, устанавливая нормативные пределы, в которых может быть реализован проект технологического развития в России.

В данном контексте можно констатировать факт того, что в России в полной мере реализуется государственный суверенитет в области технологического развития.

В международной сфере суверенитет проявляется как право участвовать в международных сношениях. Российская Федерация реализует свои суверенные права во внешнеполитическом поле, участвуя в международных научно-технологических проектах (ЦЕРН, ИКАР, МКС и др.), а также налаживая механизмы взаимодействия с зарубежными государствами в области технологического развития. В частности, с отдельными государствами Российская Федерация заключает соглашения о научно-техническом сотрудничестве.

В рамках таких соглашений, как правило, устанавливается, что договаривающиеся стороны способствуют развитию научно-технического сотрудничества путем осуществления мероприятий в таких формах, как реализация совместных научно-исследовательских и технологических проектов и обмен приборами и исследовательскими материалами; обмен учеными и специалистами, в том числе молодыми исследователями, в целях реализации научно-технических программ, проектов и других мероприятий, связанных с развитием научно-технического сотрудничества; организация и проведение семинаров, симпозиумов, конференций, выставок и других встреч научного характера; обмен научно-технической информацией и содействие созданию научной и (или) инновационной инфраструктуры и информационных сетей для их поддержки.

При этом значимыми сферами взаимодействия являются такие аспекты, как защита информации, организация совместных исследовательских и внедренческих проектов, защита авторских прав. Несмотря на активное санкционное давление, Российская Федерация и в настоящее время активно реализует свои суверенные права по международному взаимодействию, сместив вектор такого взаимодействия в отношении партнеров по Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС.

В Йоханнесбургской декларации БРИКС 2023 г. содержится комплекс позиций, определяющих вопросы международного сотрудничества в сфере технологического развития⁷⁸. Пунктом 23 де-

⁷⁸ Йоханнесбургская декларация – II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf> (дата обращения: 15.05.2024).

кларации установлено, что стороны подчеркивают огромный потенциал информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для роста и развития, признают связанные с ними существующие и новые возможности для преступной деятельности и угроз и выражают обеспокоенность растущим уровнем и сложностью использования ИКТ в преступных целях. Страны БРИКС приветствуют работу, ведущуюся в Специальном комитете по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях, и подтверждают свою приверженность своему временному сотрудничеству в реализации мандата, утвержденного резолюцией 75/282 Генеральной Ассамблеи ООН⁷⁹.

Страны БРИКС подтверждают приверженность созданию открытой, безопасной, стабильной, доступной и мирной среды для использования ИКТ, подчеркивают важность достижения общего понимания и активизации сотрудничества в использовании ИКТ и интернета. Они поддерживают центральную роль Организации Объединенных Наций в развитии конструктивного диалога по теме обеспечения безопасности ИКТ, в том числе в рамках Рабочей группы ООН открытого состава по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ в 2021–2025 гг., а также разработке общепризнанных нормативно-правовых рамок в этой области. БРИКС призывает к всеобъемлющему, сбалансированному и объективному подходу к разработке и обеспечению безопасности продуктов и систем ИКТ, подчеркивает важность формирования нормативно-правовых рамок для сотрудничества стран БРИКС по вопросам обеспечения безопасности в сфере использования ИКТ, признает необходимость развития практического сотрудничества в рамках БРИКС посредством осуществления «дорожной карты» практического сотрудничества БРИКС в обеспечении безопасности в сфере использования ИКТ и в рамках деятельности Рабочей группы БРИКС по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ⁸⁰.

Пунктом 51 Йоханнесбургской декларации – II определено, что страны БРИКС приветствуют продолжение сотрудничества по представляющим взаимный интерес темам устойчивого и переходного финансирования, информационной безопасности, финансовых

⁷⁹ Йоханнесбургская декларация – II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности».

⁸⁰ Там же.

технологий и платежей и рассчитывают на развитие работы в этих областях в рамках соответствующих направлений работы, включая предложенное исследование по использованию технологий для устранения пробелов в климатических данных в финансовом секторе, и поддерживают выдвинутые инициативы, направленные на укрепление кибербезопасности, включая обмен знаниями и опытом в этой области.

Страны БРИКС призывают к выполнению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года в трех ее аспектах: экономическом, социальном и экологическом – сбалансированным и комплексным образом путем мобилизации средств, необходимых для ее осуществления. Они призывают страны-доноры выполнять свои обязательства по предоставлению официальной помощи в целях развития (ОПР) и содействовать наращиванию потенциала и передаче технологий, а также дополнительных ресурсов в целях развития развивающимся странам в соответствии с целями национальной политики стран-получателей⁸¹.

БРИКС подчеркивает важность сотрудничества по вопросам сохранения и устойчивого использования биоразнообразия, таким как исследования и разработка природоохранных технологий, развитие охраняемых территорий и борьба с незаконной торговлей объектами дикой природы.

Согласно п. 58 декларации страны БРИКС подчеркивают необходимость оказания развитыми странами поддержки развивающимся странам в обеспечении доступа к существующим и разрабатываемым технологиям и решениям с низким уровнем выбросов, позволяющим избежать, сократить и устранить выбросы парниковых газов и активизировать меры по адаптации в целях решения проблемы изменения климата. Они подчеркивают необходимость активизации передачи низкокзатратных технологий и мобилизации доступных, адекватных новых и своевременно предоставляемых дополнительных финансовых ресурсов для реализации экологически устойчивых проектов⁸².

⁸¹ Йоханнесбургская декларация – II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности».

⁸² Там же.

В БРИКС действует Рамочная программа БРИКС в сфере НТИ, которая продолжает объединять ученых путем финансирования портфеля научно-исследовательских и опытно-конструкторских проектов между странами БРИКС. Страны БРИКС высоко оценивают усилия Секретариата Рамочной программы БРИКС в сфере НТИ по содействию обсуждению вопроса о запуске в 2024 г. конкурса предложений по флагманским проектам НТИ БРИКС и признают прогресс, достигнутый в реализации Плана действий БРИКС по инновационному сотрудничеству (2021–2024 гг.). В этой связи страны БРИКС приветствуют дальнейшие действия по реализации таких инициатив, как Сеть БРИКС по передаче технологий (центры передачи технологий БРИКС) и Сеть iBRICS (специализированная инновационная сеть БРИКС), а равно дальнейшие действия в области инноваций и предпринимательства, особенно со стороны Рабочей группы БРИКС по вопросам партнерства в области науки, технологий и инновационного предпринимательства, например, путем поддержки Учебно-инкубационной сети БРИКС, Программы обучения в сфере передачи технологий БРИКС и Форума стартапов БРИКС⁸³.

Все это свидетельствует о том, что научно-техническое и технологическое сотрудничество в рамках БРИКС развивается и в рамках Казанского саммита БРИКС 2024 г. должно перейти на новый уровень.

Факт наличия такого международного сотрудничества свидетельствует о том, что Россия реализует международные аспекты государственного суверенитета в рамках сотрудничества с рядом государств.

В конечном итоге можно констатировать факт, что технологическое развитие как задача и направление деятельности реализуется благодаря наличию государственного суверенитета, а также реальности его реализации в рамках государственной деятельности по технологическому развитию.

⁸³ Йоханнесбургская декларация – II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности».

ГЛАВА 3

Нормативно-правовая основа технологической деятельности и технологического развития в Российской Федерации

В последние годы актуализируется проблематика правового регулирования научно-технологической деятельности⁸⁴. Для определения верных векторов развития правовой регламентации в данной сфере, а также для ревизии существующего правового базиса представляется важным проведение анализа действующего законодательства в области научно-технологической деятельности.

Взяв за основу критерий юридической силы, систему нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих вопросы научно-технологической деятельности, можно представить в следующем виде.

1. Конституция РФ

Принятая более 30 лет назад Конституция РФ⁸⁵ не теряет своей актуальности в отношении современных цифровых и технологических сфер общественной жизни. Это вытекает не только из общего фундаментального характера Конституции РФ, но и из конкретных правовых предписаний, в ней заложенных.

В соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (далее – субъектов РФ) относятся общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодежной политики. Это означает, что вопросы науки в Российской Федерации могут регулироваться не только фе-

⁸⁴ Для удобства далее будем использовать термин «научно-технологическая деятельность», включая в объем данного понятия и научно-технологическое развитие.

⁸⁵ Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г., с учетом изм., одобр. общерос. голосованием 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

деральным правом, но и нормативными правовыми актами субъектов РФ. Отдельные территории Российской Федерации обладают значительным научным и промышленным потенциалом, который может быть эффективно реализован, в том числе за счет регионального правового регулирования. Поэтому отнесение сферы науки к вопросам совместного ведения расширяет возможности правовой регламентации данных правоотношений.

Пунктом «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ за Правительством РФ закреплено полномочие по обеспечению проведения в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды.

Приведенные конституционные положения были заложены в Конституцию РФ при ее первоначальном принятии в 1993 г. В этой связи нельзя не отметить конституционные поправки 2020 г.⁸⁶, в соответствии с которыми впервые в конституционную материю был включен термин «научно-технологическое развитие».

В соответствии с указанными поправками к предметам исключительного ведения Российской Федерации был добавлен такой вопрос, как установление основ федеральной политики и федеральные программы в области научно-технологического развития Российской Федерации (п. «е» ст. 71 Конституции РФ), а полномочия по обеспечению государственной поддержки научно-технологического развития Российской Федерации, сохранению и развитию ее научного потенциала возложены на Правительство РФ (п. «в¹» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ). Как видно, именно на Правительство РФ ложится глобальная задача обеспечения технологического развития Российской Федерации.

Поправки 2020 г. придали импульс развитию российского законодательства в области научно-технологической деятельности. Учитывая особое юридическое действие норм Конституции РФ (через отраслевое законодательное регулирование, через правовые позиции Конституционного Суда РФ, через прямое действие к от-

⁸⁶ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон РФ поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

дельным правоотношениям), можно говорить о том, что задача научно-технологического развития приобретает стратегический и постоянный характер.

Не сказал своего слова по вопросам правового регулирования научно-технологической деятельности Конституционный Суд РФ, решения которого не только прочно вошли в систему источников российского права, но и приобрели характер «предопределяющего» правового регулирования. Полагаем, что правовые позиции органа конституционного судебного контроля смогут не только определить основные векторы такого правового регулирования, но и помочь сформулировать конкретные условия, ограничения, допущения, приоритеты при регулировании научно-технологической деятельности (например, по таким актуальным вопросам, как применение искусственного интеллекта, робототехники, заимствование зарубежных технологий и т. д.).

2. Федеральные законодательные акты

Современное российское законодательство характеризуется отсутствием профильного рамочного федерального закона, регулирующего научно-технологическую деятельность. Объясняется это в том числе тем, что многие законодательные акты, регулирующие данные правоотношения, были приняты до конституционных поправок 2020 г. Кроме того, принятие рамочного федерального закона требует выработки концептуальных решений и определенного периода времени для их апробации. Однако современные реалии таковы, что такого времени нет, любое промедление в данном вопросе оборачивается технологическим отставанием и деградацией.

Законодательное регулирование в области научно-технологической деятельности осуществляется по различным направлениям. Условно можно выделить несколько групп законодательных актов в области научно-технологической деятельности.

Во-первых, можно назвать *Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»*⁸⁷. Данный федеральный закон является профильным законодательным актом, регулирующим научную и научно-техническую деятельность в Россий-

⁸⁷ О науке и государственной научно-технической политике : федер. закон от 23 авг. 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

ской Федерации⁸⁸. Данным законом устанавливается статус научных работников, научных организаций, государственных академий наук, регламентируются вопросы государственного управления наукой и реализации государственной научно-технической политики. Этим законом учреждается Единая государственная информационная система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения.

Указанным федеральным законом устанавливается легальная дефиниция инновационной деятельности⁸⁹, а также определяются принципы и формы государственной поддержки инновационной деятельности, к числу которых относятся:

- предоставление льгот по уплате налогов, сборов, таможенных платежей;
- предоставление образовательных услуг;
- предоставление информационной поддержки;
- предоставление консультационной поддержки, содействия в формировании проектной документации;
- формирование спроса на инновационную продукцию;
- финансовое обеспечение (в том числе бюджетные инвестиции, субсидии, гранты, кредиты, займы, гарантии, взносы в уставный капитал);
- реализация целевых программ, подпрограмм и проведение мероприятий в рамках государственных программ Российской Федерации;
- поддержка экспорта;
- обеспечение инфраструктуры.

В усеченном виде научно-технологическая деятельность представляет собой симбиоз науки, технологий и производства, поэтому

⁸⁸ Данный федеральный закон не является единственным законодательным актом, регулирующим науку и научную деятельность Российской Федерации. Помимо него можно выделить Федеральный закон от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 291-ФЗ «О Российском научном фонде и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и иные законы.

⁸⁹ Инновационная деятельность – это деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности (ч. 12 ст. 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»).

регулирование научно-технологической деятельности не может осуществляться в отрыве от регламентации общих вопросов научной деятельности и научно-технической политики.

Помимо закона, регулирующего научно-техническую политику, необходимо также выделить *Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации»*⁹⁰. Данным федеральным законом даются легальные дефиниции таким терминам, как «промышленный технопарк», «индустриальный (промышленный) парк», «промышленный кластер», «технопарк в сфере высоких технологий», а также определяются меры поддержки научно-технической деятельности и инновационной деятельности при осуществлении промышленной политики. Поскольку помимо науки научно-технологическая деятельность включает в себя производство, то правовое регулирование промышленной политики напрямую вытекает из первой.

Во-вторых, можно выделить группу федеральных законов, устанавливающих режим отдельных объектов научно-технологической деятельности и статус субъектов научно-технологической деятельности.

*Федеральный закон «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*⁹¹ (далее – Федеральный закон о научно-технологических центрах) можно условно считать специальным законодательным актом, регулирующим научно-технологическую деятельность, поскольку именно им устанавливается легальная дефиниция «научно-технологической деятельности». Согласно п. 10 ст. 2 Федерального закона о научно-технологических центрах научно-технологическая деятельность – это научная (научно-исследовательская), научно-техническая и инновационная деятельность, выполнение исследований и разработок, реализация научных и (или) научно-технических проектов, использование полученных научных и (или) научно-технических результатов, результатов интеллектуальной деятельности, в том числе их коммерциализация, по направлениям, определенным в решении о создании инновационно-

⁹⁰ О промышленной политике в Российской Федерации : федер. закон от 31 дек. 2014 г. № 488-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (ч. 1). Ст. 41.

⁹¹ Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4765.

го научно-технологического центра в соответствии с приоритетами научно-технологического развития Российской Федерации.

Исходя из данного федерального закона, научно-технологическая деятельность осуществляется в рамках инновационного научно-технологического центра, под которым понимается совокупность организаций, основной целью деятельности которых является осуществление научно-технологической деятельности, и иных лиц, деятельность которых направлена на обеспечение функционирования такого центра, действующих на определенной Правительством РФ территории.

Научно-технологический центр создается по решению Правительства РФ. Инициатором создания научно-технологического центра может выступать образовательная или научная организация, которая соответствует установленным критериям, или национальный исследовательский центр. Управление инновационным научно-технологическим центром осуществляется управляющей компанией.

К настоящему времени в Российской Федерации действуют или находятся на стадии создания 14 таких центров⁹²: «Воробьевы горы», «Сириус», «Русский», «Композитная долина», «Интеллектуальная электроника – Валдай», «Балтийская долина – HUMANTECH», «Долина Менделеева», «Квантовая долина», «Аэрокосмическая инновационная долина», «Парк атомных и медицинских технологий», «Кузбасская долина», «ИТМО “Хайпарк”», «Мичуринская долина», «Татищев». Указанные центры созданы на базе ведущих образовательных организаций.

Инновационный научно-технологический центр создается в границах определенной территории, на которой устанавливается особый правовой режим осуществления деятельности. Особый правовой статус инновационного научно-технологического центра не только заключается в особом порядке управления данной территорией, но предполагает особенности действия некоторых законодательных актов, а также особенности осуществления полномочий органами публичной власти на территории инновационного научно-технологического центра.

Инновационный научно-технологический центр выступает неким «государством в государстве» со своими внутренними прави-

⁹² Инновационные научно-технологические центры. URL: <https://ckp-rf.ru/ntirf/objects/istc/> (дата обращения: 18.04.2024).

лами и особенностями правового статуса. Избранный государством подход по наделению инновационных научно-технологических центров «исключительным» статусом обусловлен особой задачей образования таких центров – обеспечением научно-технологического развития Российской Федерации.

Вместе с этим отметим, что федеральным законом регулируется в основном внешняя деятельность, т. е. порядок создания таких центров, порядок участия в деятельности центра, особенности применения законодательства к данным центрам. Недостаточно внимания, на наш взгляд, уделено вопросам содержательным: в каких формах может осуществляться научно-технологическая деятельность; ограничения и запреты при осуществлении данной деятельности; порядок использования и внедрения результатов реализации проектов; порядок оказания содействия со стороны органов публичной власти и т. д.

*Федеральный закон «Об инновационном центре “Сколково”»*⁹³ послужил основой для разработки и принятия Федерального закона о научно-технологических центрах, поскольку содержательно и структурно он повторяет основные положения Федерального закона «Об инновационном центре “Сколково”».

Принятый в 2010 г. Федеральный закон «Об инновационном центре “Сколково”» представляет собой первый опыт законодательного регулирования научно-технологической деятельности. В отличие от Федерального закона о научно-технологических центрах, который устанавливает правовые основы создания и деятельности научно-технологических центров, Федеральный закон «Об инновационном центре “Сколково”» носит характер *ad hoc*, поскольку принят под конкретный объект – инновационный центр «Сколково».

В общественном сознании укоренилось понимание инновационного центра «Сколково» в качестве субъекта права, однако формально «Сколково» является объектом права, поскольку представляет собой совокупность инфраструктуры территории инновационного центра и механизмов взаимодействия лиц, участвующих в реализации проекта, в том числе путем использования этой инфра-

⁹³ Об инновационном центре «Сколково»: федер. закон от 28 сент. 2010 г. № 244-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 40. Ст. 4970.

структуры (п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об инновационном центре “Сколково”»).

В «Сколково» осуществляется проведение прикладных, поисковых научных исследований, экспериментальных разработок, а также научно-техническая деятельность, направленные на получение результатов интеллектуальной деятельности, иных научных и (или) научно-технических результатов в целях их последующего вовлечения в экономический оборот.

В соответствии с ч. 8 ст. 10 Федерального закона «Об инновационном центре “Сколково”» исследовательская деятельность в «Сколково» и коммерциализация ее результатов осуществляются в соответствии с правилами проекта, утвержденными управляющей компанией, по приоритетам научно-технологического развития, определенным стратегией научно-технологического развития РФ. Таким образом, деятельность «Сколково» и инновационных научно-технологических центров осуществляется по единым направлениям – приоритетам научно-технологического развития.

Федеральным законом «О развитии технологических компаний в Российской Федерации»⁹⁴ дается легальное определение технологической компании⁹⁵, а также определяются формы государственной поддержки технологических компаний. К числу данных форм поддержки законом отнесены следующие:

- предоставление льгот по уплате налогов, сборов, страховых взносов;
- предоставление информационной поддержки;
- предоставление консультационной поддержки;
- предоставление финансовой поддержки с учетом обоснованного риска технологической компании при недостижении результата такой поддержки;
- поддержка экспорта;
- формирование спроса на инновационную и (или) высокотехнологическую продукцию (работы, услуги);
- иные формы.

⁹⁴ О развитии технологических компаний в Российской Федерации : федер. закон от 4 авг. 2023 г. № 478-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6210.

⁹⁵ Технологическая компания – это российская коммерческая организация, осуществляющая деятельность по разработке и (или) производству продукции (оказанию услуг, выполнению работ) с использованием инновационных технологий.

Данным федеральным законом также определяются критерии отнесения технологических компаний к малым технологическим компаниям, а также устанавливается порядок ведения реестра малых технологических компаний.

Федеральный закон «О Военном инновационном технополисе «Эра» Министерства обороны Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹⁶ принят в отношении конкретного объекта – Военного инновационного технополиса «Эра» Министерства обороны РФ, который осуществляет научно-технологическую деятельность в интересах обеспечения обороны и безопасности Российского государства.

Военный инновационный технополис «Эра» Министерства обороны РФ является специализированным инновационным центром, научно-исследовательским, производственным и образовательным комплексом, объединяющим научные организации, образовательные организации высшего образования, государственные корпорации, предприятия промышленности, организации оборонно-промышленного комплекса и другие российские организации, осуществляющие научно-технологическую деятельность в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства и специализированного инновационного центра.

Как и «Сколково», военный инновационный технополис «Эра» является особым субъектом научно-технологической деятельности как с точки зрения специального правового регулирования (отдельный федеральный закон), так и с точки зрения специальной сферы научно-технологической деятельности (оборона и безопасность государства).

Федеральный закон «О статусе наукограда Российской Федерации»⁹⁷ хронологически является одним из наиболее ранних законодательных актов, поскольку был принят еще в прошлом веке. В этой связи можно отметить принципиально иной подход к определению субъектности наукограда. Если инновационные центры, инновационные технополисы, инновационные научно-технологические

⁹⁶ О Военном инновационном технополисе «Эра» Министерства обороны Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 14 июля 2022 г. № 253-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (ч. 1). Ст. 5220.

⁹⁷ О статусе наукограда Российской Федерации : федер. закон от 7 апр. 1999 г. № 70-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 15. Ст. 1750.

центры – это объекты, созданные на определенной территории и состоящие из участников и управляющего субъекта, то наукоград – это, прежде всего, субъект права – муниципальное образование. Соответственно, как и любое иное муниципальное образование, наукоград имеет собственный бюджет, население, органы местного самоуправления, систему муниципальных правовых актов и т. д. Всего в Российской Федерации насчитывается 13 наукоградов⁹⁸.

В границах наукограда располагаются организации, осуществляющие научную, научно-техническую, инновационную деятельность, экспериментальные разработки, испытания, подготовку кадров в соответствии с государственными приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники Российской Федерации. Поэтому субъектами научно-технологической деятельности являются не сами наукограды, а организации, в нем расположенные.

В-третьих, можно выделить группу федеральных законов, регулирующих порядок организации и проведения экспериментов по различным вопросам осуществления научно-технологической деятельности.

Федеральным законом «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁹⁹ определяется, что такое цифровая инновация, и устанавливается порядок применения экспериментального правового режима в отношении цифровых инноваций. Федеральный закон распространяется на цифровые инновации в сферах:

1) медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан, фармацевтической деятельности;

2) проектирования, производства и эксплуатации транспортных средств, в том числе высокоавтоматизированных транспортных средств и беспилотных воздушных судов, аттестации их операторов, предоставления транспортных и логистических услуг и организации транспортного обслуживания;

3) сельского хозяйства;

4) финансового рынка;

⁹⁸ Наукограды. URL: <https://ckp-rf.ru/ntirf/objects/sci-cities/> (дата обращения: 18.04.2024).

⁹⁹ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5017.

- 5) продажи товаров, работ, услуг дистанционным способом;
- 6) архитектурно-строительного проектирования, строительства, капитального ремонта, реконструкции, сноса объектов капитального строительства, эксплуатации зданий, сооружений;
- 7) предоставления государственных и муниципальных услуг и осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, осуществления иных полномочий и функций государственными органами и органами местного самоуправления;
- 8) промышленного производства (промышленности);
- 9) иных направлений, установленных Правительством РФ.

Результатом экспериментального правового режима может быть вывод о допустимости придания специальному регулированию свойства общего регулирования, о допустимости придания специальному регулированию свойства общего регулирования в случае внесения изменений в специальное регулирование, о недопустимости придания специальному регулированию свойства общего регулирования. В связи с тем, что цифровые инновации не имеют заранее очевидного, прогнозируемого положительного результата, использование правового эксперимента представляется оправданным.

Поскольку технологическое развитие любого современного государства немыслимо без использования искусственного интеллекта, то значительное влияние на научно-технологическую деятельность оказывает степень разработанности и доступности технологии искусственного интеллекта. *Федеральным законом «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»*¹⁰⁰ предусматривается проведение в городе федерального значения Москве эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта, а также по-

¹⁰⁰ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федер. закон от 24 апр. 2020 г. № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

следующего возможного использования результатов применения искусственного интеллекта. Данные технологии включают в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта. Эксперимент устанавливается сроком на 5 лет с 2020 по 2025 г.

3. Указы Президента РФ

Президентом РФ принимаются различные указы в области научно-технической деятельности. Некоторые из них носят характер оперативного управления¹⁰¹, некоторые – определяют общие направления правового регулирования¹⁰². Однако особое место среди указов Президента РФ в области регулирования научно-технологической деятельности занимают указы, принятые в рамках стратегического планирования.

Частью 1 ст. 18¹ Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹⁰³ установлено, что в целях научного обеспечения реализации стратегии социально-экономического развития РФ, стратегии национальной безопасности РФ с учетом стратегического прогноза РФ, прогноза социально-экономического развития РФ на долгосрочный период, прогноза научно-технологического развития РФ разрабатывается и утверждается Президентом РФ стратегия научно-технологического развития РФ. Данная стратегия является основой для разработки отраслевых документов стратегического планирования в области научно-технологического развития, разрабатываемых в рамках целеполагания, государственных программ Российской Федерации,

¹⁰¹ О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : указ Президента РФ от 30 марта 2022 г. № 166 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 14. Ст. 2242; Об определении организации, обеспечивающей развитие цифровых технологий идентификации и аутентификации : указ Президента РФ от 30 сент. 2022 г. № 693 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 40. Ст. 6791; О развитии техники, технологий и научных исследований в области использования атомной энергии в Российской Федерации : указ Президента РФ от 16 апреля 2020 г. № 270 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 16. Ст. 2571.

¹⁰² О развитии природоподобных технологий в Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 ноября 2023 г. № 818 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 45. Ст. 8035; О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 марта 2022 г. № 83 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1468.

¹⁰³ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. 1). Ст. 3378.

государственных программ субъектов РФ, а также плановых и программно-целевых документов государственных корпораций, государственных компаний и акционерных обществ с государственным участием.

Таким образом, одним из ключевых документов стратегического планирования является *Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ (далее – Стратегия)*¹⁰⁴.

Стратегией устанавливается легальная дефиниция ключевого для настоящего исследования понятия «технологический суверенитет»¹⁰⁵. Содержание Стратегии определено в ч. 5 ст. 18¹ Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

В соответствии со Стратегией приоритетами научно-технологического развития следует считать направления, позволяющие получить значимые научные и научно-технические результаты, создать отечественные наукоемкие технологии и обеспечивающие:

1) переход к передовым технологиям проектирования и создания высокотехнологичной продукции, основанным на применении интеллектуальных производственных решений, роботизированных и высокопроизводительных вычислительных систем, новых материалов и химических соединений, результатов обработки больших объемов данных, технологий машинного обучения и искусственного интеллекта;

2) переход к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, повышение эффективности добычи и глубокой переработки углеводородного сырья, формирование новых источников энергии, способов ее передачи и хранения;

3) переход к персонализированной, предиктивной и профилактической медицине, высокотехнологичному здравоохранению и технологиям здоровьесбережения, в том числе за счет рационального применения лекарственных препаратов (прежде всего антибактериальных) и использования генетических данных и технологий;

¹⁰⁴ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 28 февр. 2024 г. № 145 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

¹⁰⁵ Суверенитет Российской Федерации в технологической сфере (технологический суверенитет) – это способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства.

4) переход к высокопродуктивному и экологически чистому агро- и аквахозяйству, разработке и внедрению систем рационального применения средств химической и биологической защиты сельскохозяйственных растений и животных, хранению и эффективной переработки сельскохозяйственной продукции, создание безопасных и качественных, в том числе функциональных, продуктов питания;

5) противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и экстремистской идеологии, деструктивному иностранному информационно-психологическому воздействию, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства, укрепление обороноспособности и национальной безопасности страны в условиях роста гибридных угроз;

6) повышение уровня связанности территории Российской Федерации путем создания интеллектуальных транспортных, энергетических и телекоммуникационных систем, а также занятия и удержания лидерских позиций в создании международных транспортно-логистических систем, освоении и использовании космического и воздушного пространства, Мирового океана, Арктики и Антарктики;

7) возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом возрастающей актуальности синтетических научных дисциплин, созданных на стыке психологии, социологии, политологии, истории и научных исследований, связанных с этическими аспектами научно-технологического развития, изменениями социальных, политических и экономических отношений;

8) объективную оценку выбросов и поглощения климатически активных веществ, снижение их негативного воздействия на окружающую среду и климат, повышение возможности качественной адаптации экосистем, населения и отраслей экономики к климатическим изменениям;

9) переход к развитию природоподобных технологий, воспроизводящих системы и процессы живой природы в виде технических систем и технологических процессов, интегрированных в природную среду и естественный природный ресурсооборот.

Основными направлениями государственной политики в области научно-технологического развития являются:

1) формирование эффективной системы взаимодействия науки, технологий и производства, повышение восприимчивости экономики и общества к новым технологиям, развитие наукоемкого предпринимательства;

2) создание инфраструктуры и условий, отвечающих современным принципам организации научной, научно-технической и инновационной деятельности и основанных на лучших российских и мировых практиках для проведения научных исследований и разработок и внедрения наукоемких технологий;

3) создание возможностей для выявления и воспитания талантливой молодежи, построения успешной карьеры в области науки, технологий и технологического предпринимательства;

4) формирование эффективной системы управления в области науки, технологий и производства и осуществления инвестиций в эту область, единого научно-технологического пространства, ориентированного на решение государственных задач и удовлетворение потребностей экономики и общества;

5) формирование модели международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области научных исследований и разработок, направленной на защиту национальных интересов Российской Федерации в условиях внешнего давления, сохранение идентичности и повышение эффективности российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия.

В соответствии с п. 10 ст. 2 Федерального закона о научно-технологических центрах научно-технологическая деятельность осуществляется в соответствии с приоритетами научно-технологического развития Российской Федерации, которые определены Стратегией. Таким образом, Стратегия дополняет положения Федерального закона о научно-технологических центрах, определяя приоритеты научно-технологического развития Российской Федерации.

Кроме того, в соответствии со ст. 22 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» Президентом РФ по представлению Совета при Президенте РФ по науке и образованию утверждается прогноз научно-технологического развития РФ.

В связи с этим Президентом РФ утверждено *Положение о порядке разработки и корректировки прогноза научно-технологического развития Российской Федерации*¹⁰⁶, которое регулирует порядок подготовки и принятия прогноза научно-технологического развития

¹⁰⁶ О порядке разработки и корректировки прогноза научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 17 авг. 2023 г. № 622 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 34. Ст. 6553.

РФ. Такой прогноз Президентом РФ пока еще не принят, поскольку действует *Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года*, принятый Правительством РФ.

Помимо этого, Президентом РФ принимаются указы, определяющие статус различных консультативных (совещательных) органов, образованных в сфере научно-технологической деятельности.

Указом Президента РФ утверждено *Положение о Совете при Президенте Российской Федерации по науке и образованию*¹⁰⁷. Совет при Президенте РФ по науке и образованию является совещательным и координационным органом при Президенте РФ, образованным для определения стратегических целей и задач развития научно-технической сферы и образования, приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации, а также для принятия решений о разработке и реализации важнейших инновационных проектов государственного значения, федеральных научно-технических программ по вопросам, требующим отдельного решения Президента РФ.

В рамках данного Совета образуется консультативная группа по научно-технологическому развитию, статус которой определяется *Указом Президента Российской Федерации «О консультативной группе по научно-технологическому развитию»*¹⁰⁸. Консультативная группа по научно-технологическому развитию осуществляет экспертное и аналитическое обеспечение разработки концепций важнейших инновационных проектов государственного значения, оценку предложений о разработке федеральных научно-технических программ по вопросам, требующим отдельного решения Президента РФ, разработку и корректировку прогноза научно-технологического развития Российской Федерации.

Указом Президента РФ образована Межведомственная комиссия Совета Безопасности РФ по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критиче-

¹⁰⁷ О некоторых вопросах Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию : указ Президента РФ от 15 марта 2021 г. № 144 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 12. Ст. 1983.

¹⁰⁸ О консультативной группе по научно-технологическому развитию : указ Президента РФ от 15 апр. 2021 г. № 220 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 16 (ч. 1). Ст. 2750.

*ской информационной инфраструктуры Российской Федерации*¹⁰⁹. Данная комиссия осуществляет:

1) оценку уровня технологической независимости объектов критической информационной инфраструктуры от иностранных технологий в области создания и производства отечественной продукции, выработку предложений и рекомендаций федеральным органам исполнительной власти по импортозамещению в данной области и развитие критической информационной инфраструктуры;

2) анализ эффективности деятельности органов и организаций по выполнению решений Совета Безопасности, направленных на обеспечение технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры;

3) прогнозирование, выявление и оценку внутренних и внешних угроз национальной безопасности в следующих сферах: развитие информационных технологий, сетей электросвязи и информационно-телекоммуникационных сетей; развитие и поддержку производства отечественной продукции; развитие промышленности и оборонно-промышленного комплекса в части, касающейся обеспечения технологического суверенитета;

4) координация деятельности органов и организаций при решении оперативных, среднесрочных и долгосрочных задач по обеспечению национальной безопасности в области развития информационных технологий, производства средств связи, радиопромышленности и электронной промышленности, а также расширения международного сотрудничества в указанной области;

5) участие в разработке и реализации документов стратегического планирования, направленных на совершенствование государственной политики в области обеспечения технологического суверенитета;

6) рассмотрение проектов государственных программ Российской Федерации в области развития информационных технологий, производства средств связи, радиопромышленности и электронной промышленности, оценку эффективности их реализации;

7) разработку основных направлений совершенствования правового регулирования в области обеспечения технологического суверенитета.

¹⁰⁹ О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : указ Президента РФ от 14 апр. 2022 г. № 203» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 16. Ст. 2650.

Таким образом, значительная роль в правовом регулировании научно-технологической деятельности отводится Президенту РФ, который определяет основные приоритеты научно-технологического развития РФ, а также осуществляет общее руководство Правительством РФ как органом, обеспечивающим государственную поддержку научно-технологического развития Российской Федерации.

4. Постановления Правительства РФ

Правительством РФ регулируются различные аспекты осуществления научно-технологической деятельности¹¹⁰.

Так, в рамках регулирования вопросов создания инновационных научно-технологических центров Правительством РФ утверждены *Правила разработки стратегии развития инновационного научно-технологического центра*¹¹¹, а также приняты постановления о создании отдельных инновационных научно-технологических центров¹¹². Направления научно-технологической деятельности, осуществляемой на территории данного центра, определяются указанными постановлениями Правительства РФ, а также правилами проекта по созданию и обеспечению функционирования центра.

В рамках регулирования экспериментальных правовых режимов постановлениями Правительства РФ утверждены *Перечень*

¹¹⁰ См., например: О Едином реестре конечных получателей государственной поддержки инновационной деятельности : постановление Правительства РФ от 13 окт. 2022 г. № 1826 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 44. Ст. 7555, Об утверждении Положения о Комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 30 апр. 2021 г. № 689 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 3364; Об отнесении технологических компаний к малым технологическим компаниям и о прекращении статуса малых технологических компаний, формировании и ведении реестра малых технологических компаний и об информационном взаимодействии : постановление Правительства РФ от 2 нояб. 2023 г. № 1847 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 46. Ст. 8248.

¹¹¹ Об утверждении Правил разработки стратегии развития инновационного научно-технологического центра : постановление Правительства РФ от 6 июня 2022 г. № 1037 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 24. Ст. 4062

¹¹² См., например: О создании инновационного научно-технологического центра «Интеллектуальная электроника – Валдай» : постановление Правительства РФ от 30 сент. 2021 г. № 1649 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 40. Ст. 6869; О создании инновационного научно-технологического центра «Квантовая долина» : постановление Правительства РФ от 30 нояб. 2021 г. № 2133 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 49 (ч. 1). Ст. 8318; О создании инновационного научно-технологического центра «Инновационный научно-технологический центр «Композитная долина» : постановление Правительства РФ от 21 янв. 2021 г. № 26 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 5. Ст. 814, О создании инновационного научно-технологического центра «Аэрокосмическая инновационная долина» : постановление Правительства РФ от 22 апр. 2022 г. № 735 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 18. Ст. 3070.

технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций¹¹³, а также Правила ведения реестра экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций и доступа к нему¹¹⁴. Также постановлениями Правительства РФ непосредственно устанавливаются экспериментальные правовые режимы в отдельных сферах применения цифровых инноваций¹¹⁵. Указанными постановлениями утверждаются программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, которыми устанавливаются в том числе: 1) описание цифровой инновации, которая планируется к созданию, использованию или введению в употребление в рамках экспериментального правового режима; 2) сведения о технологиях, применяемых в рамках экспериментального правового режима; 3) цели установления и срок действия экспериментального правового режима; 4) территория действия экспериментального правового режима; 5) требования, предписания, запреты, ограничения отдельных актов общего регулирования, не подлежащие применению в рамках экспериментального правового режима; 6) положения, соблюдение которых является обязательным; 7) перечень субъектов экспериментального правового режима и требования, предъявляемые к ним; 8) порядок использования продукции, произведенной и апробируемой в условиях экспериментального правового режима.

¹¹³ Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций : постановление Правительства РФ от 28 окт. 2020 г. № 1750 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 44. Ст. 7003.

¹¹⁴ Об утверждении Правил ведения реестра экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций и доступа к нему : постановление Правительства РФ от 1 дек. 2020 г. № 1979 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 49. Ст. 7949.

¹¹⁵ См., например: Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Самарской области : постановление Правительства РФ от 9 нояб. 2023 г. № 1874 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 46. Ст. 8265, Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций «Аэрологистика» : постановление Правительства РФ от 2 нояб. 2023 г. № 1840 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 45. Ст. 8076, Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации сельскохозяйственных беспилотных авиационных систем : постановление Правительства РФ от 16 сент. 2023 г. № 1510 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 39. Ст. 7025.

5. Законы субъектов Российской Федерации

Практически в каждом субъекте РФ принят закон, регулирующий инновационную деятельность. При этом такой закон может иметь различное наименование. Так, законы *об инновационной политике* приняты, например, в Московской, Воронежской областях, Республике Коми, *об инновационной деятельности* – в Ивановской, Липецкой, Ростовской областях, Республике Адыгея, Республике Дагестан, Республике Ингушетия, Чеченской Республике, Ставропольском крае, *об инновационной деятельности и инновационной политике* – в Белгородской области. Указанные законы, как правило, носят рамочный характер и устанавливают цели, задачи и принципы инновационной деятельности, полномочия органов государственной власти субъекта РФ в сфере инновационной деятельности, формы государственной поддержки инновационной деятельности и некоторые другие вопросы.

В некоторых субъектах РФ инновационная деятельность регулируется не специальными законами об инновационной деятельности, а более общими законами *о науке, научно-технической и инновационной деятельности* (например, в Брянской, Курской, Тульской, Мурманской, Курганской областях) либо *о государственной поддержке научной, научно-технической и инновационной деятельности* (например, во Владимирской, Архангельской областях).

В большой группе субъектов РФ вместо законов об инновационной деятельности приняты более узкие законодательные акты, которые регулируют вопросы *государственной поддержки инновационной деятельности* (например, в Калужской, Орловской, Рязанской, Мурманской, Псковской, Волгоградской, Самарской областях, Республике Карелия, Краснодарском крае). В Челябинской области принят закон *о стимулировании инновационной деятельности*. В соответствии с указанными законами государственная поддержка инновационной деятельности может осуществляться в таких формах, как: 1) информационная поддержка; 2) консультационная поддержка; 3) сопровождение инновационных проектов; 4) представление инновационных проектов на российских и международных мероприятиях; 5) организация и проведение мероприятий в сфере инновационной деятельности: конференций, семинаров, венчурных ярмарок и иных мероприятий; 6) предоставление налоговых льгот по региональным налогам; 7) предоставление субсидий из бюджета субъекта РФ; 8) в других формах.

В некоторых субъектах РФ в целях реализации положений Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» приняты законы *об индустриальных (промышленных) парках*¹¹⁶. Также можно выделить несколько субъектов РФ, в которых принят комплекс законодательных актов в области научно-технологической деятельности. Так, в Саратовской области приняты законы «О государственной поддержке специализированных субъектов инновационной деятельности в Саратовской области»¹¹⁷, «Об инновациях и инновационной деятельности»¹¹⁸, «О государственной поддержке кластеров в Саратовской области»¹¹⁹. В Кемеровской области приняты законы «О поощрении ученых, участвующих в инновационной деятельности»¹²⁰, «О государственной поддержке инвестиционной, инновационной и производственной дея-

¹¹⁶ См., например: Об индустриальных (промышленных) парках и промышленных кластерах на территории Воронежской области : закон Воронеж. области от 2 марта 2016 г. № 01-ОЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru; Об индустриальных парках на территории Смоленской области : закон Смолен. области от 25 окт. 2017 г. № 118-з // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru; Об инновационно-промышленных парках Тверской области, экотехнопарках Тверской области и о внесении изменений в отдельные законы Тверской области : закон Твер. области от 6 нояб. 2019 г. № 67-ЗО // Тверские ведомости. 2019. 13–19 нояб.; О создании и развитии индустриальных (промышленных) парков в Ленинградской области : обл. закон Ленингр. области от 28 июля 2014 г. № 52-оз // Официальный интернет-портал Администрации Ленинградской области URL: <http://www.lenobl.ru>; Об индустриальных (промышленных) парках, региональных промышленных площадках на территории Новгородской области : обл. закон Новгород. области от 27 окт. 2017 г. № 154-ОЗ // Новгородские ведомости. 2017. 3 нояб.; Об индустриальных (промышленных) парках Республики Калмыкия : закон Республики Калмыкия от 14 мая 2015 г. № 114-V-3 // Хальмгунн. 2015. 16 мая; О технопарке в сфере высоких технологий в Республике Мордовия : закон Республики Мордовия // Известия Мордовии. 2011. 26 авг.; Об инновационном кластере на территории города Москвы : закон города Москвы от 20 февр. 2019 г. № 5 // Ведомости Московской городской Думы. 2019. № 3. Ст. 5.

¹¹⁷ О государственной поддержке специализированных субъектов инновационной деятельности в Саратовской области : закон Саратов. области от 23 июля 2004 г. № 39-ЗСО // Собрание законодательства Саратовской области. 2004. № 7. Ст. 1123.

¹¹⁸ Об инновациях и инновационной деятельности : закон Саратов. области от 28 июля 1997 г. № 50-ЗСО // Саратовские вести. 1997. 11 авг.

¹¹⁹ О государственной поддержке кластеров в Саратовской области : закон Саратов. области от 30 июня 2014 г. № 84-ЗСО // Собрание законодательства Саратовской области. 2014. № 28. Ст. 18.

¹²⁰ О поощрении ученых, участвующих в инновационной деятельности : закон Кемеров. области от 8 мая 2009 г. № 43-ОЗ // Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области. 2009. 18 мая.

тельности в Кемеровской области»¹²¹, «Об инновационной политике Кемеровской области»¹²².

Анализ нормативных правовых актов в области научно-технической деятельности показывает, что в Российской Федерации законодательство о научно-технологической деятельности находится еще на стадии становления. Отправной точкой в этом вопросе можно считать поправки к Конституции РФ 2020 г., которые вводят в Конституцию РФ термин «научно-технологическое развитие Российской Федерации».

Функции профильного закона о научно-технологической деятельности выполняет Федеральный закон о научно-технологических центрах. Регулируя вопросы организации создания и функционирования научно-технологических центров, указанный федеральный закон фактически определяет основные законодательные подходы к регулированию научно-технологической деятельности. Данный подход заключается в том, что научно-технологическая деятельность локализуется в пределах определенных территорий (центров, технополисов), на которых устанавливаются особые правовые режимы и режимы управления. Такие режимы, как правило, носят привилегированный (преференцированный) характер, поскольку предполагают определенные послабления и преимущества для его участников. Посредством подобных мер осуществляется косвенное (экономическое) стимулирование осуществления научно-технологической деятельности.

Поскольку научно-технологическая деятельность соединяет в себе науку, технологии и производство, то такая деятельность, очевидно, не может и не должна носить повсеместный (массовый) характер. Также нам видится необходимость более подробной регламентации вопросов использования и практического внедрения результатов научно-технологической деятельности.

Помимо принятия профильного федерального закона в Российской Федерации сложилась практика принятия разовых федеральных законов под конкретные объекты: «Сколково», «Эра». Такая

¹²¹ О государственной поддержке инвестиционной, инновационной и производственной деятельности в Кемеровской области : закон Кемеров. области от 26 нояб. 2008 г. № 102-ОЗ // Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области. 2008. 15 дек.

¹²² Об инновационной политике Кемеровской области : закон Кемеров. области от 2 июля 2008 г. № 66-ОЗ // Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области. 2008. 7 июля.

практика возникает именно в силу отсутствия изначального рамочного регулирования научно-технологической деятельности. Иными словами, принимаются специальные законы по отдельным объектам («Сколково», «Эра») в отсутствие основного общего закона о научно-технологической деятельности. Это приводит к тому, что между федеральными законами нет четкой логической и системной связи. Например, федеральный законодатель не отвечает на вопрос о том, как соотносятся между собой понятия «инновационный центр», «специализированный инновационный центр», «инновационный научно-технологический центр», «инновационный технополис», «инновационный территориальный кластер».

Индивидуальное правовое регулирование под конкретные объекты прослеживается на уровне федеральных подзаконных актов, которые устанавливают специальные правила поведения под конкретные объекты или экспериментальные правовые режимы.

Также можно отметить, что многие федеральные законы предусматривают меры государственной поддержки в области научно-технологической деятельности. Так, Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» устанавливает меры государственной поддержки инновационной деятельности, Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» – меры государственной поддержки научно-технической деятельности и инновационной деятельности при осуществлении промышленной политики, Федеральный закон «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» – меры государственной поддержки технологических компаний. Оказание государственной поддержки в сфере научно-технологической деятельности прослеживается и на уровне субъектов РФ.

ГЛАВА 4

Обеспечение технологического суверенитета как основное направление европейской промышленной политики (на примере химической промышленности)

Стремительные изменения в современном мире обуславливают необходимость переосмысления и актуализации такой традиционной политико-правовой категории, как суверенитет, и его проявлений в различных сферах общественной жизни. Конкурирующие тенденции глобализации и регионализации в международных экономических и политических отношениях обусловили появление и развитие целого комплекса противоречий, вызванных, с одной стороны – интернационализацией производственных цепочек, а с другой – активным применением односторонних протекционистских мер, обусловленных не в последнюю очередь сугубо политическими причинами.

Первые десятилетия XXI в. продемонстрировали значительное ускорение всех технологических и социальных процессов, в связи с чем даже незначительное по меркам прошлого отставание в развитии технологий на несколько лет может приобрести необратимый характер. 20 мая 2023 г. Правительством РФ была утверждена Концепция технологического развития на период 2030 года¹²³, центральной идеей которой является обеспечение технологического суверенитета нашей страны. Такая цель может и должна обеспечиваться, прежде всего, усилиями представителей различных отраслей науки, в том числе – юридической. Правовая доктрина располагает арсеналом разнообразных методов, среди которых особо выделяется комплекс сравнительно-правовых приемов исследования. Их значительный потенциал применительно к проблематике обеспече-

¹²³ Концепция технологического развития на период до 2030 года : утв. Распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Собрание законодательства РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

ния технологического суверенитета предопределяется, прежде всего, особенностями предмета исследования. Качество суверенности имманентно предполагает наличие других суверенных субъектов, которые стремятся обеспечить свой собственный суверенитет в различных областях общественной жизни, в том числе и в сфере развития науки и технологий. Знание и понимание подходов иностранных правопорядков к обеспечению технологического суверенитета позволяют обеспечить защиту российских национальных интересов; выстроить адекватную государственную политику сотрудничества с иностранными государствами; избежать повторения ошибок и использовать успешные нормативные решения.

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения по обеспечению технологического суверенитета Европейским союзом. *Предмет* анализа составят политико-правовые формы реализации европейской промышленной политики в целом и в *химической промышленности* в частности.

Теоретическая основа исследования представлена различными теоретическими конструкциями, выработанными в отечественной и зарубежной юридической и политической науках, а его *эмпирическую базу* составят различные юридические документы Европейского союза и практика деятельности общественных институтов.

Целью проводимого исследования является выявление закономерностей регулирования отношений по обеспечению технологического суверенитета в Европейском союзе.

Вначале анализу будут подвергнуты опорные понятия, необходимые для дальнейшего анализа. К ним относятся суверенитет, технологический суверенитет и промышленная политика. Далее будет раскрыто юридическое закрепление основных направлений реализации европейской промышленной политики в контексте технологического суверенитета в юридических документах, определяющих стратегическое развитие химической промышленности в Европейском союзе.

Выбор Европейского союза в качестве объекта анализа обусловлен и историческими обстоятельствами его возникновения и объединяющей ролью промышленности. Как известно, основой для современной европейской интеграции послужило Европейское объединение угля и стали, созданное в 1952 г. по инициативе министра иностранных дел Франции Р. Шумана с целями предотвращения

дальнейших войн между Францией и Германией и недопущения возможного сближения ФРГ и СССР на почве обещаний о возможном воссоединении Германии¹²⁴.

Общее понятие суверенитета уже было раскрыто в главе 1 настоящей монографии, поэтому в целях настоящего исследования определим наиболее общие и важные черты этого понятия, а также зададим особенности его определения применительно к Европейскому союзу. За века, прошедшие с того времени, концепция суверенитета не только сохранила свое значение, но и стала центральным принципом построения международной нормативной системы, закрепленным в Уставе Организации Объединенных Наций, и приобрела статус метаконцепции¹²⁵.

Европейский союз представляет собой межгосударственное образование, и применение к нему понятия «суверенитет» имеет определенные особенности. В начале 2010-х гг. в политических документах ЕС начинает появляться понятие «стратегическая автономия». Будучи впервые употребленным в 2013 г. Европейским советом применительно к вопросам обороны и безопасности, в дальнейшем оно вошло в обиход и в документах, оформляющих политику Союза в отношении различных сфер общественной жизни, в частности, как будет показано далее – и в вопросах развития промышленности. В европейской науке предлагаются разные подходы к соотношению понятий «суверенитет» и «стратегическая автономия». К примеру, указывается, что последнее может служить средством обеспечения первого¹²⁶. Поскольку настоящее исследование носит прикладной характер, мы не будем проводить детальное разграничение двух указанных понятий. Равным образом мы не будем вдаваться в теоретические споры об определении технологического суверенитета, приняв в качестве рабочей следующую его дефиницию: «возможность государства или объединения государств обеспечивать технологии, которое оно признает критически важными для своего благосостояния, конкурентоспособности,

¹²⁴ См.: Bebr G. The European Coal and Steel Community: A Political and Legal Innovation // The Yale Law Journal. 1953. Vol. 63, N 1. P. 2; Petzina D. The Origin of the European Coal and Steel Community: Economic Forces and Political Interests // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1981. Vol. 137, N 3. P. 450–451.

¹²⁵ Volk C. The Problem of Sovereignty in Globalized Times // Law, Culture and Humanities. 2022. Vol. 18, N 3. P. 737.

¹²⁶ Beaucillon C. Strategic Autonomy: A New Identity for the EU as a Global Actor // European Papers. 2023. Vol. 8, N 2. P. 421.

возможности действовать и разрабатывать их или получать их из других экономических областей в условиях отсутствия односторонней зависимости»¹²⁷.

Одним из средств обеспечения технологического суверенитета может являться промышленная политика. Различные политико-экономические школы по-разному подходят к определению этого понятия и границам вмешательства государства в экономические процессы, связанные с промышленным производством. Традиционный для Соединенных Штатов Америки подход отрицает возможность проведения классической промышленной политики, что, вместе с тем, не означает полное безразличие государства к определению целей развития общества и возможности государственного влияния на их достижение. В этом смысле промышленная политика США в науке иногда описывалась как политика «мезоуровня»¹²⁸, реализуемая через сетевые структуры¹²⁹. Но кардинально меняющийся мир вынуждает американскую элиту возвращаться к дискурсу промышленной политики¹³⁰, находящей юридическое выражение в федеральных законах, оформляющих государственные приоритеты в области развития экономики и предусматривающих средства их достижения¹³¹.

Общеввропейские подходы к промышленной политике также менялись с течением времени. Период начала 90-х гг. XX в., ознаменовавшийся усилением европейской интеграции, оформленным заключением Маастрихтского договора 1992 г., привел к ослаблению общеввропейской промышленной политики, что выразилось, по данным экономических исследований, в падении конкурентоспособности ЕС и доли Европы в мировой промышленной добав-

¹²⁷ Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means / E. Jakob, K. Blind, H. Kroll, T. Schubert // *Research Policy*. 2023. Vol. 52. Art. 104765. P. 2.

¹²⁸ Wade R. H. Return of Industrial Policy? // *International Review of Applied Economics*. 2012. Vol. 26, N 2. P. 230.

¹²⁹ Schrank A., Whitford J. Industrial Policy in the United States: A Neo-Polanyian Interpretation // *Politics & Society*. Vol. 37, N 4. P. 538–539. Как отмечается в публикациях начала двадцать первого века, значительная дискуссия о том, реализует ли США промышленную политику, во многом обусловлена разной трактовкой этого понятия. См.: Ketels C. H. M. Industrial Policy in the United States // *Journal of Industry Competition and Trade*. 2007. Vol. 7. P. 148–149.

¹³⁰ Shrank A. Design Principles for American Industrial Policy // *Issues in Science and Technology*. Vol. 37, N 3. P. 79.

¹³¹ Имеются в виду, прежде всего, принятые в 2022 г. законы «О чипах и науке» (англ. CHIPs and Science Act), «Об инфраструктурных инвестициях и занятости» (англ. Infrastructure Investment and Jobs Act) и «О снижении инфляции» (англ. Inflation Reduction Act).

ленной стоимости на 6,8 % в период с 2007 по 2017 г.¹³² Изменение отношения к необходимости усиления общеевропейской промышленной политики начало происходить в середине 2010-х гг., и импульс этим процессам положило усиление двустороннего сотрудничества Германии и Франции. В 2019 г. две страны выступили с манифестом, посвященным европейской промышленной политике¹³³. В его преамбуле недвусмысленно указывалось на необходимость проведения единой европейской промышленной политики и определялись ее основные направления, в последующем получившие закрепление уже в нормативных правовых актах ЕС.

Наиболее общим документом, определяющим направления индустриального развития ЕС, является Новая европейская промышленная стратегия¹³⁴ (далее – Стратегия), принятая 10 марта 2020 г. По иронии судьбы на следующий день после публичного представления этого документа Всемирная организация здравоохранения объявила пандемию КОВИД-19, повлекшую масштабный локдаун в Европе, который оказал серьезное негативное влияние на состояние всех секторов экономики ЕС и показал уязвимость любых человеческих планов. Уже в следующем году Европейская комиссия обновила Стратегию с учетом сложностей, с которыми столкнулась экономика Союза в 2020 г.¹³⁵

Стратегия, будучи документом общего порядка, описывает различные аспекты развития промышленности, основные из которых, по нашему мнению, можно организовать в три группы.

Для обозначения первого используется словосочетание «парный переход» (англ. *twin transition*, фр. *double transition*). Под ним понимается трансформация промышленности под влиянием цифровизации и экологизации общественной жизни. Как отмечается в Стратегии, эти процессы изменяют каждую часть экономики, обще-

¹³² Падение этого показателя для США и Японии составило 2,2 %. См.: Pianta M., Lucchese M., Nascia L. The policy space for a novel industrial policy in Europe // *Industrial and Corporate Change*. 2020. Vol. 3. P. 780.

¹³³ A Franco-German Manifesto for a European industrial policy fit for the 21st Century. URL: gouvernement.fr/sites/default/files/locale/piece-jointe/2019/02/1043_-_a_franco-german_manifesto_for_a_european_industrial_policy_fit_for_the_21st_century.pdf (дата обращения: 26.12.2023).

¹³⁴ A new Industrial Strategy for Europe. Communication from the Commission. COM(2020) 102 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0102> (дата обращения: 26.12.2023).

¹³⁵ Updating the 2020 New Industrial Strategy: Building a stronger Single Market for Europe's recovery. Communication from the Commission. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2021-05/communication-industrial-strategy-update-2020_en.pdf (дата обращения: 26.12.2023).

ства и промышленности, создадут новые товары, услуги, рынки и способы ведения бизнеса. В свою очередь они потребуют и развития новых технологий и инноваций. Указанные процессы описываются собственными комплексами стратегических документов, принимаемых различными органами Европейского союза. К их числу относятся, прежде всего, так называемая Европейская зеленая сделка¹³⁶ (англ. European Green Deal) и Европейская стратегия в отношении данных¹³⁷ (англ. European Data Strategy). Реализация этих программных документов повлекла за собой формирование собственного регулирования, анализ которого выходит за пределы предмета настоящего исследования¹³⁸.

Вторую группу вопросов, которую затрагивает Стратегия, можно назвать социальной. Промышленность обеспечивает значительное число людей работой, а ее продукты, с одной стороны, удовлетворяют базовые каждодневные нужды людей, с другой – могут служить источником угроз здоровью людей. Отдельного раздела в Стратегии заслужил вопрос о подготовке и переподготовке кадров для предприятий промышленности. Этот вопрос особенно остро стоит именно в контексте описанного «парного перехода», поскольку усиливающиеся требования экологизации производств будут приводить к закрытию тех из них, которые не соответствуют строгим природоохранным стандартам, а процессы автоматизации и распространения систем искусственного интеллекта коренным образом переформируют рынок труда. Важность этого направления также предопределила формирование собственных документов стратегического и оперативного характера, направленных на модерниза-

¹³⁶ The European Green Deal. Communication from the Commission. COM(2019) 640 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN> (дата обращения: 26.12.2023).

¹³⁷ A European Strategy for Data. Communication from the Commission. COM(2020) 66 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0066> (дата обращения: 26.12.2023).

¹³⁸ Нельзя не отметить, что несмотря на популярность идей достижения климатической нейтральности в Европе, в отношении химической промышленности еще не выработаны секторальные планы достижения климатической нейтральности, как это предусмотрено ст. 10 Европейского климатического закона. См.: Kloo Y., Nilsson L. J., Palm E. Reaching net-zero in the chemical industry – A study of roadmaps for industrial decarbonisation // Renewable and Sustainable Energy Transition. 2024. Vol. 5. Art. 100075. P. 11.

цию кадрового потенциала Союза. К основным из них относится обновленная в 2020 г. Европейская повестка в области навыков¹³⁹.

В контексте тематики настоящего исследования особый интерес представляет третье направление – обеспечение суверенитета Европы¹⁴⁰. Разумеется, что в той или иной степени все мероприятия, реализуемые в рамках промышленной политики, направлены на обеспечение суверенитета и независимости, но, как нам представляется, среди них можно выделить наиболее важные направления, оказывающие первостепенное влияние на обеспечение стратегической автономии Европейского союза в сфере *химической промышленности*¹⁴¹. Понимание их существенных черт является необходимым условием обеспечения *российского* технологического суверенитета и отстаивания национальных интересов нашей страны на международной арене.

Первую составляет проблематика наличия стратегических зависимостей (англ. *dependencies*) от иностранных государств в различных областях промышленного производства на разных стадиях создания продукции. Анализ соотношения исходного текста Стратегии и ее постпандемийного варианта показывает значительное усиление озабоченности этими вопросами. Если в 2020 г. само слово «зависимость» использовалось всего три раза в разделе, посвя-

¹³⁹ European Skills Agenda for Sustainable Competitiveness, Social Fairness and Resilience. Communication from the Commission. COM (2020) 274 final URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0274> (дата обращения: 26.12.2023).

¹⁴⁰ В тексте Стратегии используется именно это словосочетание, причем оно выделено жирным шрифтом, что, как указывалось ранее в настоящей работе, свидетельствует о признании дискурса европейского суверенитета.

¹⁴¹ Некоторые юридические и организационные механизмы обеспечения технологического суверенитета ЕС, несмотря на свою несомненную важность, не рассматриваются в настоящем исследовании, поскольку в них не проявляется специфика в отношении химической промышленности, которая изначально заявлена в качестве элемента его предмета. Таковы, к примеру, общеевропейские правила о допуске прямых иностранных инвестиций в стратегические отрасли индустрии, изложенные в Регламенте 2019/452: Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj> (дата обращения: 26.12.2023). Особую актуальность этим вопросам придает активность контролируемых китайскими инвесторами организаций по приобретению контроля над высокотехнологичными предприятиями. В 2016 г. в Германии развернулась обширная общественная дискуссия о пределах допуска иностранного капитала в эти отрасли промышленности в связи с приобретением китайским инвестором Midea Group контроля над немецкой компанией KUKA Robotics Corp., являющейся мировым лидером в производстве промышленных роботов. См.: Carlo D. D., Schmitz L. Europefirst? The rise of EU industrial policy promoting and protecting the single market // Journal of European Public Policy. 2023. Vol. 30, N 10. P. 2076.

щенном промышленной и стратегической автономии Европы, то в 2021 г. ситуация кардинально меняется. Тематика зависимости становится центральной в обновленном тексте Стратегии, и в ней появляется отдельный профильный раздел.

Основой для принятия мер по сокращению зависимостей Союза стало отдельное исследование этого вопроса, проведенное Комиссией для выявления наиболее чувствительных импортируемых товаров и технологий (далее – исследование 2021 г.)¹⁴². Общее определение зависимостей, предлагаемое этим документом, предполагает наличие ограниченного числа поставщиков товаров, работ, услуг, инфраструктур, навыков и технологий при наличии ограниченной возможности внутреннего производства для замещения импорта. Стратегические зависимости отличаются сферами своего существования: безопасностью, здоровьем, зеленой и цифровой трансформацией¹⁴³.

Из более чем 5000 импортируемых продуктов Комиссия определила 137 наименований, в которых Союз находится в высокой степени зависимости от других стран, что составляет примерно 6 % от общего объема импорта. Тремя основными поставщиками этих товаров выступают Китай (52 %), Вьетнам (11 %) и Бразилия (5 %)¹⁴⁴. В настоящей главе мы рассмотрим юридические и организационные способы обеспечения технологического суверенитета в отношении товаров, работ и услуг, имеющих непосредственное отношение к химической промышленности.

Наиболее уязвимой сферой стратегических зависимостей Европы является *сырье*. Второе исследование¹⁴⁵ вопроса о стратегических заимствованиях, проведенное в 2022 г. (далее – исследование 2022 г.), выделяет несколько групп подобного рода веществ. Европейский союз испытывает критическую зависимость от импорта редкоземельных элементов и магния. Первые используются при создании магнитов, являющихся компонентами многих высокотехно-

¹⁴² Strategic dependencies and capacities. Commission staff working document. SWD (2021) 352 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021SC0352> (дата обращения: 26.12.2023).

¹⁴³ Ibid. P. 8.

¹⁴⁴ Ibid. P. 23. На Россию приходится 3 % из указанных 137 видов товаров.

¹⁴⁵ EU strategic dependencies and capacities: second stage of in-depth reviews. Commission staff working document. SWD (2022) 41 final. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/48878/attachments/2/translations/en/renditions/native> (дата обращения: 26.12.2023).

логичных товаров, второй – при производстве алюминия¹⁴⁶. На момент проведения настоящего исследования доминирующее положение на обоих рынках занимает Китай.

Согласно данным цитируемого исследования, эта страна занимает 63 % мировой добычи редкоземельных оксидов, 85 % их переработки и обеспечивает 93 % мирового производства магнитов¹⁴⁷. Такое положение вещей было обусловлено целым рядом конкурентных преимуществ китайской экономики, среди которых выделяются дешевая рабочая сила, крайне низкие экологические требования к промышленным производствам и развитая система экспортного контроля¹⁴⁸. В отношении же магния китайский уезд Фугу именуется «столицей Магния»¹⁴⁹. В специальном отчете 2023 г., посвященном обеспечению Союза критически важным сырьем, кроме того, отмечается, что 92 % ниобия поставляется Бразилией, 67 % бериллия обеспечивают США, 63 % кобальта – Демократическая Республика Конго, а 40 % палладия – Россия¹⁵⁰.

Возможные меры реагирования, предлагаемые в исследовании 2022 г., сводятся к развитию международного сотрудничества со своими стратегическими партнерами (прежде всего, Соединенными Штатами Америки), развитию собственного производства магнитов и магния, а также формированию системы вторичного использования материалов (которое в отношении редкоземельных элементов составляет менее одного процента)¹⁵¹.

С политико-юридической точки зрения представляют интерес нормативно-правовые и организационные меры реагирования, принятые в Европейском союзе для гарантирования своего технологи-

¹⁴⁶ EU strategic dependencies and capacities ... P. 12.

¹⁴⁷ Ibid. P. 24.

¹⁴⁸ Andrews-Speed P., Hove A. China's rare earths dominance and policy responses. OEIS Paper: CE 7. P. ii. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2023/06/CE7-Chinas-rare-earths-dominance-and-policy-responses.pdf> (дата обращения: 26.12.2023).

¹⁴⁹ Tracing magnesium flows in China: A dynamic material flow analysis / Guo T., Geng Y., Song X., Rui X., Ge Z // Resources Policy. 2023. Vol. 83. Art. 103627. P. 1.

¹⁵⁰ Study on the Critical Raw Materials for the EU 2023 Final Report. URL: <https://www.rtlnieuws.nl/sites/default/files/content/documents/2023/07/04/Study%202023%20CRM%20Assessment%20%281%29.pdf> (дата обращения: 26.12.2023).

¹⁵¹ Ibid. P. 27–30. Некоторые тенденции, связанные с риском ослабления монополии Китая в сфере добычи и обработки редкоземельных элементов, отмечаются даже китайскими авторами. Они связаны с развитием этой отрасли в Австралии, а также недостаточной степенью внедрения технических инноваций в Китае. См.: Guo Q., You W. A comprehensive evaluation of the international competitiveness of strategic minerals in China, Australia, Russia and India: The case of rare earths // Resources Policy. 2023. Vol. 85. Art. 103821. P. 8.

ческого суверенитета в сфере обеспечения промышленности критически важным сырьем. Центральным элементом формируемой системы регулирования должен стать Регламент о создании системы надежного и устойчивого обеспечения критическим сырьем¹⁵². Этот объемный документ, планируемый к принятию в 2024 г., задает весьма амбициозные показатели сырьевой независимости. В частности, к 2030 г. импорт стратегического сырья должен быть диверсифицирован таким образом, чтобы его годовое потребление на любой стадии переработки обеспечивалось несколькими странами, ни одна из которых не обеспечивает более 65 % годовых потребностей Союза. В то же время не менее 15 % стратегического сырья должно обеспечиваться его вторичным использованием. Комплекс мер, предусматриваемых Регламентом, достаточно обширен и предполагает, в частности, поддержку реализации стратегических проектов по обеспечению сырьевой безопасности, осуществление мониторинга торговых потоков, спроса и предложения, концентрации запасов; оценку способности к добыче сырья; меры по обеспечению вторичного использования; сертификацию; порядок вступления в стратегические международные партнерства и др.

Отдельное внимание в исследовании 2022 г. уделяется *химическим веществам* как объектам зависимости от иностранных государств. Среди них особо выделяется шесть веществ: йод, фтор, красный фосфор, оксид и гидроксид лития, диоксид молибдена и вольфраматы, в большинстве представляющих собой переработанные формы сырья¹⁵³. Их замещение внутренним производством в границах Европейского союза затруднительно по причине наличия стратегической зависимости от поставок исходного сырья. В то же время по всем шести видам веществ прогнозируется устойчивый рост спроса¹⁵⁴.

Возможные меры реагирования для снижения зависимости в этой сфере также включают в себя развитие международного со-

¹⁵² Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a framework for ensuring a secure and sustainable supply of critical raw materials and amending Regulations (EU) 168/2013, (EU) 2018/858, 2018/1724 and (EU) 2019/1020. COM (2023) 160 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52023PC0160> (дата обращения: 26.12.2023).

¹⁵³ EU strategic dependencies and capacities: second stage of in-depth reviews. Commission staff working document. SWD (2022) 41 final. P. 13. К примеру, 89 % диоксида молибдена поставляют Чили, 79 % вольфраматов – Китай, 76 % фтора – Южно-Африканская Республика, 59 % оксида и гидроксида лития – Россия.

¹⁵⁴ Ibid. P. 37.

трудничества. Нельзя не отметить, что в отношении такого типа кооперации специально упоминается потенциал инициативы Global Gateway.

Вполне логичной мерой реагирования выступает и появление более устойчивых альтернатив указанным химическим веществам.

Еще одной стратегической сферой химической промышленности, в которой было выявлено наличие стратегических зависимостей, является получение *чистого водорода*. Привлекательность его использования в различных отраслях экономики обусловлена целым рядом факторов, среди которых, пожалуй, первое место занимает экологический. В различных исследованиях показывается потенциал чистого водорода для декарбонизации отдельных отраслей промышленности и сокращения общего количества парниковых газов, содержащихся в атмосфере Земли. В теории это вещество выступает идеальным носителем энергии, поскольку водород является самым распространенным и легким веществом во Вселенной, при этом он нетоксичен и образует лишь воду при преобразовании в энергию¹⁵⁵. Несмотря на наличие разнообразных сложностей, связанных с практической реализацией планов по массовому переходу на использование водорода в экономике, в науке достаточно давно стало формироваться понятие «водородная экономика»¹⁵⁶ и различные государства и их объединения рассматривают такой переход как реальную альтернативу.

В Европейском союзе такие планы оформились с принятием Стратегии по водороду для обеспечения климатической нейтральности в Европе (далее – Стратегия по водороду)¹⁵⁷.

Реализация таких планов потребует значительных инвестиций во все сектора промышленности, связанные с производством чистого водорода. Так, в период до 2030 г. инвестиции в электролизеры оцениваются в размере от 24 до 42 млрд евро, а размер средств, необходимых для обеспечения электролизеров возобновляемой элек-

¹⁵⁵ Abe J. O. Popoola A. P. I., Ajenifuja E. Hydrogen energy, economy and storage: Review and recommendation // International Journal of Hydrogen Energy. 2019. Vol. 44. P. 15073–15074.

¹⁵⁶ Возникновение этого понятия традиционно связывают со статьей известного химика Джона Бокриса. См.: Bockris J. O'M. A Hydrogen Economy // Science. 1972. Vol. 176, N 4041. P. 1323; Oliveira A. M., Beswick R. R., Yan Y. A green hydrogen economy for a renewable energy society // Current Opinion in Chemical Engineering. 2021. Vol. 33. Art. 100701. P. 2

¹⁵⁷ A hydrogen strategy for a climate-neutral Europe. Communication from the Commission. COM (2020) 301 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0301> (дата обращения: 26.12.2023).

трической энергией, потребует вложений от 220 до 340 млрд евро¹⁵⁸. Способствовать привлечению инвестиций и реализации проектов по созданию инфраструктуры призваны различные специально создаваемые институты. Среди них выделяется Европейский альянс чистого водорода. Не менее важным является заявленное использование механизма важных проектов общеевропейского интереса (англ. Important Projects of Common European Interest, далее – IPCEI).

На современном этапе развития промышленности существуют различные способы получения водорода, среди которых доминируют технологии, связанные с использованием ископаемого топлива, а способ электролиза воды составляет всего 4 %, из которых только в 1 % используются возобновляемые источники энергии¹⁵⁹.

Таким образом, развитие технологий получения чистого водорода рассматривается как одно из стратегических направлений европейской энергетики.

Технологический процесс получения чистого водорода методом электролиза связан с необходимостью обеспечивать, с одной стороны, большие объемы «зеленой» (низкоуглеродной) электроэнергии, с другой – сырье для производства электролизеров и топливных элементов. Именно эти три аспекта отмечаются в качестве стратегических зависимостей Союза в исследованиях 2021 и 2022 гг.

Примерно половина производителей электролизеров располагаются в Европе. Однако масштабирование их производства потребует создания устойчивых поставок сырья и необходимых материалов ввиду заявленных темпов роста установленной мощности электролизеров в Союзе с менее чем 1 ГВт в 2020 г. до 40 ГВт в 2030 г.¹⁶⁰.

Производство топливных элементов требует использования критически важных элементов, например платины, основным поставщиком которой является Южно-Африканская Республика, что также является угрозой технологическому суверенитету Европы.

¹⁵⁸ A hydrogen strategy for a climate-neutral Europe ... P. 7.

¹⁵⁹ Lagioia G., Spinelli M. P., Amicarelli V. Blue and green hydrogen energy to meet European Union decarbonisation objectives. An overview of perspectives and the current state of affairs // International Journal of Hydrogen Energy. 2023. Vol. 48. P. 1306.

¹⁶⁰ Отдельные страны Союза также ставят амбициозные цели по достижению показателей установленной мощности электролизеров. Например, Германия к 2030 г. планирует достичь показателя в 10 ГВт. См.: Investigation and standardisation of electrolyzers for green hydrogen production using the test infrastructure in Bremerhaven, Germany / L. Beck, J. Barthel., G. Quistorf, K. Schalk, N. Denecke // Journal of Physics: Conference Series. 2022. Vol. 2257. Art. 012005. P. 1.

В числе мер, которые предпринимаются для снижения зависимостей при производстве чистого водорода, рассматривается обеспечение устойчивого финансирования различных стадий его производства через уже упоминавшийся Европейский альянс и систему IPCEI. В рамках последней в 2022 г. было поддержано 76 проектов в сфере развития инфраструктуры производства, накопления и транспортировки чистого водорода, на финансирование которых было выделено более 10 млрд евро¹⁶¹.

Значительное внимание в связи с пандемией КОВИД-19 уделяется в Европейском союзе обеспечению технологического суверенитета в отношении активных фармацевтических субстанций (далее также – АФС). В Стратегии отмечается особая важность вопроса об обеспечении населения медикаментами и лекарствами и предусматривается принятие новой европейской фармацевтической стратегии, которая была принята 25 ноября 2020 г.¹⁶² (далее – Фармацевтическая стратегия). Основные идеи, закрепленные в этом документе, также в значительной мере предопределены прошедшей пандемией и выражают намерения устранять выявленные недостатки в системе обеспечения Европы медикаментами. Отмечая значительные успехи в борьбе с КОВИД-19, авторы документа выделяют и ряд системных проблем, с которыми столкнулась Европа в ходе глобального кризиса 2020 г. Среди них, в частности, отмечены и проблемы обеспеченности лекарствами и организации их бесперебойного производства, а также необходимость обеспечения стратегической автономии Союза. Этим вопросам посвящен разд. 4.1 Фармацевтической стратегии, констатирующий наличие дефицита медикаментов на протяжении нескольких лет, предшествовавших пандемии, и его значительное усиление в период мирового кризиса. Признавая комплексный характер цепочек поставок в фармацевтической промышленности, одной из мер обеспечения экономической и социальной устойчивости в этой сфере вновь признается выявление стратегических зависимостей, приводящих к ущемлению автономии Союза. В исследовании 2021 г. также отмечается, что фармацевтическое производство стало одним из самых интернационализиро-

¹⁶¹ IPCEIs on hydrogen URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/industry/strategy/hydrogen/ipceis-hydrogen_en (дата обращения: 26.12.2023).

¹⁶² Pharmaceutical Strategy for Europe. Communication from the Commission. COM (2020) 761 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0761> (дата обращения: 26.12.2023).

ванных в мире, при этом наблюдается значительная региональная концентрация в производстве АФС – на Азиатско-Тихоокеанский регион приходится 66 % их производства, 24 – на ЕС и 3 % на Северную Америку¹⁶³.

В числе мер, которые предлагается сформулировать для обеспечения европейской стратегической автономии в фармацевтической промышленности, предлагается, прежде всего, решить ряд предварительных организационно-информационных задач, в частности определить критически важные АФС; выявить долю медицинских продуктов, представленных на европейском рынке и произведенных из веществ, импортированных из ограниченного числа стран; установить число компаний, использующих одни и те же источники поставок и др.¹⁶⁴

Иные направления, в которых Европейская комиссия выявила наличие стратегических зависимостей, находятся на стыке физики и химии. К таким междисциплинарным и межсекторальным секторам промышленности относится, в частности, производство литий-ионных батарей¹⁶⁵. Их коммерческая разработка была осуществлена компанией Sony в начале 90-х гг. XX в., и они показали гораздо более высокие показатели плотности энергии¹⁶⁶.

Этот тип накопителей энергии получил повсеместное распространение, о чем свидетельствует сравнение показателей продаж, в 2000 г. – 3 ГВтч, а в 2020 – 160 ГВтч¹⁶⁷. Во многом такой рост обеспечивается за счет развития производства электротранспорта: по разным оценкам, к 2030 г. производство литий-ионных батарей будет находиться в диапазоне 2000–3200 ГВтч¹⁶⁸.

¹⁶³ Strategic dependencies and capacities. Commission staff working document. SWD (2021) 352 final. P. 62. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021SC0352> (дата обращения: 26.12.2023). По этим же данным произошло значительное увеличение доли Китая в производстве АФС, в частности, их импорт в Индию составляет порядка 70 %.

¹⁶⁴ Ibid. P. 67.

¹⁶⁵ Помимо них стратегические зависимости выявлены в области производства полупроводниковых чипов и солнечных фотоэлектрических панелей.

¹⁶⁶ Hu X., Zou C., Zhang C., Li Y. Technological Developments in Batteries // IEEE power & energy magazine. 2017. Vol. 15, N 5. P. 23.

¹⁶⁷ Erakca M., Bautista S. P., Samineh M., Moghaddas S. et al. Closing gaps in LCA of lithium-ion batteries: LCA of lab-scale cell production with new primary data // Journal of Cleaner Production. 2023. Vol. 384. Art. 135510. P. 1.

¹⁶⁸ Degen F. Lithium-ion battery cell production in Europe. Scenarios for reducing energy consumption and greenhouse gas emissions until 2030 // Journal of Industrial Ecology. 2023. Vol. 27, N 3. P. 965.

В условиях весьма требовательной европейской экологической повестки, предполагающей постепенный полный отказ от использования автомобилей с двигателями внутреннего сгорания, обеспечение устойчивого производства и поставок литий-ионных батарей действительно приобретает стратегический для Европейского союза характер.

По состоянию на 2018 г. ЕС обладал только 3 % мировых производственных мощностей батарей, Китай – 66 %, а другие азиатские страны – около 20 %. Основу такой уязвимости составляла зависимость как от поставки сырья (лития, кобальта, ниобия и др.), так и от обработанных материалов, доля производства которых в Азии на 2021 г. составляла 84 %¹⁶⁹. Такое положение, с одной стороны, обусловлено исторически, поскольку массовое коммерческое производство литий-ионных батарей было впервые налажено в Японии¹⁷⁰, с другой – объясняется агрессивной протекционистской промышленной политикой Китая, ограничившего вход на свой рынок иностранных производителей в сочетании с прямым субсидированием национальных производств¹⁷¹.

Ситуация с производством литий-ионных батарей в Европейском союзе представляет интерес, поскольку, согласно представленным в исследовании 2021 г. данным, европейским производителям удалось достичь существенного прогресса на пути обеспечения технологического суверенитета в рассматриваемой области, не в последнюю очередь благодаря использованию *юридических* средств. Так, уже в 2019 г. только в сферу электромобильности удалось привлечь инвестиций порядка 60 млрд евро, что превосходило китайские показатели в 3,5 раза¹⁷².

Обеспечение технического суверенитета в рассматриваемой области достигается, с одной стороны, посредством создания усло-

¹⁶⁹ Strategic dependencies and capacities. Commission staff working document. SWD (2021) 352 final. P. 84.

¹⁷⁰ Shen C., Wang H. Research on the Technological Development of Lithium Ion Battery Industry in China // Journal of Physics: Conference Series. 2019. Vol. 1347. Art. 012087. P. 1.

¹⁷¹ Wang X. How China Came to Dominate the Global EV Lithium-ion Battery Value Chain Lessons and Opportunities for Africa // Centre for Business and Development Studies. Centre for Business and Development Studies. Policy Brief No. December 2022. P. 2. URL: <https://research.cbs.dk/en/publications/how-china-came-to-dominate-the-global-ev-lithium-ion-battery-value-chain> (дата обращения: 26.12.2023).

¹⁷² Strategic dependencies and capacities. Commission staff working document. SWD (2021) 352 final. P. 74.

вий для консолидации усилий представителей промышленности и обеспечения устойчивого финансирования. Знаковый характер в этой области имело создание Европейского альянса по батареям (англ. European Battery Alliance). Одной из важных черт этого объединения является мобилизация не только экономических, но и политических усилий, а также демонстрация постоянного внимания к проблеме обеспечения стратегической автономии в вопросах производства литий-ионных батарей. В рамках деятельности Альянса происходят встречи высокого уровня, обеспечивающие периодическую актуализацию текущей повестки. На момент подготовки настоящего исследования последняя из них имела место 1 марта 2023 г., в ходе которой состоялась дискуссия на министерском уровне¹⁷³.

В юридической плоскости описываемая проблематика привела к принятию комплексного европейского регламента, посвященного регламентированию различных аспектов производства, распространения и утилизации батарей (далее – Регламент о батареях)¹⁷⁴. Как указывается в п. 10 его преамбулы, он основан на идее охвата единообразным регулированием всего жизненного цикла батарей, в связи с чем он заменяет собой действие Директивы 2006/66/ЕС, которая ранее регулировала эти вопросы¹⁷⁵. При этом не имеет значения, произведена ли батарея в ЕС или импортирована. Такой подход будет, в известной мере, определять и регулирование схожих отношений в зарубежных странах ввиду действия так называемого брюссельского эффекта¹⁷⁶.

Регламент о батареях представляет собой объемный нормативный правовой акт, в предмет регулирования которого входит обширный круг вопросов, касающихся стандартизации продукции, охраны окружающей среды, обеспечения прав потребителей и др.

¹⁷³ 7th High-Level Meeting of the European Battery Alliance main takeaways by the Chair Maroš Šefčovič and the Council Presidency URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/system/files/2023-03/Main%20takeaways_7th%20High-Level%20Meeting%20of%20EBA.pdf (дата обращения: 26.12.2023).

¹⁷⁴ Regulation (EU) 2023/1542 of the European Parliament and of the Council of 12 July 2023 concerning batteries and waste batteries, amending Directive 2008/98/EC and Regulation (EU) 2019/1020 and repealing Directive 2006/66/EC (Text with EEA relevance) URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023R1542> (дата обращения: 26.12.2023).

¹⁷⁵ В Европейском союзе, как известно, директивы, в отличие от регламентов, не обладают прямым действием, а их положения требуют имплементации в национальном законодательстве.

¹⁷⁶ Регуляторные политики Европейского союза имеют тенденцию становиться общим правилом: См.: Bradford A. The Brussels effect // *Northwestern University Law Review*. 2012. Vol. 107, N 1. P. 1–68.

Поскольку детальный анализ указанного регламента не входит в предмет настоящего исследования, мы обратим внимание лишь на один аспект, имеющий значение для обеспечения технологического суверенитета Европейского союза – переработку сырья, содержащегося в использованных батареях. Пункт 105 Преамбулы анализируемого акта провозглашает в качестве одной из целей вводимой регуляторной системы повышение уровня собираемости и переработки отработанных батарей. Причем в числе целей такой переработки отмечается обеспечение стратегической автономии Союза. Вопросы обращения с отработанными батареями регулируются в восьмой главе закона, создающей комплексную систему обращения с ними. В ее рамках установлены обязанности производителей¹⁷⁷, конечных пользователей, органов власти, определены особенности отдельных стадий обращения с отработанными батареями¹⁷⁸.

Вторую важную составляющую обеспечения европейского технологического суверенитета в сфере химической промышленности представляют собой мероприятия по обеспечению ее конкурентоспособности и адекватности стремительно меняющимся экономическим условиям. Одним из основных политико-правовых документов, содержащим план такого рода изменений, являются подготовленные в 2023 г. в рамках Европейской комиссии Направления трансформации химической промышленности (далее – Стратегия трансформации)¹⁷⁹. Подготовка Стратегии трансформации осуществлялась с участием представителей отрасли и различных общественных организаций, в связи с чем изложенные в ней позиции представляют интерес в качестве программы развития. Анализ предлагаемых в ней мероприятий является мультидисциплинарной задачей, предполагающей привлечение методов различных социальных,

¹⁷⁷ Такие обязанности выражаются в том числе в так называемой расширенной ответственности производителя, выражающейся в покрытии производителем ряда расходов, связанных с утилизацией батарей, таких как обеспечение их раздельного сбора, оценка состава, предоставление информации об утилизации и др. См.: ст. 56 Регламента о батареях.

¹⁷⁸ В науке уже высказывается критика некоторых положений указанного регламента, в частности в вопросе о месте переработки отработанных материалов. Отсутствие указания на обязательность такой переработки в границах Европейского союза может привести к утечке материалов в страны Азии, которые обладают развитой специализированной инфраструктурой. См.: Global implications of the EU battery regulation / H. Melin, M. A. Rajaeifar, A. Y. Ku, A. Kendall, G. Harper, O. Heidrich // Science. 2021. Vol. 373, N 6553. P. 387.

¹⁷⁹ Transition Pathway for the Chemical Industry. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/53754> (дата обращения: 26.12.2023).

естественных и инженерных наук¹⁸⁰. В рамках настоящего исследования мы подвергнем анализу два наиболее важных с политико-правовой точки зрения направления развития европейской химической промышленности.

Первым и наиболее важным, на наш взгляд, таким направлением, отмечаемым в различных частях Стратегии трансформации, является поддержание высокого уровня научно-инновационной деятельности и обеспечение ее связи с производством. Несмотря на то что, по приводимым в ее тексте данным, европейская химическая промышленность в мировом масштабе является вторым по объему вложений в научную деятельность инвестором¹⁸¹, глобальная конкуренция предполагает необходимость приложения постоянных усилий для поддержки исследовательской деятельности. Как отмечается в официальном ежегодном докладе о развитии научно-инновационной деятельности в ЕС за 2022 г., несмотря на то что Союз остается одним из лидеров сферы инноваций, производя около 20 % мирового научного и технологического продукта, он испытывает сильную конкуренцию со стороны США и КНР¹⁸².

Организационное, финансовое и юридическое обеспечение таких усилий в химической промышленности вписано в более общий контекст видения развития европейской науки. На настоящий момент одним из основных документов, определяющим такое развитие, является подготовленная Европейской комиссией программа «Новая ЭРА исследований и инноваций» (далее – Новая программа)¹⁸³. ЭРА (англ. ERA, European Research Area) представляет собой комплексную инициативу, запущенную в 2000 г. с целью преодолеть разобщенность и фрагментацию исследовательской и инновационной деятельности в рамках Союза. В Новой программе как констатируются успехи, достигнутые в сфере создания исследова-

¹⁸⁰ При этом каждое из указанных стратегических направлений развития «обрастает» собственной регуляторной системой общего и специального характера.

¹⁸¹ С объемом инвестиций в 9,4 млрд евро в год. См.: Transition Pathway for the Chemical Industry. Р. 4.

¹⁸² Китай, в частности, признан лидером по числу научных публикаций. См.: Science, research and innovation performance of the EU 2022 – Building a sustainable future in uncertain times. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/52f8a759-1c42-11ed-8fa0-01aa75ed71a1/> (дата обращения: 26.12.2023).

¹⁸³ A new ERA for Research and Innovation. Communication from the Commission, COM (2020) 628 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0628> (дата обращения: 26.12.2023).

тельской инфраструктуры за прошедшие двадцать лет¹⁸⁴, так и отмечаются системные проблемы. К их числу относятся отставание от других стран в объеме частных инвестиций в научно-исследовательскую деятельность¹⁸⁵, недостаточные темпы внедрения результатов научных исследований в производство, отставание от США в количестве научных публикаций с высоким импакт-фактором, а также проблемы с обеспечением гендерного равенства в научной сфере.

Система мер, предусмотренных в Новой программе, достаточно обширна, поэтому мы обратим внимание лишь на некоторые, наиболее знаковые инструменты поддержки инновационно-исследовательской деятельности и внедрения ее результатов в производство.

В числе юридических средств в Новой программе отдельно отмечаются Руководящие принципы валоризации знаний и Свод практики разумного применения интеллектуальной собственности. Первые представляют собой рекомендацию Совета Европейского союза, принятую 2 декабря 2022 г.¹⁸⁶, содержащую в себе достаточно общие направления совершенствования законодательства, адресованные в первую очередь национальным законодателям. Второй документ был принят Европейской комиссией 1 марта 2023 г.¹⁸⁷ В нем уже описываются достаточно подробные действия частных субъектов по выстраиванию стратегии и организации управления интеллектуальной собственностью.

Финансовые меры по поддержке внедрений результатов научных разработок в производство могут принимать различные формы, но одним из основных подходов, декларируемых как в Новой программе, так и в Стратегии трансформации, является сотрудничество частного и публичного сектора для обеспечения финансирования исследовательских мероприятий в рамках различных юридических

¹⁸⁴ В частности, работа Европейского стратегического форума по исследовательской инфраструктуре позволила мобилизовать порядка 20 млрд евро инвестиций для финансирования научных проектов. См.: Ibid. P. 1.

¹⁸⁵ В Европейском союзе он составляет 1,45 % ВВП, в Южной Корее – 3,64 %, в Японии – 2,59 %, в США – 2,05 %, в Китае – 1,69 %. См.: Ibid. P. 2.

¹⁸⁶ Council Recommendation (EU) 2022/2415 of 2 December 2022 on the guiding principles for knowledge valorisation. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022H2415> (дата обращения: 26.12.2023).

¹⁸⁷ Commission Recommendation (EU) 2023/499 of 1 March 2023 on a Code of Practice on the management of intellectual assets for knowledge valorisation in the European Research Area. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023H0499> (дата обращения: 26.04.2023).

форм¹⁸⁸. Одной из основных таких форм является программа Horizon Europe. Ее бюджет на 2021–2027 гг. составляет 95,5 млрд евро, которые будут направлены на проведение новых исследований в различных областях знаний. Одним из основных инструментов распределения этих средств являются европейские партнерства, позволяющие снижать риски частных инвесторов. К ним, например, относится партнерство по созданию батарей с бюджетом в 925 млн евро¹⁸⁹.

Отличительной чертой Стратегии трансформации, направленной на усиление связи науки и промышленности, является подчеркивание необходимости обеспечения синергии различных областей знания в вопросах развития химической промышленности. Особенно рельефно это заметно в части реализации двух частей уже упоминавшегося «парного» перехода в различных его проявлениях. К примеру, в науке уже описана роль технологий искусственного интеллекта в современной химической промышленности¹⁹⁰, а в Европейском союзе на момент подготовки настоящего исследования в завершающей стадии находится формирование нормативного регулирования разработки, использования и распространения этого вида информационных технологий¹⁹¹. Стратегия трансформации создает институционные условия для этих процессов. К примеру, в рамках поддержки предприятий среднего и малого бизнеса, составляющих 95 % европейской химической промышленности, предлагается продолжить развивать систему европейских цифровых инновационных хабов¹⁹². Эта форма поддержки внедрения новых технологий в промышленность реализуется в соответствии с Регламентом 2021/694,

¹⁸⁸ Transition Pathway for the Chemical Industry. P. 18.

¹⁸⁹ Horizon Europe Calls. URL: <https://bepassociation.eu/funding-opportunities/horizon-europe/> (дата обращения: 26.12.2023).

¹⁹⁰ См., например: Venkatasubramanian V. The Promise of Artificial Intelligence in Chemical Engineering: Is It Here, Finally? // *AIChE Journal*. 2019. Vol. 65, N 2. P. 466–478; Liao M., Lan K., Yao Y. Sustainability implications of artificial intelligence in the chemical industry // *Journal of Industrial Ecology*. 2021. Vol. 26. P. 164–182.

¹⁹¹ Показательно и то, что в приложении № 4 к Стратегии трансформации приводится мнение участников рынка о необходимости взвешенного подхода при принятии решения об отнесении технологий искусственного интеллекта, используемых в химической промышленности, к категории «высокого риска». Такая категоризация повлечет за собой необходимость несения значительных расходов на проведение необходимой оценки и сертификации продуктов в соответствии с проектом Закона об искусственном интеллекте.

¹⁹² Transition Pathway for the Chemical Industry. P. 13.

создающим программу «Цифровая Европа»¹⁹³. Статья 16 этого документа среди задач создания хабов закрепляет повышение конкурентоспособности бизнеса посредством использования новых технологий, упрощение передачи знаний между разными регионами Союза, обеспечение доступа к тематическим услугам, в частности относящимся к искусственному интеллекту, оказание финансовой поддержки.

Обеспечение синергетического эффекта планируется осуществить и за счет реализации совместных проектов с иными секторами промышленности (например, улавливание углекислого газа), усиления трансграничного сотрудничества в вопросах обеспечения сырьем, повторного использования отходов и др.¹⁹⁴

Второе направление в Стратегии трансформации, на которое мы хотим обратить внимание в контексте проводимого *юридического* исследования, посвящается совершенствованию нормативно-правового регулирования. Несмотря на то что Европейский союз декларирует наличие открытой системы выработки нормативных правовых актов¹⁹⁵, предприятия отрасли отмечают ряд недостатков в организации регулирования химической промышленности. Среди основных из них выделяются отсутствие предсказуемости сроков появления новых предложений, недостаточная согласованность между нормативными правовыми актами Союза и национальным законодательством (вертикальная согласованность), а также недостаток согласованности между регулированием в рамках отдельных секторов промышленности и производственно-бытовых цепочек¹⁹⁶.

Отдельная система мер в Стратегии трансформации направлена на повышение эффективности и предсказуемости нормативно-правового регулирования. В числе общих средне- и долгосрочных мер отмечается необходимость постоянного наполнения и обновле-

¹⁹³ Regulation (EU) 2021/694 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 establishing the Digital Europe Programme and repealing Decision (EU) 2015/2240. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32021R0694> (дата обращения: 26.12.2023).

¹⁹⁴ Ibid P. 14.

¹⁹⁵ Одним из основных средств ее обеспечения является так называемая политика лучшего регулирования (англ. better regulation), которая предполагает необходимость осуществления консультаций с широким кругом заинтересованных лиц при разработке европейских нормативных актов, а также упрощение их содержания. См.: Towards an Evidence-Based and Integrated Policy Cycle in the EU: A Review of the Debate on the Better Regulation Agenda / G. Listorti, E. Basyte-Ferrari, S. Acs, P. Smits // JCMS: Journal of Common Market Studies. Vol. 56, N 6. P. 1359–1642.

¹⁹⁶ Transition Pathway for the Chemical Industry. P. 23.

ния специализированного портала, посвященного комплексному «химическому» законодательству. Такой портал функционирует на сайте Европейского химического агентства, в нем в удобной форме доступна информация об общих и специализированных нормативных актах и актах технического регулирования¹⁹⁷.

Необходимым направлением совершенствования европейского законодательства, отмеченным в Стратегии трансформации, стала разработка понятийного аппарата в связи с внедрением новых концепций. В качестве примеров были отмечен термин, выражаемый на английском языке словосочетанием end-of-waste¹⁹⁸.

Обращает на себя внимание и сформулированное в четвертом приложении к Стратегии трансформации предложение заинтересованных лиц обеспечить баланс между представляемыми в качестве отчетности сведениями и затратами для отрасли на их сбор и представление¹⁹⁹. В 2016 г. в рамках Европейской комиссии была подготовлена оценка затрат химической отрасли промышленности на выполнение регуляторных требований, вводимых на уровне Европейского союза²⁰⁰. В нем, в частности, отмечается, что наибольший уровень регуляторных затрат приходится на требования в части выбросов в атмосферу и промышленных процессов (33 %), а административное бремя в среднем составляет порядка 10 %. Его наибольшая величина на момент проведения исследования наблюдалась в секторе производства мыла и стиральных порошков (28 %). Большая часть затрат (75 %) была вызвана так называемым химическим пакетом законодательства: REACH²⁰¹, CLP²⁰² и PPPs²⁰³. Не-

¹⁹⁷ EUCLEF. URL: <https://echa.europa.eu/information-on-chemicals/euclef> (дата обращения: 26.12.2023).

¹⁹⁸ Transition Pathway for the Chemical Industry. P. 23. Этот термин, очевидно, близок по смыслу к признанию отходов вторичными ресурсами. Вопрос о критериях прекращения режима отходов достаточно сложен с технологической, экономической и юридической точек зрения. См.: Johansson N., Forsgren C. Is this the end of end-of-waste? Uncovering the space between waste and products // Resources, Conservation & Recycling. 2020. Vol. 155. Art. 104656.

¹⁹⁹ Transition Pathway for the Chemical Industry. P. vi.

²⁰⁰ Cumulative cost assessment for the EU chemical industry. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/8eb1b47a-ee94-11e6-ad7c-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 26.12.2023).

²⁰¹ Регламент о регистрации, оценки, авторизации и ограничению химических веществ. См.: Regulation (EC) No 1907/2006 of 18 December 2006. concerning the Registration, Evaluation, Authorisation and Restriction of Chemicals (REACH), establishing a European Chemicals Agency, amending Directive 1999/45/EC and repealing Council Regulation (EEC) No 793/93 and Commission Regulation (EC) No 1488/94 as well as Council Directive 76/769/EEC and Commission Directives 91/155/EEC, 93/67/EEC, 93/105/EC and 2000/21/EC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32006R1907> (дата обращения: 26.12.2023).

смотря на относительно небольшой размер, эти затраты последовательно распределяются по всем подсекторам промышленности²⁰⁴.

Среди инициатив, направленных на обеспечение горизонтальной согласованности нормативного и технического регулирования, заслуживает внимания предложение о создании механизма поэтапного внесения изменений в профильное законодательство с тем, чтобы все изменения не вступали одновременно. При этом такого рода механизм может использовать уже действующую систему РАСТ (англ. Public Activities Coordination Tool). Эта система сама обеспечивает публичность разрабатываемых мер в отношении отдельных веществ в рамках REACH и CLP и обновляется каждые 48 часов. Любое вещество, в отношении которого изучается возможность изменения его режима в рамках двух указанных регламентов, попадает в сводную таблицу²⁰⁵ с целью самого раннего информирования заинтересованных лиц о таких возможных изменениях.

Обеспечению открытости и предсказуемости правового и технического регулирования в химической отрасли служит и проект регламента, предусматривающий создание общей платформы данных о химических веществах, опубликованный в декабре 2023 г.²⁰⁶

²⁰² Регламент о классификации, маркировке и упаковке веществ и смесей. См.: Regulation (EC) No 1272/2008 of 16 December 2008 on classification, labelling and packaging of substances and mixtures, amending and repealing Directives 67/548/EEC and 1999/45/EC, and amending Regulation (EC) N 1907/2006. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32008R1272> (дата обращения: 26.12.2023).

²⁰³ Регламент о выпуске в продажу средств защиты растений. См.: Regulation (EC) No 1107/2009 of the European Parliament and of the Council of 21 October 2009 concerning the placing of plant protection products on the market and repealing Council Directives 79/117/EEC and 91/414/EEC URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32009R1107> (дата обращения: 26.12.2023).

²⁰⁴ Cumulative cost assessment for the EU chemical industry. Р. 9. Интересно отметить, что для индустрии вполне логичным поведением является завышение ожидаемых затрат на выполнение законодательных требований. Показательным примером является оценка затрат на выполнение требований, предусмотренных REACH, представленная Советом европейской химической промышленности (CEFIC) и Европейской комиссией. Первая оценивала затраты в 20–30 млрд евро, вторая – в 2,3 на период 11 лет. В итоге затраты составили около 3 млрд евро за указанный период. См.: Industry predicted the costs of REACH – they were wrong. URL: <https://chemsec.org/industry-predicted-the-costs-of-reach-they-were-wrong/> (дата обращения: 26.12.2023).

²⁰⁵ РАСТ – Public Activities Coordination Tool – ECHA. URL: <https://echa.europa.eu/pact> (дата обращения: 26.12.2023).

²⁰⁶ Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council establishing a common data platform on chemicals, laying down rules to ensure that the data contained in it are findable, accessible, interoperable and reusable and establishing a monitoring and outlook framework for chemicals. COM(2023) 779 final. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/329c32bf-9ddb-11ee-b164-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-300304456> (дата обращения: 26.12.2023).

Этот нормативный акт должен объединить различные информационные системы, содержащие сведения о химических веществах, а также обеспечить их достоверность, полноту и доступность.

Проведенное исследование позволяет выделить некоторые тенденции в политико-правовом обеспечении технологического суверенитета Европейским союзом в промышленности вообще и в ее химической отрасли в частности.

На современном этапе как в Европе, так и в мире в целом наблюдается отчетливая тенденция значительного усиления роли государств и в экономике, выражающаяся в юридическом измерении в разработке и принятии нормативных документов, определяющих его промышленную политику, краеугольным камнем которой становится цель обеспечения технологического суверенитета.

Обращает на себя внимание не только четкое выделение в европейских документах промышленной политики стратегически уязвимых секторов, но и последующая комплексная юридизация мер по их устранению (в виде принятия регламентов о критически важном сырье, аккумуляторных батареях и др.), а также создание системы институтов для сокращения отставания в отдельных секторах производства. Такие институты в значительной мере построены на началах государственно-частного партнерства, что демонстрирует универсальность этой формы стимулирования развития инноваций.

В области химической промышленности проанализированный европейский опыт позволяет прийти к выводу о стремлении Союза к диверсификации поставок критически важного сырья путем создания политико-экономических альянсов с другими странами. В этой связи критически важной для Российской Федерации является политика экономического сближения со странами БРИКС, многие из которых, как было показано, являются монополистами на рынках редкоземельных элементов.

В области нормативно-правового регулирования химической промышленности позитивно необходимо оценить опыт создания комплексных интернет-порталов, посвященных «химическому законодательству», а также проводимую политику открытости регуляторной политики Европейского химического агентства. Представляются возможными рецепция соответствующего опыта и создание комплексной информационной системы химической промышленности на базе исследовательских институтов Российской академии наук.

ГЛАВА 5

Технологический суверенитет и цифровое государство

Технологический суверенитет представляет собой концепцию, основанную на стремлении страны обеспечить возможность разработки, создания и контроля своих технологий без зависимости от внешних источников. Он обозначает полную независимость в области информационных, коммуникационных, промышленных и других технологий, необходимых для процветания и безопасности страны.

Сущность технологического суверенитета в контексте цифрового государства заключается в сокращении зависимости страны от иностранных технологических компаний, обеспечении доступа к собственным инновационным решениям и развитию собственных научно-технических кадров. Он позволяет стране сохранять контроль над своими ресурсами и данными, защищать национальные интересы и поддерживать экономическую устойчивость в условиях глобализации и цифровизации.

Технологический суверенитет характеризуется наличием в стране критических сквозных технологий, собственных линий разработки и условий производства продукции, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать национальных целей и реализовывать национальные интересы. Технологический суверенитет обеспечивается проведением научных исследований, разработкой и внедрением технологий и в итоге производством высокотехнологичной продукции.

Имея технологический суверенитет, страна может разрабатывать и применять передовые технологии, которые соответствуют ее потребностям и особенностям. Собственное производство и развитие инноваций позволяют стране стать конкурентоспособной на мировом рынке, создавать рабочие места для местного населения и повышать уровень жизни граждан²⁰⁷.

²⁰⁷ Фальцман В. К. Технологические суверенитеты России. Статистические измерения // Современная Европа. 2018. № 3. С 84.

Важной составляющей технологического суверенитета является развитие цифровой инфраструктуры. Быстрый и надежный доступ к интернету, компьютерные сети и коммуникационные технологии становятся неотъемлемой частью современного общества. Развитие таких инфраструктурных проектов обеспечивает возможность стране контролировать свои данные, защищать информационную безопасность и поддерживать коммуникацию как внутри страны, так и за ее пределами.

Согласно Концепции технологического развития на период до 2030 года (далее – Концепция) под *технологическим суверенитетом* следует понимать наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы²⁰⁸. При этом технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах. Первая форма заключается в исследовании, разработке и внедрении критических и сквозных технологий (по установленному перечню). Вторая форма выражается в производстве высокотехнологичной продукции, основанной на указанных технологиях.

Важно отметить, что по общему смыслу Концепции технологический суверенитет должен обеспечиваться в том числе устойчивым международным научно-техническим сотрудничеством с дружественными странами. Технологический суверенитет не должен выражаться в воспрепятствовании сотрудничеству с другими государствами и иностранными компаниями. Взаимодействие и обмен технологиями и опытом могут быть важными факторами развития и инноваций. Технологический суверенитет подразумевает баланс между сохранением собственных интересов и сотрудничеством с мировым сообществом.

В России выделяется 9 приоритетных направлений технологического суверенитета: безопасность и противодействие терроризму; индустрия наносистем; информационные и телекоммуникационные системы; науки о жизни; перспективные виды вооружения, военной

²⁰⁸ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Собрание законодательства РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

и специальной техники; рациональное природопользование; робототехнические комплексы военного, специального и двойного назначения; транспортные и космические системы; энергоэффективность, энергоснабжение, ядерная энергетика.

Проводя анализ содержания данной Концепции, можно отметить, что технологический суверенитет государства зависит от такого явления, как **цифровизация**. В современном мире процесс информатизации так или иначе охватывает практически все сферы жизни. С каждым днем деятельность отдельного человека, общества в целом и государства в лице публичных органов власти все больше зависит от его информативности, способности работать с информацией, оптимизируя многие процессы.

В этой связи важно проанализировать Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». В данном указе в качестве национальной цели развития Российской Федерации среди прочих выделена цифровая трансформация. Делается акцент на то, что к 2030 г. социальные и экономические сферы государственного управления обязаны достичь цифровой зрелости. В первую очередь это должно выражаться в построении и функционировании цифровой экономики, формировании электронного правительства, предоставлении государственных услуг в электронном виде в преобладающем большинстве случаев.

Термин «цифровая зрелость» не закреплен в законодательстве Российской Федерации. При этом в приказах Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ данный термин используется²⁰⁹. В самом общем виде под цифровой зрелостью понимают уровень цифровой трансформации. Цифровая зрелость может оцениваться как на уровне отдельных организаций, так и на уровне государств.

Представляется, что данный термин необходимо понимать в широком и узком смыслах. В широком смысле под цифровой зрелостью необходимо понимать уровень цифрового развития человека, компании (юридического лица) или государства, характеризующийся способностью создавать ценности и модернизировать раз-

²⁰⁹ Например: Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации : приказ М-ва цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 18 нояб. 2020 г. № 600 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

личные процессы при помощи цифровых технологий. Например, цифровую зрелость крупной коммерческой компании определяет количество сотрудников организации, которые используют в работе ИТ-решения; наличие технологической оснащенности; объем инвестиций в технологии; корпоративная культура и управление, нацеленные на внедрение цифровых решений.

Цифровая зрелость в узком смысле (государственно-правовом) видится нами как система критериев и показателей, характеризующих деятельность органов и организаций в сфере государственного управления, здравоохранения, образования, транспорта и логистики, а также городского хозяйства.

Так, для сферы государственного управления Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ определяет семь показателей, подтверждающих цифровую зрелость:

1) процент видов сведений в федеральных информационных системах, доступных в электронной форме для оказания социально значимых услуг населению;

2) процент электронного юридически значимого документооборота в федеральных органах исполнительной власти, внебюджетных фондах и подведомственных им учреждениях;

3) сокращение времени фактического предоставления государственных услуг;

4) процент услуг, предоставленных без нарушения установленного срока;

5) процент проверок в рамках контрольно-надзорной деятельности, проведенных дистанционно;

6) процент обращений за получением государственных услуг в электронном виде;

7) процент массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде.

Развитие информационных технологий приводит как к количественным изменениям в связи с увеличением объема использования цифровых технологий в жизни человека, так и к качественным в связи с увеличением влияния этих технологий на процессы жизнедеятельности. Как следствие, все это вносит свои коррективы в государственное управление. С одной стороны, государство (в лице соответствующих органов власти) должно обеспечивать технологическую сторону данного вопроса (обеспечение, развитие, внедрение

новых технологий и проектов), а с другой – государство должно «успевать» за новыми тенденциями в сфере информатизации с точки зрения правовой регламентации.

В самом общем виде цифровизацией является некий переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую. Она влияет на сферу правового регулирования, в которую входят общественные отношения, ранее не существовавшие или не требующие правового регулирования. Примером таких общественных отношений являются: отношения, складывающиеся по поводу информации, цифровых технологий; отношения, субъектами которых являются цифровые «личности»; отношения, возникающие в результате реализации прав человека в онлайн-пространстве; отношения, ориентированные на применение робототехники, и иные общественные отношения.

Уже сейчас можно утверждать, что информатизация способствует многим процессам в публичном управлении. Во-первых, при помощи информатизации происходит совершенствование процесса правотворчества, поскольку современные технологии позволяют быстро и эффективно осуществлять сбор статистических данных, на основании которых выявляются пробелы и коллизии в нормах права. Во-вторых, информатизация совершенствует и правоприменение. Необходимый информационный инструментарий позволяет правоприменителю точно установить факты по делу, которые в дальнейшем могут сыграть большую роль в процессе квалификации и применения нужной нормы. Например, сотрудники правоохранительных органов истребуют разнообразные сведения в органах публичной власти и коммерческих организациях, а также получают информацию в базах данных системы МВД России через информационно-поисковые системы «Следопыт-М», федеральную информационную систему «ГИБДД-М», ИБД-Ф, программный комплекс «Тор». В-третьих, информатизация способствует повышению уровня правосознания и правовой культуры населения путем использования информационно-правовых систем (например, «Консультант-Плюс», «Юрист»).

Процесс информатизации активно развивается, и твердо утверждать о его положительных или отрицательных качествах еще пока невозможно. Можно лишь наблюдать за ним и делать промежуточные выводы на протяжении условных сроков. Думается, что

сам процесс взаимодействия государства, права и информатизации (как процесса) не несет в себе отрицательных несоразмерных получаемому опыту последствий. Право развивается, приобретает новые формы, источники закрепления, а это все способствует становлению более модернизированной правовой системы.

В условиях цифровизации субъектами государственной власти используются средства и методы управления электронного формата, свойственные самым разнообразным правовым режимам. Под цифровизацией в публичном управлении следует понимать трансформацию методов и приемов воздействия органов государственной власти и органов местного самоуправления на соответствующую совокупность общественных отношений.

Безусловными преимуществами цифровизации в государственном управлении являются модернизация, быстрота взаимодействия граждан, организаций с органами власти; прозрачность; минимизация коррупционных рисков. Например, в региональных публично-правовых компаниях «Роскадастр»²¹⁰ имеется возможность получить сведения об имущественном положении граждан Российской Федерации через **федеральную государственную информационную систему ведения Единого государственного реестра недвижимости**. Данная система обеспечивает: ведение, качество и достоверность данных Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН); идентификацию объектов недвижимости и их правообладателей; предоставление сведений из ЕГРН; информационное взаимодействие с государственными, муниципальными и иными субъектами правоотношений.

Процесс информатизации не лишен недостатков и пробелов. К подобным проблемам следует отнести технологическое отставание Российской Федерации; нехватку технического оборудования и комплектующих; проблемы информационной безопасности государства, его органов, подконтрольных лиц. Невозможно не отметить, что информатизация в сфере государственного управления требует достаточно серьезных финансовых затрат и изменения устоявшихся подходов и технологий работы, повышения квалификации работников.

²¹⁰ О публично-правовой компании «Роскадастр» : федер. закон от 30 дек. 2021 г. № 448-ФЗ // Российская газета. 2022. № 2.

Решение выделенных проблем в современный период активно ведется. После 2022 г. наша страна встала на новый курс импортозамещения. Активно внедряются российские технологии, используются сервера и прочее оборудование отечественных производителей «Гравитон», «Ситроникс».

Так, например, реестр российского программного обеспечения, ведение которого осуществляет Минцифры, – это яркий пример непосредственного участия государства в развитии внутреннего предложения конкурентоспособных программных продуктов. С момента введения в действие реестра российского программного обеспечения в него по состоянию на 4 апрель 2024 г. было включено 20 777 наименований различных программных решений, авторами и разработчиками которых являются 7 704 правообладателя-соотечественника. Например, интеграционная платформа цифровых услуг, правообладателем которой является публичное акционерное общество «Газпром нефть». Другим примером может служить система автоматизации пассажирских перевозок «Надежный маршрут», правообладателем программного обеспечения которого является общество с ограниченной ответственностью «Ай Ти Пасс»²¹¹.

Регистрация программы в этом реестре обеспечивает ей определенный статус. Данный статус служит существенным положительным доводом при распространении и продвижении программного продукта на внутреннем рынке России.

Включение программы для ЭВМ в официальный государственный реестр российского программного обеспечения позволяет закрепить на официальном уровне факт создания такой программы российскими разработчиками с применением собственных уникальных разработок или интеграцией международно-признанных свободных программных компонентов, запрет на использование которых невозможно ввести.

Существование программы в реестре российского программного обеспечения делает ее выгодным приобретением для государственных предприятий и организаций, государственных органов, предприятий обороны и просто частных компаний, заботящихся о своей автономии от зарубежных решений. Такая регистрация позволяет привлекать инвестиции и получать государственные гранты

²¹¹ URL: <https://reestr.digital.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2024).

на развитие программного обеспечения, которые направлены на стимулирование внутренних разработок.

Гарантия российского происхождения программы для ЭВМ является маркером стабильности вложенных инвестиций, а также дополнительным конкурентным преимуществом. Большинство крупных российских программ уже давно включены в этот реестр.

Внесение программы в перечень программного обеспечения российского производства обеспечивает подтверждение российского происхождения программы, позволяет поставлять ее государственным заказчикам, а также претендовать на всевозможные льготы по уплате налогов, страховых взносов и различные государственные программы субсидирования, гранты и иные формы поддержки российского ИТ-бизнеса.

В настоящее время отечественным компаниям, включенным в реестр российского программного обеспечения, положены следующие виды льгот: 3 % – налог на прибыль; 7,6 % – страховые взносы; продажа программного обеспечения из реестра без НДС. Отдельной мерой поддержки для ИТ-компаний являются гранты. При этом разные программы грантовой поддержки рассчитаны на разные категории получателей – от ИТ-стартапов до крупных компаний, разрабатывающих или внедряющих отечественные технологии и программное обеспечение. Вышеприведенные инструменты поощрительных правовых режимов в налоговом праве стимулируют малый и средний бизнес, побуждая субъектов активно внедрять новые технологии и программы²¹².

Приведем другой пример внедрения цифровизации в государственное управление. Так, Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248 ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» регулируется ведение в цифровом формате единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий.

Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий создается в целях: учета проводимых контрольными (надзорными) органами профилактических мероприятий, принятых контрольными (надзорными) органами мер по пресечению выявленных нарушений

²¹² Шабаетова О. А. Поощрительные правовые режимы в налоговом праве // Миссия современного государства и права в эпоху социальных перемен : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2019. С. 175–179.

обязательных требований, устранению их последствий и (или) по восстановлению правового положения, существовавшего до таких нарушений; учета решений и действий должностных лиц контрольных (надзорных) органов, решений контрольных (надзорных) органов, принятых при проведении мероприятий и принятии мер, а также принятых по итогам рассмотрения жалоб контролируемых лиц; обеспечения взаимодействия контрольных (надзорных) органов и органов прокуратуры в рамках планирования и согласования проведения контрольных (надзорных) мероприятий; учета информации о жалобах контролируемых лиц²¹³.

В настоящее время (с 1 июля 2021 г.) проведение контрольных мероприятий возможно только с согласия прокурора. Любое проведение контрольных мероприятий может осуществляться только после согласования с органами прокуратуры и регистрации мероприятий в федеральной государственной информационной системе «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий». Оператором данной системы является Генеральная прокуратура РФ. Деятельность Генеральной прокуратуры РФ в данном вопросе регулируется приказом от 2 июня 2021 г. № 294 «О реализации Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ “О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации”».

С точки зрения государственного управления единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий – это не просто свод данных в цифровом формате, но и рабочий инструмент взаимодействия органов прокуратуры с контрольным (надзорным) органом. Как происходит это взаимодействие? Теперь Прокуратура РФ не формирует сводный план проверок. Каждый контрольный (надзорный) орган размещает проект плана в едином реестре контрольно-надзорных мероприятий до 1 октября текущего года. В свою очередь, прокурор рассматривает его в данном реестре и принимает одно из трех возможных решений: согласовать; согласовать с замечаниями или отклонить. Завершается данная процедура утверждением плана в едином реестре ответственным должностным лицом контролирующего органа и размещением его на своем официальном сайте.

²¹³ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 08.04.2024).

Помимо этого, органы прокуратуры реализуют полномочия по защите малого и среднего бизнеса от необоснованного давления контрольных (надзорных) органов именно с помощью данного инструмента, путем согласования плановых и внеплановых мероприятий через данную информационную систему.

Прозрачность данных мероприятий обеспечивает открытая часть федеральной государственной информационной системы на сайте proverki.gov.ru. На указанном сайте Генеральной прокуратуры РФ содержится общая информация по проверке (вид контрольного мероприятия, дата, основания проведения, предмет); информация об органе контроля; сведения о контролируемом лице (тип контролируемого лица, ИНН, ОГРН, наименование проверяемого лица, сведения об объектах контроля).

Кроме того, проведена интеграция федеральной государственной информационной системы с порталом государственных услуг. Подконтрольные лица могут через личный кабинет на портале увидеть информацию о планируемых мероприятиях.

В разделе «Контроль и надзор» в личном кабинете для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц на платформе «Госуслуги» собрана информация о прошедших и предстоящих проверках, профилактических визитах и других контрольных и надзорных мероприятиях. Благодаря этому проверяемые субъекты могут посмотреть сроки мероприятий и узнать, какое ведомство и инспектор посетит предприятие или организацию. Кроме того, через «Госуслуги» можно подать жалобу на решения контрольных органов, приложив учетный номер обжалуемой проверки; материалы, подтверждающие доводы; электронную подпись руководителя организации или его доверенного лица.

В настоящее время уже никто не говорит о том, нужна ли современному государству цифровизация или нет. Всем очевидно, что цифровизация охватывает и сферу права. Изменения касаются форм, механизмов и действия права. Перед государством стоит нелегкая задача – реорганизовать все государственно-правовые институты под новые реалии.

Цифровизация является в настоящее время одним из приоритетов развития современного государства. Освоение высоких технологий в промышленности и социальной сфере, а также выпуск наукоемкой продукции являются основополагающими условиями

развития экономического роста России. Цифровые технологии достаточно новое явление в нашей действительности, поэтому многие определения понятий отсутствуют в законодательстве²¹⁴.

Технологический суверенитет сопряжен с цифровым государством. Идея цифровизации всех сфер деятельности государства – пролог для технологического развития государства. Цифровизация в данном случае выступает элементом технологического суверенитета, одним из приоритетных направлений технологического развития в целом.

Информационные технологии принципиально меняют сложившиеся отношения, что предполагает их адекватное правовое регулирование. Цифровизация позволяет повысить открытость всей системы публичной власти, перейти на реализацию функций публичных органов, а также оказание государственных и муниципальных услуг в электронной форме. В настоящей работе рассматриваются также вопросы, связанные с функционированием государственных информационных систем, их совместимостью, включая правовой режим содержащихся в них информационных ресурсов.

В юридической науке до настоящего времени не сложилось четкого понятия «цифровое государство». Так, Э. А. Золаев считает, что «цифровое государство – это информационно-технологическая организация политико-правового взаимодействия граждан и органов публичной власти»²¹⁵. В данном контексте следует отметить, что цифровое государство – это платформа для правоотношений не только граждан, общественных и коммерческих организаций и органов публичной власти, но и органов власти между собой. Представляется, что «внутреннее» взаимодействие в рамках информационного пространства органов публичной власти между собой – это одно из главных направлений в цифровом государстве (например, межведомственное электронное взаимодействие). Так, единая система межведомственного электронного взаимодействия представляет собой систему, включающую информационные базы данных, в том числе содержащие сведения об используемых органами и организациями программных и технических средствах. Основная цель данной системы состоит в обмене информацией и документами

²¹⁴ Цифровая экономика. Проблемы правового регулирования : монография / Д. Арнаут [и др.] ; отв. ред.: В. В. Зайцев, О. А. Серова. М., 2019. 120 с.

²¹⁵ Золаев Э. А. Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 5. С. 1583–1594.

между органами государственной власти, органами местного самоуправления и организациями, предоставляющими государственные и муниципальные услуги.

В статье, посвященной понятию и признакам цифрового государства, И. В. Шахновская утверждает, что «цифровое государство представляет собой определенный концепт, вектор развития современного государства, при достижении которого все сферы общественной жизни должны быть представлены в цифровом формате: право, политика, экономика». При этом к признакам цифрового государства автор относит: размытость государственных (территориальных) границ, обеспечение информационного суверенитета (как в техническом, так и в правовом аспекте), наличие и действенность цифрового механизма защиты прав человека, вовлечение права в процесс информатизации и др.²¹⁶

Полагаем, что итогом формирования концепции цифрового государства не является представление всех сфер общественной жизни в цифровом формате. Это достаточно узкий подход. Видится, что концепция цифрового государства – это процесс длящийся, видоизменяющийся, особенно в свете активного развития цифровых технологий.

В России уже много лет большинство нарушений правил дорожного движения фиксируют дорожные камеры, установленные на центральных улицах городов. При этом комплексы фотофиксации и видеофиксации постоянно модернизируют. В связи с этим заметно снизилось число ошибочных постановлений о нарушениях правил дорожного движения, выписанных в автоматическом режиме.

На данный момент на российских дорогах можно встретить большое разнообразие комплексов, которые отличаются функционалом и внешним видом. Например, в августе 2023 г. в г. Санкт-Петербурге установлен первый стационарный комплекс фотовидеофиксации контроля пропуска пешеходов. Дорожная камера фиксирует нарушения правил дорожного движения, ответственность за которые предусмотрена ст. 12.18 КоАП РФ «Непредоставление преимущества в движении пешеходам или иным участникам дорожного движения». За месяц работы комплекса было зафиксировано 65 нарушений правил дорожного движения.

²¹⁶ Шахновская И. В. Понятие и признаки цифрового государства // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. 2022. № 6. С. 135.

Внедрение данного вида комплекса фотовидеофиксации контроля пропуска пешеходов является одним из этапов масштабного проекта по развитию городской системы фиксации по нарушению правил дорожного движения. Благодаря таким стационарным комплексам повышается безопасность на аварийно-опасных участках дороги как автолюбителей, так и пешеходов как менее защищенных участников дорожного движения.

Помимо этого, существуют и другие концепции: «цифровое правосудие»; «цифровые избирательные технологии»; «цифровой общественный мониторинг над государственным и муниципальным управлением». Думается, что все эти концепции претерпевают определенные организационно-технологические изменения в связи как с развитием самих общественных отношений в той или иной области, так и с модернизацией цифровых технологий.

Рассматривая понятие цифрового государства, И. В. Понкин не без основания утверждает, что прямое толкование понятия «цифровое государство» лишено смысла, поскольку любое государство – это всегда организация именно и исключительно людей (не машин, не роботов), сообщество, состоящее из людей, наделенных соответствующими публично-правовыми компетенциями и структурированно-иерархически выстроенных внутри этого сообщества²¹⁷.

Действительно, государство состоит из органов публичной власти, в которых работают государственные, муниципальные служащие, иные работники. Нужно отметить, что от цифровых трансформаций форма государства не меняется. Думается, что от применения цифровых технологий не меняется ни форма правления, ни форма государственного устройства. Интересно отметить, что относительно видоизменения политического режима есть определенные нюансы. Политический режим может измениться, например, вследствие достаточной прозрачности государственно-правовых институтов. Или, наоборот, вследствие установления механизма постоянного контроля режим может авторитаризироваться. Речь идет о реализации информационной функции государства. Например, обжалование действий и решений органов государственной власти и их должностных лиц через электронные государственные системы.

²¹⁷ Понкин И. В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. 2021. Т. 23, № 5 (133). С. 47–52.

Определенная демократизация политического режима прослеживается при применении электронного голосования. Дистанционное электронное голосование представляет собой голосование без бумажного бюллетеня с использованием программного обеспечения на портале vybory.gov.ru (для жителей Москвы – на портале mos.ru). Оно дает возможность избирателю реализовать свое активное избирательное право без посещения избирательного участка. Например, на выборах Президента РФ 2024 г. дистанционное электронное голосование было предусмотрено в 29 регионах. Бесспорно, что дистанционное электронное голосование позволяет повысить общую явку на выборах и вовлечь наибольшее количество избирателей в процесс.

В этой связи интересна точка зрения В. С. Осипова, который в своей статье, посвященной цифровому государству, верно акцентировал внимание на том, что «цифровизация государственного управления должна стать инструментом повышения эффективности государственных услуг»²¹⁸.

Д. Н. Баранов под цифровым государством понимает «государство, которое работает с цифровой трансформацией – с новыми цифровыми реалиями в экономике и обществе, причем использует при этом новые цифровые инструменты и процессы»²¹⁹. В данном случае государство рассматривается как цифровая платформа, которая автоматизирует большую часть государственных функций.

Ю. Г. Арзамасов и В. Ю. Арзамасов в статье, посвященной «цифровому государству, предлагают понимать его в двух ипостасях: во-первых, как теорию технологической модернизации страны, а во-вторых, как важный исторический этап в развитии государства, при котором все функции, задачи и услуги государства осуществляются с помощью применения современных цифровых технологий»²²⁰. При этом авторы четко не разграничивают понятия «цифровое государство» и «цифровое правительство». Под последним авторы понимают «важную модернизацию работы органов публичной

²¹⁸ Осипов В. С. Дорога из желтого кирпича к цифровому государству // Цифровое право. 2020. № 1 (2). С. 28.

²¹⁹ Баранов Д. Н. Сущность и содержание категории «цифровая экономика» // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1, Экономика и управление. 2018. № 2 (25). С. 16.

²²⁰ Арзамасов Ю. Г. Арзамасов В. Ю. Цифровое государство: понятие, основные направления деятельности // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4 (43). С. 33.

власти государства, связанную с внедрением и использованием новых цифровых технологий в работе органов государства и местного самоуправления, их взаимодействием при обмене большими данными, цифровыми документами, с государственным управлением, а также с установлением постоянной обратной цифровой связи с гражданами и институтами гражданского общества, в целях их вовлечения в обсуждение, а в случаях, установленных законодательством, и в решение важных государственных и муниципальных проблем»²²¹. Из смысла статьи следует, что от цифрового правительства осуществляется поэтапный переход к цифровому государству, а далее и к цифровому обществу. То есть цифровое правительство представляется как первый этап в построении цифрового государства.

Подводя итог различным точкам зрения относительно определения «цифровое государство», отметим, что интересный подход прослеживается в западных концептах. Например, Digital State и Electronic Governments (E-Governments) – данные определения четко показывают различие между государством в широком смысле – Digital State и государством в узком смысле E-Governments (как электронное правительство).

Digital State в переводе на русский язык означает цифровое государство, осуществляющее управление при помощи цифровых инструментов и технологий, в котором прослеживаются взаимоотношения между государством и гражданами (government to employee); государством и бизнесом (government to business); между государственными органами (government to government).

Во втором случае за основу взят английский вариант Electronic Governments. При этом термин governments в переводе на русский язык означает следующее: управление, руководство, регулирование; государственную власть; политический строй; форму правления; правительство. Таким образом, термин E-Governments (электронное правительство) более узкий, чем понятие «цифровое государство», предполагающее цифровизацию всего государственного аппарата, а также создание взаимодействия между ними.

Некоторые авторы выделяют термин «правительство онлайн» (government on-line)²²². Данный термин на первый взгляд схож с

²²¹ Арзамасов Ю. Г. Арзамасов В. Ю. Цифровое государство ... С. 32.

²²² Азизов Р. Ф. Электронное правительство как элемент электронного государства: теоретико-правовой аспект // Труды XIV Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество». СПб., 2011. С. 153.

термином «электронное правительство». Однако «правительство онлайн» – это по сути своей сайты государственных структур, которые содержат лишь общую информацию о работе данного органа власти. Некоторые сайты дают возможность гражданам и юридическим лицам провести некоторые операции, например проверку и оплату налоговой задолженности²²³.

Проанализировав представленные точки зрения, говорить о единстве взглядов на понятие «цифровое государство» в настоящее время не приходится. Сложность для формирования определения «цифровое государство» вносит активное становление его институтов и структурных элементов ежедневно в современных реалиях.

Если говорить о понятии «государство», в современной теории государства и права сложилось два подхода: широкий и узкий. При широком подходе под государством понимают определенным образом организованное общество, при узком – определенную политическую организацию²²⁴.

В самом общем виде под цифровизацией понимается внедрение современных информационных технологий в аппарат публичной власти, применение органами государственной и муниципальной власти цифровых инструментов. Представляется, для того чтобы раскрыть понятие «цифровое государство», необходимо начать с определения его признаков. В данной монографии мы будем различать признаки цифрового государства в широком смысле и признаки цифрового государства в узком смысле.

Цифровое государство в широком смысле – это организованное (информационное) общество, которому присущи следующие основные признаки. Во-первых, это определенный союз людей в информационном пространстве. Государство представляет собой сообщество людей, объединенных на основе общих принципов и интересов главным образом в информационном пространстве. Индивидуальные субъекты права в условиях применения цифровых технологий, наряду с общими признаками, характеризуются рядом особенностей. Подобные особенности обусловлены именно используемыми технологиями, без существования которых индивидуальные субъекты не смогут быть участниками правовых отношений с

²²³ Например, URL: <https://avtonalogi.ru/>

²²⁴ Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. Изд. 3-е, перераб. и доп. Иркутск, 2010. С. 50.

применением цифровых средств (искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности, киберфизических систем и нейротехнологий и т. д.). Следует отметить, что данные особенности не меняют в корне само понимание индивидуальных субъектов права, сложившееся в науке теории государства и права, а акцентируют внимание на том, что правовым отношениям присущ цифровой элемент. В данном случае речь идет о том, что дееспособность данных субъектов сопряжена с наличием у них технических средств, программного обеспечения, а также необходимого уровня знаний информационно-технологического характера.

Во-вторых, это союз людей, который представляет собой принципиально новый тип информационного общества. Верно отмечено в научной литературе, что информационное общество представляет собой принципиально новый тип общества с новым укладом социальной, политической, экономической и других сфер жизни²²⁵. Основой для построения такого общества являются информация, информационные ресурсы и информационное пространство в целом.

В-третьих, это территориальный союз. Когда мы говорим о государстве в широком смысле, то признак территориальности выходит на первый план, так как членов общества в единое целое в первую очередь связывает конкретная территория. В теоретическом понимании цифровое государство также не безгранично и в идеале должно иметь четко определенную территорию, совпадающую с границами государства. Но, как верно отметила И. В. Шахновская, границы цифрового государства имеют «размытый характер»²²⁶.

В-четвертых, цифровое государство представляет собой политический союз. В данном случае речь идет о том, что члены такого государства находятся между собой в определенных политических взаимоотношениях, чаще всего разделяясь на определенные группы, классы и т. д. Цифровое государство тем самым выводит правоотношения на новый уровень взаимодействия органов публичной власти с гражданами, общественными объединениями, политическими союзами. Данные виды правоотношений менее подвержены коррупции, более «прозрачны» и контролируются со стороны правоохранительных органов власти.

²²⁵ Сухов Е. И. Информационное общество как новое общество // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 101.

²²⁶ Шахновская И. В. Понятие и признаки цифрового государства. С. 135.

В-пятых, цифровое государство – это союз, которым управляет публичная политическая власть. Речь идет о существовании специального аппарата, выраженного в системе органов управления. При этом управление происходит с использованием информационных технологий на специальных платформах. В этой связи возникает вопрос трансформации органов власти в структурном и техническом аспекте.

Таковыми нам видятся признаки цифрового государства (в широком смысле). Исходя из данных признаков, под **цифровым государством (в широком смысле)** следует понимать политический союз людей на определенной территории, представляющий собой новый тип организованного общества, управляемый при помощи цифровых инструментов и технологий публичной властью, выраженной в специальном аппарате управления и принуждения.

Для полного раскрытия понятия «цифровое государство» рассмотрим его определение в узком смысле. В самом общем виде в теории государства и права под государством в узком смысле понимают уже не определенное организованное общество, а определенную политическую организацию. Итак, перейдем к рассмотрению признаков информационного государства в узком смысле.

Во-первых, информационное государство – это политическая организация, деятельность которой связана с политикой, с решением политических вопросов (например, реализация деятельности портала государственных услуг РФ, организация электронного голосования, регистрация политических партий).

Во-вторых, это организация, которая выражена в системе органов управления и принуждения и состоит из них. Процесс возникновения информационного государства находится на начальном этапе своего формирования. В этой связи под цифровым правительством следует понимать деятельность органов публичной власти государства, связанную с внедрением и использованием новых цифровых технологий, их взаимодействием при помощи цифровых технологий. При этом в данном контексте крайне важно установление постоянной обратной цифровой связи с физическими и юридическими лицами в целях их вовлечения в обсуждение, а в случаях, установленных законодательством, и в решение важных государственных и муниципальных проблем.

В-третьих, информационное государство – это организация, которая представляет и осуществляет публичную власть в лице соответствующих органов государственной власти при помощи цифровых инструментов и технологий. Так, например, Федеральная налоговая служба РФ планомерно ведет работу по интеграции пилотных проектов по работе в автоматизированных информационных системах; по организации услуги предоставления отчетности через интернет.

В-четвертых, это территориальная организация. Выше этот вопрос уже освещался. Цифровое государство должно иметь свои ярко выраженные границы. В данном контексте это приобретает огромное значение в связи с обеспечением информационной безопасности.

В-пятых, цифровое государство – это «суверенная организация». Под государственным суверенитетом понимают верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость на международной арене²²⁷. В науке теории государства и права было предложено определение «цифровой суверенитет», под которым понимаются «независимость, полнота и верховенство государственной власти в информационной сфере»²²⁸. В этой связи важно отметить необходимость принятия соответствующей декларации и заключения международных договоров. Данный вопрос крайне актуален в современном мире. Помимо этого, стоит вопрос и о закреплении в Конституции РФ определения «информационный суверенитет», а также провозглашении информационной безопасности других государств.

В-шестых, это организация, осуществляющая публичную власть в целях создания и поддержания в обществе определенного правопорядка. Главной целью любого государства является обеспечение в обществе комфортного существования его граждан. Разработка, внедрение, апробация и функционирование всех государственных информационных систем Российской Федерации (портал государственных и муниципальных услуг, электронные сервисы Федеральной налоговой службы) предназначены в первую очередь для автоматизации работы органов публичной власти. И, как след-

²²⁷ Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. Изд. 3-е, перераб. и доп. С. 51.

²²⁸ Шахновская И. В. Понятие и признаки цифрового государства. С. 135.

ствие, исполнение государственных и муниципальных услуг происходит более быстро и качественно для членов общества. Основные сферы юридической деятельности, в которых цифровизация оказывает наибольшее воздействие в настоящее время, – это высшее образование, государственное управление, правоохранительная деятельность и судебная система.

Наконец, в-седьмых, это организация, которая существует за счет общества. Данный признак полностью идентичен признаку государства в обычном его понимании, так как цифровое государство взимает с индивидуальных и коллективных субъектов страны налоги и иные сборы, обеспечивая за счет данных денежных средств свой аппарат.

Проанализировав признаки **цифрового государства (в узком смысле)**, думаем, под ним следует понимать суверенную политико-территориальную организацию (платформу), состоящую из органов управления и принуждения, существующую за счет общества, осуществляющую власть с использованием цифровых инструментов и технологий в целях создания и поддержания в обществе правопорядка. Цифровое государство в узком понимании используется в науке более часто, и в данной монографии мы также будем придерживаться именно этого подхода.

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что внедрение цифровизации в область российского права и законодательства неизбежно. Процесс формирования цифрового государства не завершен и имеет длящийся характер. В этой связи важно четкое понимание свойств и особенностей (признаков) цифрового государства. Формирование цифрового государства как в широком, так и в узком смысле – это важный и продиктованный современными реалиями путь, который должен прокладываться не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов Федерации. Вопрос формирования технологического суверенитета, его нормативное оформление, обеспечение на государственном и международном уровне в рамках цифрового государства стоит в настоящее время крайне остро.

Перейдем к рассмотрению вопроса корреляции цифрового государства и технологического суверенитета. Как мы уже поясняли ранее, формами технологического суверенитета являются, во-первых, исследование, разработка, внедрение технологий, во-вторых, производство высокотехнологичной продукции, основан-

ной на указанных технологиях. Технологическое развитие в данном контексте представляет собой разработку и внедрение технологий. При этом оценка технологий нуждается в цифровом сопровождении и включении в общий дискурс цифрового государства как контура организации государственного управления.

При этом важно отметить, что в цифровом государстве власть осуществляется с использованием цифровых инструментов и *технологий*. Таким образом, мы четко видим прямую взаимосвязь и взаимозависимость цифрового государства и технологического суверенитета.

Следует отметить, что исследователи с некоторой осторожностью подходят к вопросу об оценке технологического суверенитета в контексте цифрового государства. Так, С. В. Ештокин, исследовавший проблему соотношения цифровизации и технологического суверенитета, отмечает лишь необходимость «активизации цифрового потенциала Российской Федерации» и «увеличения инвестиционных вложений в развитие экономики со стороны государства»²²⁹.

В сложившейся напряженной международно-экономической ситуации исключительно важно понимание технологических возможностей и потенциальных рисков в экономике Российской Федерации. В настоящее время складывается ситуация, при которой, с одной стороны, введенные Западом беспрецедентные ограничения статуса Российской Федерации на мировых рынках порождают риски снижения темпов цифровизации экономики нашей страны. Вследствие санкционного давления затруднен импорт ряда критически значимых для цифровизации высокотехнологичных товаров²³⁰. С другой стороны, именно «переход на цифру» должен происходить в опережающем режиме, так как цифровое государство является ключевым звеном в решении жизненно важной задачи – обеспечении технологического суверенитета России.

Верно подметил В. К. Фальцман, что технологический суверенитет – это «способность того или иного вида экономической деятельности обеспечить народное хозяйство своей продукцией

²²⁹ Ештокин С. В. Сквозные технологии цифровой экономики как фактор формирования технологического суверенитета страны // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 3. С. 1301–1314.

²³⁰ Янковская Е. С. Цифровизация и технологический суверенитет России // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2023. № 1 (85). С. 81.

надлежащего качества...»²³¹. Характеристики технологического суверенитета не могут ограничиваться конкретным видом экономической деятельности, а должны включать всю экономику в целом.

Для прояснения текущей ситуации необходимо оценить весь комплекс условий и факторов построения цифрового государства в современных условиях. Построение цифрового государства является важнейшей предпосылкой обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации.

Еще до введения санкций в отношении Российской Федерации ученые акцентировали внимание на особой значимости цифрового государства и технологического суверенитета. Так, в 2020 г. С. В. Володенков отмечал: «В случае отсутствия возможности обеспечения собственного цифрового суверенитета современное государство сталкивается с существенными угрозами и рисками, связанными не только с дестабилизацией национальных политических и экономических систем, но и в целом со стратегическим поражением в глобальном противостоянии с технологически развитыми противниками, потерей независимости уже не только в цифровой сфере»²³². Следовательно, цифровые технологии примечательны тем, что сами по себе становятся одним из базовых стратегических ресурсов государства и важнейшим средством обеспечения лидерства в геополитическом противостоянии. Таким образом, технологический суверенитет становится необходимой гарантией независимости и суверенитета цифрового государства.

Перейдем к рассмотрению вопроса, каким же должно быть цифровое государство как механизм (организация) для быстрого и качественного технологического развития. Одно из ключевых направлений развития цифрового государства – это цифровизация и автоматизация государственных услуг. Это позволяет повысить их доступность, скорость и прозрачность для граждан, а также сократить издержки взаимодействия с государственными органами. Современные информационные технологии дают возможность создать единое цифровое пространство, в котором граждане и организации могут получать государственные услуги удаленно, в любое время и

²³¹ Фальцман В. К. Технологические суверенитеты России. Статистические измерения // Современная Европа. 2018. № 3. С. 84.

²³² Володенков С. В. Феномен цифрового суверенитета современного государства в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание и особенности // Журнал политических исследований. Т. 4, № 4. 2020. С. 3–11.

с любого устройства. Что же является основой для создания цифрового государства?

Во-первых, создание единого портала государственных услуг, предоставляющего доступ ко всему спектру услуг в электронном виде и упрощающего их получение. Портал должен быть интуитивно понятным, адаптивным под разные устройства и обеспечивать полную цифровизацию всех этапов оказания услуги. Таковым в настоящее время является портал «Госуслуги».

Во-вторых, внедрение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения для автоматизации рутинных операций, создания персонализированных рекомендаций при оказании услуг. Это позволит сократить бюрократические проволочки и сделать процесс более эффективным.

В-третьих, использование биометрической идентификации, электронной подписи и других средств цифровой аутентификации для упрощения доступа к услугам и обеспечения их безопасности. Это обеспечит высокий уровень защиты персональных данных и снизит риски мошенничества.

Развитие любого цифрового государства опирается в первую очередь на нормативную правовую базу. В России к таким нормативным правовым актам относятся: Концепция технологического развития на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная указом Президента РФ; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента РФ, и другие. Данные акты определяют основные цели, задачи и приоритеты цифровизации государственного управления, а также меры по формированию современной цифровой среды и инфраструктуры.

В настоящее время в России сформирован достаточно развитый правовой фундамент, позволяющий внедрять современные цифровые технологии в государственном управлении, предоставлять гражданам широкий спектр электронных услуг и обеспечивать должный уровень информационной безопасности. Однако этот процесс требует постоянного совершенствования нормативно-правовой базы в соответствии с актуальными вызовами и потребностями общества.

Вопросы обеспечения технологического суверенитета непосредственно связаны с проблемами информационной безопасности

в самом широком смысле этого понятия. Традиционно под информационной безопасностью понимают защищенность от несанкционированного доступа к информации, от повреждения информации и программного обеспечения и т. п.

В современном цифровом государстве защита конфиденциальности и безопасности персональных данных граждан является ключевым приоритетом. Развитие информационных технологий и широкое внедрение электронных услуг государства повышают риски несанкционированного доступа и использования личной информации. Поэтому в России действует развитая нормативно-правовая база, регулирующая вопросы обработки, хранения и передачи персональных данных.

Федеральный закон «О персональных данных» устанавливает права граждан на защиту их личной информации, а также обязанности операторов персональных данных по обеспечению конфиденциальности и безопасности²³³. Основным уполномоченным органом, контролирующим соблюдение законодательства, является Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Она следит за исполнением требований о защите персональных данных, рассматривает жалобы граждан и применяет санкции к нарушителям.

Кроме того, для цифровых сервисов государства внедряются передовые методы защиты информации – шифрование, многофакторная аутентификация, контроль доступа и аудит. Это позволяет гражданам быть уверенными в безопасности своих данных, например, при получении электронных государственных услуг.

Цифровая трансформация государственных услуг неразрывно связана с развитием электронного правосудия. Переход от бумажных процессов к цифровым технологиям в судебной системе позволяет значительно повысить эффективность судопроизводства, сократить временные и финансовые затраты, а также обеспечить прозрачность и доступность правосудия для граждан. Электронное правосудие подразумевает внедрение таких решений, как электронный документооборот, онлайн-заседания судов, Единый государственный реестр судебных актов, а также использование искусственного интеллекта для автоматизации рутинных задач.

²³³ О персональных данных : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Российская газета. 2006. № 165.

Одним из ключевых преимуществ электронного правосудия является мобильность и удобство для участников процесса. Граждане могут удаленно подавать документы, участвовать в судебных заседаниях в режиме видеоконференцсвязи, отслеживать статус дела онлайн. Для судей и сотрудников суда цифровизация позволяет автоматизировать делопроизводство, ускорить принятие решений и сократить бумажную волокиту. Кроме того, все взаимодействия фиксируются в единой цифровой системе, что способствует большей прозрачности и объективности правосудия.

Внедрение в судебную систему передовых технологий, таких как облачные вычисления, большие данные и искусственный интеллект, открывает новые возможности для повышения качества и доступности правосудия. Например, с помощью предиктивной аналитики можно прогнозировать исходы дел, выявлять шаблоны и закономерности, а также оптимизировать распределение судебной нагрузки. Все это в совокупности способствует укреплению верховенства права и построению более справедливого и эффективного правосудия в цифровую эпоху.

Внедрение искусственного интеллекта в государственное управление открывает новые возможности для повышения эффективности и качества государственных услуг²³⁴. Использование ИТ-технологий позволяет автоматизировать многие рутинные процессы, такие как обработка документов, анализ данных и принятие решений. Это не только освобождает государственных служащих от монотонной работы, но и значительно ускоряет предоставление услуг гражданам и бизнесу.

Например, чат-боты с элементами искусственного интеллекта могут взаимодействовать с гражданами в режиме онлайн, отвечая на часто задаваемые вопросы и направляя их к нужным ресурсам. Системы компьютерного зрения способны автоматически распознавать и анализировать изображения, предоставляя быструю и объективную оценку ситуаций. Алгоритмы машинного обучения могут прогнозировать потребности и оптимизировать распределение государственных ресурсов.

Внедрение таких технологий позволит государству стать более гибким, прозрачным и ориентированным на граждан. Однако важно

²³⁴ См.: Колобов Р. Ю., Тирских М. Г., Хертуев Р. Ю. Право и искусственный интеллект : монография. Иркутск, 2024. 107 с.

соблюдать этические принципы и обеспечивать безопасность персональных данных при использовании искусственного интеллекта в государственном управлении.

По мере дальнейшей цифровизации государственных услуг и внедрения передовых технологий, таких как искусственный интеллект, перед Россией откроются большие возможности и встанут серьезные вызовы в построении цифрового государства. И в данном контексте технологический суверенитет занимает ведущую роль. С одной стороны, цифровая трансформация может значительно повысить эффективность и прозрачность работы государственного аппарата, улучшить качество предоставляемых услуг и вовлечь граждан в процессы принятия решений. С другой стороны, необходимо решить ряд сложных правовых, этических и технологических проблем, таких как защита персональных данных, кибербезопасность и регулирование новых цифровых технологий.

ГЛАВА 6

Технологический суверенитет и кадровая политика государства

В настоящее время феномен технологического суверенитета становится все более важным, особенно в условиях быстро меняющихся экономических и технологических условий. Зависимость от импорта технологий может оказать негативное влияние на развитие экономики и общества в целом, как поставить под угрозу безопасность общества, так и спровоцировать утрату государственности²³⁵.

В этой связи технологический суверенитет выступает актуальным предметом обсуждения и все чаще входит в повестку как аналитических, так и научных дискуссий.

На наш взгляд, допустимо рассматривать технологический суверенитет:

- как концепцию развития государства и общества;
- вектор (ориентир) технологического развития;
- качественное состояние экономики.

1. Согласно первому подходу технологический суверенитет представляет собой концепцию развития государства и общества. Так, в 2023 г. была принята Концепция технологического развития, согласно которой технологический суверенитет представлен как наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы²³⁶.

²³⁵ Глущенко А. В. Технологический суверенитет России: проблемы и перспективы // Вестник МГУ имени М. В. Ломоносова. Экономика. 2020. № 5. С. 55–71.

²³⁶ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года»): распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Собрание законодательства РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

Из легального определения следует, что технологический суверенитет как совокупность (система) взглядов и представлений включает в себя ряд ключевых элементов, без которых идея технологического суверенитета не реализуема. К таковым относятся: критические и сквозные технологии, собственные линии разработок, национальные цели развития, реализация национальных интересов.

Первый элемент – национальные интересы и их реализация. На наш взгляд, системообразующим элементом в данном случае выступают национальные интересы и их реализация.

Технологический суверенитет как явление обеспечивается благодаря существующим национальным интересам. Сама же концепция национальных интересов берет свое начало с XVII–XVIII вв., когда европейские мыслители понимали ее как часть теории национального суверенитета²³⁷.

По мнению Т. Я. Хабриевой, национальные интересы представляют собой «жизненные интересы народов России, отражающие стремление граждан к обеспечению стабильного и устойчивого развития общества»²³⁸ и минимизации (ликвидации) внешних угроз. Следовательно, национальные интересы в первую очередь должны быть осознаны обществом в форме актуальных и объективных потребностей²³⁹. Осознание обществом предполагает участие различных политических сил (государства, политических партий и общественных движений) в осмыслении и формировании национальных интересов.

Следует сказать несколько слов о механизмах реализации национальных интересов. В системе государственного управления термин впервые появился в 1996 г. в Послании Президента РФ Федеральному Собранию, где понимался в качестве основы «формирования стратегических задач внутренней и внешней политики

²³⁷ Третьякова Е. С. Национальный интерес и внешняя политика российского государства в XIX в. // *Интересы в праве. Жидковские чтения: материалы Всероссийской научной конференции.* Москва, 25–26 марта 2016 г. / отв. ред. М. В. Немытина. М., 2017. С. 459.

²³⁸ Хабриева Т. Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты. С. 19–20; Хабриева Т. Я. Избранные труды. В 10 т. Т. 6. Содерж.: Теория толкования права. Теория правотворчества. Концепции развития законодательства. М., 2018. С. 165–166.

²³⁹ Государство, общество, личность: проблемы совместимости / под общ. ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. М., 2005. С. 130.

страны»²⁴⁰. Таким образом, национальный интерес выступает базисом, определяющим содержание стратегических задач в политике государства. Данный термин используется преимущественно для определения целей государства, что подтверждается в Концепции национальной безопасности РФ²⁴¹.

Второй элемент – национальные цели развития. Понятие «цель» служит для обозначения предвосхищения в сознании некоторого результата, на достижение которого направлены или будут направлены действия субъекта, носителя этой цели²⁴². Цель выступает тем образом будущего, на который направлено внимание субъекта. Если вести речь о национальных целях, то, безусловно, они будут обусловлены в первую очередь национальными интересами. Кроме этого основным субъектом в реализации национальных целей будет выступать государство в лице Правительства РФ.

Следует отметить, что национальные цели не являются чем-то статичным, поскольку на них влияют социально-экономические факторы. В этой связи цели могут видоизменяться, более того, со временем цель может утрачивать свою актуальность и прекращает быть целью. Именно поэтому цель должна укладываться в реалистичные сроки и опираться на объективные показатели.

Национальные цели в государственном управлении изложены в таком стратегическом документе, как Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Настоящий документ обозначает цепочку генеральных целей: прорывное развитие Российской Федерации, увеличение численности населения страны, повышение уровня жизни граждан, создание комфортных условий для их проживания, а также раскрытие таланта каждого человека. Для достижения совокупности генеральных целей документом определяются подцели, реализация которых необходима. Названные подцели в тексте подзаконного акта конкретизируются, а именно: уточняются целевые показатели. Так, для обеспечения реализации устойчивого роста численности населения предполагается: во-первых, повысить

²⁴⁰ О Послании по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию : постановление Совета Федерального Собрания РФ от 8 авг. 1996 г. № 326-СФ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4059.

²⁴¹ Куняев Н. Н. Правовое обеспечение национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 29.

²⁴² Макаров М. Г. Категория «цель» в марксистской философии. М., 1977. С. 117.

ожидаемую продолжительность жизни до 78 лет; во-вторых, снизить уровень бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г.; в-третьих, увеличить долю граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70 %. Как следует из текста, появляются количественные показатели.

Национальные цели развития тесно связаны с технологическим суверенитетом, что особенно ярко проиллюстрировано в национальной цели «Цифровая трансформация». При реализации обозначенной цели требуется внедрение информационных и цифровых технологий, о чем указано в тексте:

- увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 %;

- рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, до 97 %;

- увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 г.

Таким образом, национальные цели развития выступают неотъемлемым и важным элементом технологического суверенитета.

Третий элемент – критические и сквозные технологии. Указанные технологии также являются неотъемлемым элементом, без которого невозможно достигнуть технологического суверенитета.

Под критическими технологиями понимается комплекс технологий, которые имеют системное значение для решения важных социально-экономических задач и обеспечения обороны и безопасности государства. Названные технологии имеют важное значение, потому как благодаря им в том числе происходит решение социально-экономических задач. Это может быть повышение уровня благосостояния граждан и сбережение здоровья граждан. Критические технологии активно применяются и в сфере обеспечения обороны страны, благодаря таким технологиям осуществляется безопасность государства: например разработка высокотехнического оружия. Кроме этого к критически важным технологиям относятся компьютерные средства проектирования и обеспечения технологических процессов.

Технологии сквозные – это перспективные технологии межотраслевого назначения, обеспечивающие создание инновационных продуктов и сервисов и оказывающие существенное влияние на

развитие экономики, радикально меня существующие рынки и (или) способствуя формированию новых. Функциональное назначение сквозных технологий заключается в определении перспективного облика экономики и отдельных отраслей в долгосрочный период на 10–15 лет.

Как видно из приведенного, в систему технологического суверенитета положено развитие различных отраслей экономики, что позволяет развиваться самостоятельно и независимо (т. е. без участия зарубежных государств), при этом развитие отраслей осуществляется благодаря технологиям.

Четвертый элемент – собственные линии разработки технологий, реализуемые отечественными предприятиями и организациями.

Собственная линия разработки технологий (далее – СЛРТ) представляет собой комплекс мероприятий (проектов, программ) и условий, обеспечивающих создание и устойчивое развитие конкретных отечественных технологий и продуктов на их основе, включая разработку их новых поколений.

Особенностью СЛРТ является ряд признаков:

1. Реализуются исключительно отечественными предприятиями и организациями. Соответственно, к отечественным предприятиям будет предъявляться требование о нахождении, в том числе регистрации, компании в российской национальной юрисдикции.

2. СЛРТ предполагает развитие конкретных отечественных технологий и продуктов на их основе. Необходимо это в целях сохранения устойчивого развития и обеспечения экономики качественными и безопасными продуктами в том количестве, которое необходимо для экономики и не создает угроз для благосостояния граждан. Следует отметить, что определены ориентиры такого развития. В этом случае идет речь о новых поколениях технологий.

3. СЛРТ предполагает наличие необходимых ресурсов: результатов исследований и разработок, технической документации, прав на результаты интеллектуальной деятельности, материальной базы, кадров, источников финансирования.

4. Немаловажным аспектом для СЛРТ является наличие необходимых компетенций. Должны быть не только комплектация кадрами, но и наличие у этих кадров соответствующей компетенции.

Таким образом, технологический суверенитет как концепция предполагает систему взглядов на развитие экономики страны,

предполагающее наличие критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы.

II. Согласно второму подходу технологический суверенитет понимается как вектор (ориентир) технологического развития. В мае 2023 г. Правительством РФ была утверждена Концепция технологического развития на период 2030 г.²⁴³, центральной идеей которой является обеспечение технологического суверенитета нашей страны. Документ стратегического характера связывает два явления – технологический суверенитет и технологическое развитие.

Начать рассматривать феномен «технологическое развитие» следует с появившегося еще в древнегреческий период термина «технология» (от лат. *techne* – искусство, мастерство, умение, и *logos* – слово, учение (знание))²⁴⁴.

Современные словари дают более расширенную трактовку термина «технология», определяя его как совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы сырья, материала или полуфабриката, осуществляемых в процессе производства продукции²⁴⁵.

Исторический анализ показывает²⁴⁶, что термин «технология» тесно связан как с процессом производства, так и с нематериальными благами, а именно знаниями о закономерностях и умением их применять в процессе производства.

Такие знания содержали информацию об устойчивых закономерностях физического, химического, механического и другого характера, которые внедрялись в процесс производства. Целью внедрения любой технологии являлось использование в практической деятельности наиболее эффективных (продуктивных, производительных) и экономических (экономных, энергоемких) производств и процессов.

²⁴³ Концепция технологического развития на период до 2030 года.

²⁴⁴ Техническое творчество: теория, методология, практика. Энциклопедический словарь-справочник / под ред.: А. И. Половинкина, В. В. Попова. М., 1995. С. 205.

²⁴⁵ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1993. 1632 с.

²⁴⁶ Термин «технология» впервые был использован профессором Геттингенского университета И. Бекманном (1739–1811), который в 1772 г. задействовал его для обозначения ремесленного искусства, включающего в себя профессиональные навыки и эмпирические представления об орудиях труда и трудовых операциях.

В свою очередь, понятие «технологическое развитие» нашло свое отражение в теории социотехнических систем (*sociotechnical systems theory*), где любая организация, стремящаяся к достижению успеха, обеспечивает гармонию и единство между социальной и технической системами, с учетом стоящих перед ней целей и внешних вызовов. Наличие двух крупных составляющих, таких как система, свидетельствует о сложности и многогранности настоящего феномена.

Развитие, как пишет Г. В. Попова, понимается как динамический процесс необходимого и необратимого качественного преобразования действительности, реализуемый посредством управляемой активной и осознаваемой деятельностью личности, направленный на сохранение существенного процессуального качества²⁴⁷.

Вместе с этим технологическое развитие является частным случаем и видовым определением явления «экономического развития» как динамического процесса. При этом технологическое развитие обладает рядом существенных признаков: *целенаправленностью, динамичностью, необратимостью, многоступенчатостью (процессуальностью), научностью*.

Во-первых, технологическое развитие представляет собой преобразование не любой человеческой деятельности, а деятельности производственной. Производственный характер предполагает наличие конкретной цели, выраженной в форме результата или продукта производства. При этом при технологическом развитии происходит преобразование производственной деятельности благодаря технологиям. В силу чего повышается эффективность (продуктивность или производительность) и (или) возрастает экономичность (снижаются издержки) производственных процессов. Технологии выступают ключевым фактором экономического и в первую очередь технологического развития.

Во-вторых, технологическое развитие представляет собой динамичный процесс преобразования. Динамичность заключается, как нам видится, в использовании новой техники и технологических инноваций. Экономическое развитие, прежде всего, предполагает появление чего-то нового, неизвестного ранее²⁴⁸. Инновационные

²⁴⁷ Попова Г. В. Развитие: понятие и сущность (теоретический аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 4 (44). С. 142.

²⁴⁸ Шумпетер Й. Капитализм, Социализм и Демократия / пер. с англ., предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М., 1995. С. 56.

открытия в отраслях экономики выступают мощнейшим импульсом к технологическому развитию, например, как это было в 80-х гг. прошлого века, когда наблюдалась бурная динамика в отраслях электроники и робототехники, а также увеличению и ускорению производства вычислительных, лазерных и телекоммуникационных технических объектов. Важно отметить, что технологическое развитие, в отличие от технологического роста, предполагает именно качественный скачок в развитии технологий, иными словами, переход на новые средства и орудия производства.

В-третьих, при качественном переходе (экономическом скачке) наблюдается синхронный переход на новый технический уровень оснащения производства, потому что технологическое развитие как процесс обладает свойством многоступенчатости, которая, в свою очередь, связана с переходом от одного технологического уклада к другому.

Под технологическим укладом, как справедливо пишет А. А. Сытник, следует понимать целостный комплекс технологически сопряженных производств в совокупности с адекватными им организационно-экономическими отношениями²⁴⁹. В науке принято выделять шесть технологических укладов, тесно связанных с изменениями в промышленном секторе экономики²⁵⁰, которые завязаны напрямую на технологиях.

В-четвертых, В. В. Климова отмечает, что технологии в рамках конкретного технологического уклада взаимообусловлены и взаимосвязаны с единым техническим уровнем производительных сил и общего научного потенциала²⁵¹. Научность технологического развития отмечают В. И. Белоусов и А. В. Белоусов, которые обращают внимание, что для технологического уклада важной составляющей является некий комплекс применяемых базисных и иных инноваций, которые и обеспечивают скачок в процессе развития производственных сил общества²⁵². Для ученых научность

²⁴⁹ Сытник А. А. Современные подходы к определению технологических укладов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического института. 2011. № 3 (37). С. 41–43.

²⁵⁰ В развитых странах доминируют технологии пятого технологического уклада и формируются технологии шестого уклада, который включает глобальные мультимедийные сети, информационную и транспортную трансформации, нанотехнологии, космические технологии.

²⁵¹ Климова В. В. Технологические уклады – материальная основа экономического развития общества // Вестник СамГУПС. 2010. № 2 (20). С. 31.

²⁵² Белоусов В. И., Белоусов А. В. Технологические уклады и преодоление экономических кризисов. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=47065> (дата обращения: 20.04.2024).

тесно связана с инновациями, которые появляются в ходе научных изысканий. С. Ю. Глазьев, описывая элементы технологического уклада, среди прочего выделяет способы и организацию получения научного знания²⁵³.

Научность технологического развития детерминирована приращением нового научного знания и его последующей реализации в новых технологиях либо в новой продукции, производимой с помощью этих технологий, благодаря научным изысканиям создания и использования прогрессивных технологий, производства высоко-технологичной продукции.

Примером синтеза научно-технического развития является успешно функционировавшая советская система проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Академия наук СССР занималась фундаментальными исследованиями, результаты которых использовались для осуществления прикладных исследований в отраслевых научно-исследовательских институтах (НИИ). Многие опытно-конструкторские разработки были внедрены в производство и воплощали научные знания в новых технологиях и продукции²⁵⁴.

В-пятых, необратимость как свойство процесса экономического развития, в том числе технологического, обусловлена в первую очередь целями, внешними вызовами и угрозами. Именно перечисленные элементы выступают факторами, оказывающими влияние на технологическое развитие, предопределяя его содержание и структуру.

Таким образом, *технологическое развитие* следует определять как *динамичный процесс необходимого и необратимого качественного преобразования (трансформации) производственной деятельности с помощью внедрения новых технологий, полученных в ходе научных работ (изысканий) в целях перехода в новый технологический уклад или сохранения самостоятельности в текущем технологическом укладе.*

Технологический суверенитет же, как справедливо замечает А. А. Афанасьев, с институциональной точки зрения представляет собой стратегический ориентир, на обеспечение которого направлена совокупность уже существующих и новых правил в плане гло-

²⁵³ Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / под ред. С. Ю. Глазьева, В. В. Харитоновой. М., 2009. С. 73–82.

²⁵⁴ Беляков Г. П., Кочемаскин А. Н. Понятие и экономическая сущность научно-технологического развития // ПСЭ. 2014. № 1 (49). С. 38–41

бальной открытости экономики с одновременным обеспечением национальной безопасности страны²⁵⁵.

Таким образом, технологический суверенитет выступает таким свойством или состоянием технологического развития, при котором обеспечивается защищенность технологической сферы при воспроизводстве различных ее компонент (технологий, продукции и т. д.) как на территории государства, так и при получении от экономик других стран.

III. Согласно третьему подходу технологический суверенитет определяется как качественное состояние экономики. Как было отмечено в первой главе, в качестве рабочей дефиниции технологического суверенитета используется следующая: «возможность государства или объединения государств обеспечивать технологии, которое оно признает критически важными для своего благосостояния, конкурентоспособности, возможности действовать и разрабатывать их или получать их из других экономических областей в условиях отсутствия односторонней зависимости»²⁵⁶.

Рассматривая же данное понятие с экономической позиции, следует осветить выводы исследований ученых-экономистов, которые в той или иной мере рассматривали сущность технологического суверенитета и его развитие на современном этапе.

Так, например, Р. А. Никулин приходит к выводу, что «технологический суверенитет макроэкономической системы представляет собой ее способность в максимально возможной степени удовлетворять потребности отечественных субъектов хозяйствования в высокотехнологичной технике, технологии, работах и сервисах национального производства (либо созданных на основании механизмов паритетной кооперации с экономическими субъектами, являющимися резидентами дружественных государств и политико-экономических альянсов), формировать конкурентоспособные на внутреннем и мировом отраслевых рынках сбыта инновационные экономические блага, обеспечивая на данной основе долгосрочное,

²⁵⁵ Афанасьев А. А. Технологический суверенитет: к вопросу о сущности и механизме достижения // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 18–1. С. 31.

²⁵⁶ Jakob E., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // Research Policy. 2023. Vol. 52. Art. 104765. P. 2.

устойчивое повышение финансовой и социальной эффективности функционирования экономики государства»²⁵⁷.

Е. С. Янковской относительно того, что ключевыми составляющими сущности технологического суверенитета являются его сквозной характер, стратегическая направленность, указывает, что достижение технологического суверенитета возможно только при условии гармоничного взаимодействия, взаимопонимания, доверия и партнерства институтов власти, бизнеса, науки, гражданского общества²⁵⁸.

Важно сказать, что такое состояние экономики невозможно достичь без синтеза научного и технологического развития. Важно акцентировать внимание на том обстоятельстве, что технологическое развитие тесно сопряжено с наукой и представляет собой синтез научного и технологического развития.

Современную науку можно определить как совокупность знаний о закономерностях развития природы, общества и человека, формах и методах использования этих закономерностей. Научные знания необходимы для создания новых технологий и техники, ее изготовления и эксплуатации.

Технологическое развитие осуществляется путем развития фундаментальной и прикладной науки, следовательно, процесс производства совершенствуется на основе достижений науки и их внедрения в производство. История формирования концепции технологического суверенитета в России началась еще в советский период, когда в стране была создана мощная научно-техническая база, которая выступила фундаментом независимости в области разработки и производства высокотехнологичной продукции²⁵⁹.

Для государственной организации технологическое развитие, безусловно, напрямую связано с экономикой и отраслями промышленности. Так, научно-технологическое развитие России определено стратегическим приоритетом государственной экономической политики и, более того, фактором обеспечения ее национальной

²⁵⁷ Никулин Р. А. Тенденции развития технологического суверенитета макроэкономической системы : автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Казань, 2023. С. 9.

²⁵⁸ Янковская Е. С. Технологический суверенитет России: понятие, сущность, стратегия и пути ее реализации // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2022. № 4 (84). С. 80.

²⁵⁹ См.: Калугин С. В., Корольков В. В. Российский технологический суверенитет: история и современность // Экономика и предпринимательство. 2020. Т. 11, № 2. С. 468–475.

безопасности, в связи с чем на сегодняшний день о технологическом развитии следует рассуждать в привязке к термину «технологический суверенитет».

Как отмечалось ранее, в зарубежной литературе технологический суверенитет представлен как «способность государства предоставлять технологии, которые они считают критически важными для своего благосостояния, конкурентоспособности и способности действовать, а также иметь возможность разрабатывать их или получать их из других стран»²⁶⁰.

В свою очередь, Д. В. Курочкин, Л. А. Ельшин отмечают такое свойство технологического суверенитета, как его способность к собственному обеспечению критически важными технологиями и продукцией в интересах научно-технологической безопасности, достигаемой за счет инновационных разработок, во взаимосвязи науки, техники, технологий и кадров, с учетом существующих и потенциальных угроз²⁶¹.

Нам видится, что технологический суверенитет – это не столько способность государства самостоятельно обеспечивать себя технологически необходимыми продуктами и услугами, сколько способность обеспечить самостоятельное научно-техническое развитие.

Как было сказано выше, достижение технологического суверенитета нашей страны невозможно без серьезной работы в области кадрового обеспечения. Именно кадры участвуют в научно-технологическом развитии, осуществляя научные исследования, разработки и внедрение инновационных технологий в производственный процесс, управляя и контролируя масштабные технологические проекты. Поэтому перед государством стоит одна из первостепенных задач по реформированию кадровой политики в области научно-технологического развития.

Предлагаемые в настоящее время Президентом РФ реформы направлены на устранение дисгармонии в системе кадрового обеспечения. Одной из причин такой дисгармонии является политика,

²⁶⁰ См., например: Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means / J. Edler, K. Blind, H. Kroll, T. Schubert // Research Policy. 2023. Vol. 52, Iss. 6. Art. 104765. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0048733323000495?via%3Dihub> (дата обращения: 01.04.2024).

²⁶¹ Курочкин Д. В., Ельшин Л. А. Сущность категории «технологический суверенитет региона» в современных экономических реалиях // Глобальный научный потенциал. 2023. № 9 (150). С. 173.

проводимая в советский период, когда имел место серьезный недостаток в инвестировании человеческого капитала как в СССР, так и в России по сравнению с развитыми странами. Такие недостаток и недовложение убедительно показал в своей работе В. И. Марцинкевич, обозначив его как один из основных причин отставания страны в росте производительности труда и инновационном развитии экономики²⁶².

В этой связи в обозначенной выше конструкции наука – техника – производство важную роль играет такой элемент, как кадры. Человеческий капитал как совокупность работников организации следует рассматривать как важный человеческий ресурс, который должен строго соответствовать другим ресурсам (капитал, земля, материально-техническая база) и технико-технологическим требованиям производства и быть по возможности сбалансированным с другими факторами, обеспечивающими успешное его функционирование, что неоднократно отмечается в специализированной научной литературе²⁶³.

Необходимо дать пояснение, что ресурс (фр. *ressource*) – средство, к которому обращаются в нужном случае. Общее свойство ресурсов – потенциальная возможность их участия в производстве. Таким образом, в рамках организации люди не могут рассматриваться как ресурс: их участие в деятельности организации не потенциально, а реально определено штатным расписанием, должностными инструкциями и другими документами. А вот внутренние возможности человека могут служить ресурсом (человеческими ресурсами). Во внешней среде организации применение понятия «трудовые ресурсы» оправданно.

Термин «кадры», как было отмечено выше, появился в советский период при формировании плановой экономики. В настоящее время под этим термином понимаются работники организации (предприятия), работающие на постоянной основе по трудовому договору (контакту).

²⁶² См. подробнее: Марцинкевич В. И. США: человеческий фактор и эффективность экономики. М., 1991. 240 с.

²⁶³ Корнев В. М. Кадровый потенциал сельскохозяйственных организаций: формирование и использование (теория и практика). М., 2004. 295 с.; Магура М. И. Поиск и отбор персонала. Настольная книга для предпринимателей, руководителей кадровых служб и менеджеров. М., 1999. 160 с.; Технологии кадрового менеджмента / И. В. Мишурова [и др.]. М., 2004. 368 с.

Кадровая политика государства включает в себя в первую очередь общенациональную стратегию формирования, развития и рационального использования кадрового потенциала общества²⁶⁴.

Стратегия нами понимается как планы по достижению долгосрочных результатов, соответствующих целям и задачам организации. В связи с чем цели кадровой политики могут быть базовые и ситуационные.

Базовая цель определена сущностью самого явления, поэтому сущностной целью государственной кадровой политики является обеспечение своевременного обновления и сохранения количественного и качественного состава кадров и его развития в соответствии с экономическими потребностями, состоянием национального рынка труда, которое достигается посредством обоснованного формирования кадровой политики.

Ситуационные цели обусловлены существующими геополитическими, макроэкономическими, социально-культурными условиями.

В сложившихся реалиях характерными для государственной кадровой политики будут следующие особенности:

1) технологический суверенитет является трендом, влияющим на государственную кадровую политику;

2) кадровая политика будет нацелена на обеспечение кадрами в целях формирования национальных инновационных систем;

3) первостепенно будут обеспечены области тяжелой промышленности: авиационная промышленность, автомобилестроение, железнодорожное машиностроение, медицинская промышленность, нефтегазовое машиностроение, сельскохозяйственное машиностроение, специализированное машиностроение, станкоинструментальная промышленность, судостроение, а также фармацевтика, химическая промышленность, электроника и энергетика;

4) военно-промышленный комплекс выступит авангардом экономического и научно-технологического развития.

В сфере технологического развития могут предоставляться следующие меры государственного стимулирования:

• *Требования к кадровому обеспечению как одно из условий технологического суверенитета.* Достижение технологического суверенитета осуществляется через реализацию и воплощение важ-

²⁶⁴ Иванчина Ю. В. Кадровая политика государства: баланс публичных и частных интересов // Ежегодник трудового права. 2022. № 12. С. 108–121.

нейших проектов. Одним из условий, при котором проекту присваивается статус важнейшего, является соответствие ряду критериев, в том числе критериям кадрового обеспечения.

Проектом федерального закона о технологическом развитии предусмотрено, что такой проект должен соответствовать требованиям к кадровому обеспечению реализации проекта. Данное требование отражено в п. 6 ч. 1 ст. 20, где закреплено, что к проектам технологического суверенитета предъявляются определенные требования, в частности должны быть определены требования к кадровому обеспечению реализации проекта.

Из данного требования вытекает, что у головного исполнителя, предлагающего к реализации проект и ответственного за его воплощение, имеется достаточный кадровый потенциал.

Оценка достаточности потенциала означает наличие необходимого количества сотрудников с определенным набором компетенций и опытом, который позволит достичь ключевых показателей проекта. Речь в данном случае идет не только о количественных, но и о качественных характеристиках. К примеру, для запуска масштабного проекта по строительству скоростной магистрали потребуются инженеры-проектировщики с опытом работы, а также рабочие, осуществляющие строительные работы.

• *Меры государственного стимулирования по кадровому обеспечению технологического суверенитета.* Определены меры государственного стимулирования, необходимые для реализации важнейшего проекта, включая меры стимулирования разработки и (или) внедрения критических технологий и меры по подготовке, переподготовке и повышению квалификации кадров.

При достижении технологического суверенитета следует отметить, что подготовка квалифицированных рабочих кадров должна быть сопряжена с развитием различных компетенций: общих, универсальных и специализированных, в целях формирования личности, способной реализовать себя не только в одной области, но и готовой вникать в проблемы других областей, а также способной к переподготовке с учетом развития отрасли, в которой будет занят специалист. В этой связи важно в образовательном процессе обеспечить конвергенцию знаний и технологий из многих областей

В ряде медицинских университетов функционируют симуляционные центры, где студенты могут отработать практические

навыки, не покидая стен учебного учреждения. Аккредитационно-симуляционные центры сочетают классический подход к получению теоретических знаний и практику на реалистичных высокотехнологичных симуляторах. В таких центрах разрабатывают новые подходы к подготовке медицинских кадров, формируют основу для развития концепции непрерывного медицинского образования в соответствии с лучшими российскими и зарубежными методиками.

Осознание на государственном уровне необходимости разработки обновленных подходов к кадровому обеспечению отраслей экономики нашло отражение в реализуемой национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» и федеральном проекте «Кадры для цифровой экономики», а также создании новых организационных структур («Национальная технологическая инициатива» (НТИ), Агентство стратегических инициатив, Национальное агентство развития квалификаций и др.), поддерживающих инновационный вектор развития экономики.

- *Услуги по развитию кадрового потенциала, включая разработку и реализацию образовательных программ и предоставление образовательных услуг, акселерационные программы, подбор персонала.* В рамках данной меры государство посредством образовательной системы может осуществлять развитие человеческого капитала в целях достижения технологического суверенитета.

В свою очередь образовательная система складывается из следующих систем: подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров.

Подготовка специалистов представляет собой процесс обучения новых специалистов, осуществляемый организованно и систематически различными специальными образовательными учреждениями. Принимая во внимание роль технологического суверенитета в области тяжелой промышленности, большое значение будет придаваться инженерно-техническим профессиям, а также тем профессиям, которые напрямую связаны с тяжелой промышленностью.

В этой связи система подготовки кадров должна быть построена таким образом, чтобы выпускник мог быстро адаптироваться к будущей профессиональной деятельности. Так, для внедрения автоматизированных информационных технологий создаются технологические парки, где учебный процесс до предела приближен к производственному и исследовательскому.

Переподготовка специалистов – это система мероприятий, нацеленных на развитие новых профессиональных знаний и навыков. Сущность переподготовки заключается в подготовке обучающихся по новой специальности (освоению новой профессии). Иными словами, переподготовка представляет собой процесс освоения работниками новых компетенций, навыков, приобретения новых знаний и умений в связи с появлением новых специальностей или дополнительных требований к уже существующим. Результатом данного процесса является приобретение компетенций, необходимых для работы в новой сфере профессиональной деятельности.

Повышение квалификации – процесс, при котором происходит углубление и совершенствование имеющихся профессиональных знаний, необходимых для его работы. Повышение квалификации может происходить в связи с ростом требований к профессии или повышением в должности, а также подготовкой работников к более сложной работе.

На наш взгляд, все три элемента: подготовка (обучение), переподготовка и повышение квалификации – должны находиться в единой и взаимосвязанной системе.

Однако подготовка кадров для научно-технологического развития должна начинаться еще на уровне довузовского образования: в инженерных и технических классах средних школ, которые, например, курируются со стороны высших учебных заведений или функционируют на их базе. Создание такой связки позволит осуществлять подготовку абитуриентов, с самого начала ориентированных на соответствующую профессию. В системе довузовского образования допускается применять методы, разрабатываемые в вузе с учетом возрастных особенностей обучающихся. Описанная модель позволит также стимулировать интерес к научно-исследовательской работе.

Подводя итог, следует отметить, что технологический суверенитет:

- 1) возможно определять через несколько подходов: как концепцию развития государства и общества; как вектор (ориентир) технологического развития; как качественное состояние экономики;
- 2) предполагает систему взглядов на развитие экономики страны, предполагающее наличие критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государ-

ства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы;

3) выступает таким свойством или состоянием технологического развития, при котором обеспечивается защищенность технологической сферы при воспроизводстве различных ее компонент (технологий, продукции и т. д.) как на территории государства, так и при получении от экономик других стран.

Также необходимо отметить, что образовательная система по кадровому обеспечению технологического суверенитета должна складываться из взаимосвязанных элементов: систем подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров.

ГЛАВА 7

Технологический суверенитет в механизме обеспечения национальной безопасности

Начиная настоящее исследование, хотелось бы заострить внимание на том, что сегодня, в период политических, экономических, социальных и иных потрясений для страны, в первую очередь стоит вопрос обеспечения национальной безопасности в различных отраслях и сферах жизнедеятельности населения. Как видится, возникает острая необходимость выработки эффективного правового механизма обеспечения национальной безопасности, который мог бы качественно противостоять внешним и внутренним угрозам. В этой связи можно согласиться с некоторыми авторами относительно того, что проблематика национальной безопасности в Российской Федерации исторически занимает одно из ключевых мест в теории и практике государственного управления. В современных сложившихся условиях эти проблемы стали критически важными²⁶⁵.

Проблема состоит в том, что сегодня на страницах отечественной юридической литературы отсутствуют полноценные исследования, в которых бы сопоставлялись механизм обеспечения национальной безопасности и технологический суверенитет в нем. В основном все исследования в этой сфере принадлежат представителям экономических наук.

Вместе с тем, рассматривая технологический суверенитет, нельзя не обратить внимания на его роль и место в механизме обеспечения национальной безопасности. Как правило, в литературе технологический суверенитет представлен как ключевой элемент национальной безопасности и конкурентоспособности страны, поз-

²⁶⁵ Акопов Г. Л., Пашинская В. В., Тирацуян В. Х. Технологический суверенитет как элемент национальной безопасности Российской Федерации // Идеология терроризма и меры противодействия ее распространению: Первые ежегодные Воронцовские чтения : материалы по итогам Науч.-практ. конф. с междунар. участием. Ростов-на-Дону – Таганрог, 17–20 июня 2022 г. Ростов н/Д, 2022. С. 133.

воляющий государству обеспечить контроль над собственными технологиями²⁶⁶.

Однако в качестве какого элемента и какую роль технологический суверенитет выполняет в механизме обеспечения национальной безопасности, авторы поясняют не всегда, что вызывает некоторые вопросы терминологического характера.

Таким образом, определим, что основной целью настоящего исследования является комплексный теоретико-правовой и межотраслевой подход к определению функциональной структуры механизма обеспечения национальной безопасности и определения места в нем технологического суверенитета.

В этой связи предпринятое исследование проблем обеспечения национальной безопасности в целом и обоснования в нем роли и места технологического суверенитета в частности предполагает прояснение более общих предпосылок, как методологических, так и теоретико-правовых.

Правовой механизм обеспечения национальной безопасности. В целом можно подчеркнуть, что конструированию правового механизма обеспечения национальной безопасности, в том числе и характеристике его основных элементов, уделено не так много внимания со стороны представителей отечественной юриспруденции, а также со стороны ученых-экономистов.

Тем не менее данная проблема по-прежнему представляет научный интерес в силу своей фундаментальности, а также естественного процесса накопления новых знаний, что побуждает нас к уточнению и пересмотру некоторых положений относительно конструкции правового механизма обеспечения национальной безопасности и определения в нем места и роли технологического суверенитета.

Исходя из сказанного, определим, что одним из дискуссионных вопросов на сегодняшний день остается определение правового механизма обеспечения национальной безопасности и его структуры. Так, анализ литературы и нормативных актов показывает, что точки зрения многих авторов разделились: одни говорят, что данное явление необходимо рассматривать через понятие «система» обеспечения национальной безопасности, другие – через «механизм».

²⁶⁶ Потапцева, Е. В., Акбердина В. В. Технологический суверенитет: понятие, содержание и формы реализации // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. Т. 25, № 3. С. 6.

В свою очередь, Стратегия национальной безопасности РФ определяет систему обеспечения национальной безопасности как совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов публичной власти и находящихся в их распоряжении инструментов (п. 6 ст. 5 Стратегии)²⁶⁷.

Кроме того, не все ученые соглашаются с тем, что на сегодняшний день механизм обеспечения национальной безопасности эффективно функционирует, на что имеются и объективные причины, так как внутренние и внешние угрозы только нарастают и противодействие не всегда качественно реализуется. Все эти вопросы требуют своего научного осмысления и практической реализации.

Забегая вперед, отметим, что мы придерживаемся концепции, согласно которой обеспечение национальной безопасности рассматривается через категорию «механизм», так как это отвечает динамическим характеристикам рассматриваемого процесса.

Вместе с тем, прежде чем конструировать правовой механизм обеспечения национальной безопасности, как видится, необходимо определиться с понятиями более общего характера, а именно с некоторыми вопросами относительно содержания и сущности национальной безопасности.

Первоначально нельзя не отметить, что само определение «национальная безопасность» отражено в вышеуказанной Стратегии, где сказано: «Национальная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» (п. 1 ст. 5 Стратегии).

По мнению Г. С. Беляевой и Ю. В. Иляхиной, в рамках общего (консолидированного) подхода национальная безопасность может быть представлена как состояние защищенности личности, общества и государства от широкого спектра внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных

²⁶⁷ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие государства²⁶⁸.

В свою очередь, Б. Б. Бидова приходит к выводу, что национальная безопасность – это сложное, многомерное явление, требующее рассмотрения:

- в пространственном отношении – как часть международной безопасности, используемая для обеспечения безопасности внутри конкретной страны (ее границ);

- применительно к национальным интересам граждан конкретной страны – как ситуация, в которой наиболее существенные интересы человека и общества защищены от угроз, которые могут появиться внутри государства и исходить извне;

- употребительно к угрозам военного характера – как состояние защиты государства от вероятности войны или от других вызовов самостоятельной эволюции;

- употребительно к независимости страны – как к ситуации, при которой защищается целостность ее территорий и обеспечивается возможность быть самостоятельным субъектом межгосударственных отношений²⁶⁹.

Также сюда относятся укрепление обороноспособности страны, межнациональное согласие и религиозная терпимость, постоянное повышение уровня жизни населения России, демографическое развитие, сохранение культурных традиций, конкурентоспособность экономики, качественное здравоохранение и образование, поддержка науки. В результате принятия мер по обеспечению национальной безопасности укрепляется внутреннее единство России, которое выражается в социальной стабильности российского общества, открытом межкультурном диалоге, устранении экономических диспропорций и повышении обороноспособности страны²⁷⁰.

²⁶⁸ Беляева Г. С., Ильяхина Ю. В. К вопросу об административно-правовом регулировании национальной безопасности в РФ // Государство созидающее: правовые ресурсы формирования : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию юрид. ин-та НИУ БелГУ. Белгород, 22 нояб. 2018 г. Белгород, 2018. С. 47.

²⁶⁹ Бидова Б. Б. Национальная безопасность и национальные интересы: феноменологическая характеристика // Право и политика. 2020. № 6. С. 53.

²⁷⁰ Ахметов, А. И., Аминов И. Р. Понятие, цели и виды национальной безопасности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5–2(44). С. 200.

Вместе с тем С. В. Казанцев выделяет следующие наиболее значимые национальные интересы:

- 1) сохранение и выживание нации;
- 2) территориальную целостность;
- 3) политическую и экономическую независимость, самоуправление;
- 4) социально-экономическое благополучие и рост благосостояния (материального и духовного);
- 5) защиту от враждебных посягательств;
- 6) достойное место в мировом сообществе;
- 7) экологическую безопасность²⁷¹.

Не будем вдаваться в дискуссию по поводу оптимальной концепции, а полагаем, что верной видится точка зрения тех авторов, которые указывают на то, что, с одной стороны, механизм обеспечения национальной безопасности является частью механизма государства, его отдельным сложным структурным элементом, в который входят присущие ему блоки. С другой стороны, недопустимо механическое соединение механизма правового регулирования с его классическими элементами, с механизмом государства, несмотря на то, что в современном государственно-организованном обществе органы, реализующие национальную безопасность, действуют исключительно на основе норм права. Это два относительно самостоятельных механизма, которые тесно взаимодействуют друг с другом. Кроме того, в данный механизм органически включена и сама юридическая ответственность, обладающая собственным механизмом реализации. В связи с этим можно прийти к выводу, что механизм обеспечения национальной безопасности состоит не только из отдельных элементов, но и из входящих в него механизмов. Таким образом, его можно представить как сложный механизм, включающий в себя различные микромеханизмы, одним из которых и является юридическая ответственность, взятая в совокупности ее основных элементов²⁷².

Как видится, такое представление о механизме обеспечения национальной безопасности раскрывает сущность этого правового

²⁷¹ Казанцев С. В. Национальные интересы, стратегические цели и долгосрочная безопасность Российской Федерации // Мир новой экономики. 2021. Т. 15, № 1. С. 41 (40–49).

²⁷² Липинский Д. А. О целях и функциях юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 3(53). С. 8.

явления. Однако указание на элементы и компоненты, взаимодействующие между собой, дает только фрагментарное представление о действии такого механизма. Полагаем, что его полнота не может фактически обеспечиваться действием только представленных элементов. При этом, раскрывая структуру рассматриваемого механизма, мы отвечаем на вопрос о том, как непосредственно реализуется национальная безопасность и осуществляется ее регулирование.

По мнению А. В. Демидова, в стране сформирована довольно разветвленная система обеспечения безопасности, в которой можно выделить: нормативно-правовую (или юридическую) составляющую, т. е. совокупность нормативных правовых актов (международно-правовые акты, федеральные законы, законы и др.), обеспечивающих правовое регулирование сферы обеспечения национальной безопасности; организационную (или институциональную) составляющую, т. е. комплекс (систему) органов государства и гражданского общества, участвующих в реализации политики обеспечения национальной безопасности; методологическую (или функциональную) составляющую, т. е. комплекс мер и мероприятий, которые предполагается предпринимать в целях обеспечения национальной безопасности²⁷³.

В свою очередь, С. Ю. Чапчиков, рассматривая механизм правового регулирования в сфере национальной безопасности, приходит к выводу, что это единая система правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения. Кроме того, по мнению автора, в сферу правового регулирования должны входить лишь общественные отношения, которые обладают определенными признаками: а) это отношения, в которых заключены как индивидуальные интересы членов общества, так и общесоциальные; б) в этих отношениях реализуются взаимные интересы их участников, каждый из которых идет на какое-то ущемление своих интересов ради удовлетворения интересов другого; в) эти отношения строятся на основе согласия выполнять определенные правила, признания обязательности этих

²⁷³ Демидов А. В. Сущность понятия «национальная безопасность», механизм его реализации (теоретико-правовой аспект) // Экономические стратегии. 2013. Т. 15, № 6 (114). С. 134–144.

правил; г) эти отношения требуют соблюдения правил, обязательность которых подкреплена достаточно действенной силой²⁷⁴.

Ф. Н. Удычак в своем исследовании определяет государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности как систему государственных институтов, последовательно организованных, действующих поэтапно и на основе официальных нормативных ориентиров, осуществляющих деятельность по поддержанию правовых и институциональных механизмов, ресурсных возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам²⁷⁵.

Интерес вызывают и итоги исследования механизма правовой реализации национальной безопасности, проведенного З. А. Саидовым и Н. У. Ярычевым, которые в своей монографии указывают на то, что данный механизм обладает всеми признаками других правовых механизмов. Его функционирование предполагает наличие структурных образований (элементов), таких как правовые средства, субъекты, методы, приемы и т. д.; важную роль в этом играют взаимосвязи всех элементов этого механизма. Механизм реализации национальной безопасности характеризуется статикой и динамикой. Как процесс данный механизм обусловлен наличием соответствующих стадий. Статическая сторона включает в себя правовые средства, субъектный состав, методы, приемы, системные связи и др. Этот механизм функционирует через процессуальную и процессуальную деятельность соответствующих субъектов²⁷⁶.

Г. С. Беляева, М. В. Полякова дают следующее определение механизма обеспечения национальной безопасности: совокупность правовых средств (методов и приемов правового регулирования), взятых вместе, направленных на создание условий для реального воплощения жизненно важных потребностей личности, общества и государства. В данном механизме необходимо выделять такие подсистемы, как: а) нормативно-правовую основу (взаимосвязанную, внутрисогласованную, непротиворечивую систему нормативных

²⁷⁴ Чапчиков С. Ю. Особенности основных категорий механизма правового регулирования в сфере национальной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 1 (32). С. 10.

²⁷⁵ Удычак Ф. Н. Государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 9.

²⁷⁶ Саидов З. А., Ярычев Н. У. Система национальной безопасности России и правовые механизмы обеспечения ее реализации. Грозный, 2021. С. 193.

правовых актов, на основе которых происходит юридическое признание национальной безопасности государством); б) организационно-правовую (институциональную) основу – определение целей, задач, перечня и полномочий публичных органов власти и институтов гражданского общества, связанных с обеспечением национальной безопасности; в) инструментальную основу – совокупность форм и методов обеспечения национальной безопасности²⁷⁷.

Данный подход нам представляется более оптимальным, так как отражает внутреннюю функциональную структуру механизма обеспечения национальной безопасности, тем самым определяя роль и место технологического суверенитета в таком механизме.

Определив некоторые подходы к рассматриваемому явлению, далее сконструируем сам теоретико-правовой механизм обеспечения национальной безопасности. По нашему мнению, именно механизм отражает динамику своих структурных компонентов, которые составляют структурно-функциональную характеристику рассматриваемого механизма. Вполне очевидно, что понятия «механизм» и «система» тесно взаимосвязаны, но их отличие состоит в том, что система, применительно к праву, предстает статичным единством его частей, чего не скажешь о механизме.

Таким образом, подводя итог нашим рассуждениям о правовом механизме обеспечения национальной безопасности, отметим, что его можно представить как совокупность взаимодействующих структурных элементов, посредством которых обеспечивается динамика процесса воплощения в жизнь правовых предписаний в сфере обеспечения национальной безопасности²⁷⁸.

Сам механизм обеспечения национальной безопасности может включать в себя многие структурные компоненты. В первую очередь в данный механизм включается *субъектный элемент*, который может быть представлен в виде совокупности всех участников процесса обеспечения национальной безопасности. Здесь участвуют и государственные органы всех ветвей власти, а также органы местного самоуправления. Большое значение имеет и деятельность об-

²⁷⁷ Беляева Г. С., Полякова М. В. Механизм правового обеспечения национальной безопасности: к вопросу о содержании // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5–2 (68). С. 210–213.

²⁷⁸ См., например: Самусевич А. Г. Понятие и структура механизма конституционного правоприменения: постановка проблемы // Четвертые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пянова : материалы конф. Иркутск, 2023. С. 93.

пественных организаций и населения в целом, которые активно включаются в механизм обеспечения национальной безопасности.

Во-вторых, нельзя не отметить и **нормативный элемент**, который включает в себя правовое регулирование процесса обеспечения национальной безопасности. В целом правовая основа механизма обеспечения национальной безопасности на сегодняшний день представлена большим количеством нормативных актов различного уровня (федерального, регионального), а также материального и процессуального характера, которые прямо или косвенно регулируют данное направление. Вместе с тем нельзя не согласиться с авторами, которые считают, что качество законодательства в сфере национальной безопасности должно всячески повышаться, поскольку оно влияет на оптимизацию (а следовательно, и на эффективность) механизма обеспечения национальной безопасности, выступает важнейшим правовым средством обеспечения национальной безопасности Российского государства²⁷⁹. Кроме того, законодателю сегодня приходится оперативно решать правовые коллизии в сфере обеспечения национальной безопасности, что позволяет наполнить данный механизм более качественными нормативными актами.

Третий структурный компонент механизма обеспечения национальной безопасности – **инструментальный**, который представляет собой совокупность тех правовых средств, правовых инструментов, технологий, при помощи которых обеспечивается национальная безопасность. Например, по мнению Г. М. Мусаевой и А. М. Абубакарова, к правовым средствам обеспечения национальной безопасности можно отнести такие административно-правовые методы обеспечения национальной безопасности, как убеждение и принуждение – способы осуществления управляющего воздействия субъектов обеспечения национальной безопасности на объекты (личность, общество, государство)²⁸⁰.

И заключительным элементом можно представить **функциональный компонент**, который характеризуется специфическими

²⁷⁹ Станкин А. Н. О конституционно-правовом регулировании национальной безопасности // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4. С. 45.

²⁸⁰ Мусаева Г. М., Абубакаров А. М. Обеспечение национальной безопасности: понятие, цель и основные методы // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3, Общественные науки. 2018. № 1. С. 87.

правовыми отношениями, в рамках которых реализуются права и обязанности субъектов механизма национальной безопасности.

Исходя из представленного механизма, становится понятным, что технологический суверенитет является частью механизма национальной безопасности. В этой связи можно согласиться с мнением А. Н. Афонина и Н. Н. Киселевой в части того, что технологический суверенитет является критически важной концепцией, значение которой в последние годы возросло. Обеспечение независимости и контроля над технологической инфраструктурой и потоками данных имеет решающее значение для содействия экономическому росту, сохранения национальной безопасности и защиты интересов общества. Комплексный подход, учитывающий юридические, технические и социальные факторы, необходим для эффективной реализации политики технологического суверенитета²⁸¹.

Как видно из приведенного, авторы делают акцент на том, что через реализацию технологического суверенитета обеспечивается и национальная безопасность страны, что, в свою очередь, говорит о важности исследования данной темы, в том числе и с правовых позиций.

Технологический суверенитет как элемент механизма обеспечения национальной безопасности. Итак, нами поставлен вопрос о роли и месте технологического суверенитета в механизме обеспечения национальной безопасности. Первоначально отметим, что сегодня Правительство РФ предпринимает активные действия для достижения технологического суверенитета России. Так, 3 апреля 2024 г. в ходе отчета Правительства РФ перед Государственной Думой премьер-министр М. Мишустин рассказал о тех системных мерах, которые правительство предпринимает для достижения поставленной Президентом России задачи по обеспечению технологического суверенитета страны: «Мы в первую очередь сформировали в трудах одиннадцать мегапроектов, работа по которым будет продолжена. Наш в этом смысле технологический суверенитет просто напрямую от этого зависит. Это и станки, и микроэлектроника, и новые материалы. Это самолеты, это морские, речные суда, это тех-

²⁸¹ Афонин А. Н., Киселева Н. Н. Технологический суверенитет как основа национальной безопасности // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2023. № 17. С. 96.

нологии сбережения здоровья, это беспилотники наши, это атомная отрасль, это космическая отрасль и многие другие»²⁸².

Также в 2023 г. была принята Концепция технологического развития, согласно которой технологический суверенитет представлен как наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы²⁸³.

Как видно из приведенного, в систему технологического суверенитета положено развитие различных отраслей экономики, что позволяет развиваться стране без участия зарубежных стран.

На сегодняшний день актуальным остается вопрос о сущности технологического суверенитета в механизме обеспечения национальной безопасности. Кроме того, мы солидарны с теми авторами, которые отмечают общую неурегулированность и проблемность в понимании технологического суверенитета и его сущности и важности в механизме развития страны. Так, можно констатировать, что сегодня основными проблемами в концепции технологического суверенитета остаются:

- во-первых, правовая неурегулированность в правовой системе России;

- во-вторых, отсутствие в мировой и российской науке и практике единого общепринятого определения понятия «технологический суверенитет»²⁸⁴;

- в-третьих, отсутствие эффективного механизма достижения технологического суверенитета.

Перечисленные проблемные вопросы связаны с неоднозначностью целей и задач, связанных с достижением технологического суверенитета, а также отсутствием необходимых условий и меха-

²⁸² Мишустин рассказал о системных мерах для достижения технологического суверенитета // Официальный сайт «ТАСС». URL: <https://tass.ru/ekonomika/20435295> (дата обращения: 05.04.2024).

²⁸³ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года»): распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Собрание законодательства РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

²⁸⁴ Янковская Е. С. Технологический суверенитет России: понятие, сущность, стратегия и пути ее реализации // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2022. № 4 (84). С. 80.

низмов его реализации в определенные периоды времени и в определенных отраслях экономики.

Как и было сказано ранее, технологический суверенитет рассматривается многими учеными именно как ключевой элемент национальной безопасности.

Вместе с тем на страницах научной литературы часто можно встретить мнения авторов о том, что технологический суверенитет является в первую очередь основой национальной безопасности²⁸⁵. Так, А. К. Дубень приходит к выводу, что технологический суверенитет позволит обеспечить национальную безопасность Российской Федерации, создав тем самым условия для противодействия: внутренним и внешним информационным угрозам при использовании цифровых технологий, деструктивным процессам в информационном пространстве Российской Федерации, направленным на нарушение прав и свобод граждан, а также будет способствовать безопасности общества и государства и решению задач обеспечения социально-экономического развития страны и отечественных цифровых технологий, технологическому суверенитету Российской Федерации²⁸⁶.

В соответствии со второй концепцией технологический суверенитет представлен как условие существования национальной безопасности²⁸⁷.

Встречаются и иные точки зрения на определение места технологического суверенитета в процессе обеспечения национальной безопасности. Стоит оговориться, что большинство авторов рассматривают подобные концепции с позиции экономической науки. И если в первом случае технологический суверенитет должен как основа порождать отношения в сфере обеспечения национальной безопасности, то во втором он является условием существования и развития отношений национальной безопасности.

Думается, и тот и иной подход не совсем корректно применять к механизму обеспечения национальной безопасности. Более того, указанным концепциям недостает конкретизации.

²⁸⁵ Ягунова Н. А. Технологический суверенитет Российской Федерации как основа национальной безопасности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2023. № 3 (57). С. 5–8.

²⁸⁶ Дубень А. К. Технологический суверенитет как основа национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы безопасности. 2023. № 4. С. 171.

²⁸⁷ Миэринь Л. А., Погодина В. В., Смирнов А. А. Технологический суверенитет как условие долгосрочной национальной экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 6-1 (144). С. 63–70.

Для того чтобы строить цепь рассуждений о технологическом суверенитете как о составляющем компоненте механизма обеспечения национальной безопасности необходимо первоначально определить, что представляет собой технологический суверенитет.

Здесь интерес представляют выводы исследований ученых-экономистов, которые в той или иной мере рассматривали сущность технологического суверенитета и его развитие на современном этапе. Например, Р. А. Никулин приходит к выводу, что «технологический суверенитет макроэкономической системы представляет собой ее способность в максимально возможной степени удовлетворять потребности отечественных субъектов хозяйствования в высокотехнологичной технике, технологии, работах и сервисах национального производства (либо созданных на основании механизмов паритетной кооперации с экономическими субъектами, являющимися резидентами дружественных государств и политико-экономических альянсов), формировать конкурентоспособные на внутреннем и мировом отраслевых рынках сбыта инновационные экономические блага, обеспечивая на данной основе долгосрочное, устойчивое повышение финансовой и социальной эффективности функционирования экономики государства»²⁸⁸.

Справедливости ради обратим внимание на зарубежные мнения относительно определения технологического суверенитета. Так, на страницах зарубежной литературы технологический суверенитет представлен как «способность государств предоставлять технологии, которые они считают критически важными для своего благосостояния, конкурентоспособности и способности действовать, а также иметь возможность разрабатывать их или получать их из других стран»²⁸⁹.

И. И. Приходько, на основе анализа различных точек зрения в отношении технологического суверенитета, предлагает усовершенствовать и актуализировать исследованные подходы и сформировать синтетическое определение, согласно которому технологический суверенитет – это достигнутая степень локализации мирового процесса создания технологий, обеспечивающая такое влияние на технологический процесс стран-партнеров международного техно-

²⁸⁸ Никулин Р. А. Тенденции развития технологического суверенитета макроэкономической системы : автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Казань, 2023. С. 9.

²⁸⁹ См., например: Technology sovereignty as an emerging ...

логического обмена и кооперации, которое бы делало неприемлемыми для данных стран издержки ограничения свободы использования иностранных технологий отечественными компаниями²⁹⁰.

Кроме того, обосновывая место технологического суверенитета в указанном механизме, рассматривая его как отдельный элемент, некоторые авторы приходят к выводу о том, что технологический суверенитет решает следующие задачи: обеспечение национальной безопасности, энергетической безопасности, достижение параметров продовольственной безопасности, обеспечение транспортной связности, информационной безопасности, достижение экономически целесообразного производства средств производства в разумные сроки²⁹¹.

Д. В. Курочкин, Л. А. Ельшин определяют технологический суверенитет как его способность к собственному обеспечению критически важными технологиями и продукцией в интересах научно-технологической безопасности, достигаемой за счет инновационных разработок, во взаимосвязи науки, техники, технологий и кадров, с учетом существующих и потенциальных угроз²⁹².

Исходя из ранее представленной концепции механизма обеспечения национальной безопасности, технологический суверенитет является функциональной составляющей этого механизма, характеризуя данный феномен в динамике его действия. Технологический суверенитет в этой связи можно представить как систему взаимосвязей и взаимодействий, посредством которых совокупность средств, методов, инструментов и технологий преобразуются в механизм преодоления внешних и внутренних угроз, обеспечивая тем самым национальную безопасность страны. Причем технологический суверенитет не является единственным и эффективным инструментом в представленном механизме, так как имеются и иные направления, которые в своей совокупности и реализуют национальную безопасность в целом.

²⁹⁰ Приходько И. И. Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. № 4. С. 94.

²⁹¹ Акопов Г. Л. Указ соч. С. 133.

²⁹² Курочкин Д. В. Ельшин Л. А. Сущность категории «технологический суверенитет региона» в современных экономических реалиях // Глобальный научный потенциал. 2023. № 9 (150). С. 173.

Кроме того, технологический суверенитет как функциональный элемент рассматриваемого механизма включает в себя и соответствующие правоотношения, в рамках которых вышеуказанные субъекты реализуют определенные права и обязанности, корреспондирующие их правовым статусам.

В этой связи верной видится точка зрения Е. С. Янковской относительно того, что ключевыми составляющими сущности технологического суверенитета являются его сквозной характер, стратегическая направленность, органичная связь с национальной безопасностью. Достижение технологического суверенитета возможно только при условии гармоничного взаимодействия, взаимопонимания, доверия и партнерства институтов власти, бизнеса, науки, гражданского общества²⁹³.

А. А. Афанасьев справедливо по этому поводу добавляет, что с институциональной точки зрения технологический суверенитет представляет собой стратегический ориентир, на обеспечение которого направлена совокупность уже существующих и новых правил в плане глобальной открытости экономики с одновременным обеспечением национальной безопасности страны. Правил, позволяющих обеспечить защищенность техносферы страны при воспроизводстве различных ее компонент (технологий, продукции и т. д.) как при их создании на национальной территории, так и при получении от экономик других стран²⁹⁴.

Технологический суверенитет следует рассматривать не столько как долговременную, сколько как постоянную составляющую системы экономической безопасности страны²⁹⁵.

Заключение. Таким образом, подводя итоги нашим рассуждениям о соотношении технологического суверенитета и механизма национальной безопасности, отметим, что в рамках исследования автор исходил из концепции, согласно которой процесс обеспечения национальной безопасности представлен как сложный и комплексный механизм, в котором переплетаются нормативные, субъ-

²⁹³ Янковская Е. С. Технологический суверенитет России: понятие, сущность, стратегия и пути ее реализации // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2022. № 4 (84). С. 80.

²⁹⁴ Афанасьев А. А. Технологический суверенитет: к вопросу о сущности и механизме достижения // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 18–1. С. 31.

²⁹⁵ Калининко Н. Л. Импортозамещение и технологический суверенитет // Образование и право. 2023. № 11. С. 90.

ектные, инструментальные и функциональные механизмы. Это позволило нам сочетать юридические аспекты с экономическими проблемами функционирования механизма национальной безопасности, а также выявить роль и место технологического суверенитета в этом механизме.

При этом нам представляется, что рамки национальной безопасности не ограничиваются национально-государственными границами, так как рассмотрение проблем ее реализации и достижения эффективности технологического суверенитета ведется и в международном правовом поле.

ГЛАВА 8

Ответственность за посягательство на коммерческую и государственную тайну в контексте обеспечения технологического суверенитета

Технологический суверенитет Российской Федерации напрямую связан с инновационными разработками, фундаментальными исследованиями, внедрением их результатов в промышленность и другие отрасли экономики. Ресурсы, которые привлекаются для проведения научных изысканий, колоссальны. Только бюджетные ассигнования в данную сферу приближаются к 700 млрд руб. и составляют более 3 % государственного бюджета. Кроме того, в проведение исследований и во внедрение их в экономику инвестируют различные фонды и юридические лица. При этом наблюдается рост капиталовложений в фундаментальные исследования, а также относительно равномерное распределение инвестиций во все наиболее крупные направления науки. Столь высокие затраты связаны с высокой трудозатратностью научных исследований, необходимостью приобретения и изготовления сложного оборудования, обучения персонала и многими иными обстоятельствами, вследствие чего разрабатываемые технологии отличаются высокой себестоимостью. Между тем в условиях обострившейся геополитической конкуренции такие огромные капиталовложения вполне оправданы тем результатом, которые они могут дать.

Недобросовестные субъекты стремятся сократить собственные затраты, не инвестировать значительные средства в фундаментальные исследования и иным образом завладеть их результатами. Наиболее распространенный и опасный способ – коммерческий (промышленный) и государственный шпионаж.

Общественная опасность посягательств на плоды фундаментальных и прикладных исследований колоссальна – они сводят на нет усилия, предпринимаемые государством в данной сфере, дают

необоснованные преимущества недобросовестным участникам международных частных и публичных отношений, подрывают обороноспособность государства, влекут неконтролируемое распространение технологий двойного и военного назначения, что подрывает региональную и глобальную стабильность. Вне сомнений, военные технологии, попавшие в руки потенциального и реального противника, могут и будут использованы против Российской Федерации.

Сложилась ситуация, при которой не только сама информация, в получение которой вложены огромные усилия, но и ее свойства – защищенность от посторонних лиц – выступают факторами обеспечения и сохранения технологического суверенитета Российской Федерации.

На фоне этого посягательства на коммерческую и государственную тайну в последние годы значительно участились. Объективно этому поспособствовала активная цифровизация многих сфер жизни, в том числе области научных исследований и обмена информацией. Это не только в значительной мере упростило коммуникацию, сделав ее фактически мгновенной, что благоприятно сказалось на работе научных коллективов и способствовало коллаборации исследователей в разных географических точках, но и создало повышенные риски утечки информации. Ситуация усугубляется и тем, что многие каналы передачи данных так или иначе контролируются представителями иностранных государств, которые используют их в собственных интересах.

Между тем репрессия в данной сфере со стороны государства также должна оставаться в пределах разумного и не распространяться, например, на конкурентную разведку.

Все это предопределяет необходимость сосредоточения усилий по противодействию посягательствам на коммерческую и государственную тайну в контексте обеспечения технологического суверенитета, анализу эффективности принимаемых мер, их оптимизации, выработке новых механизмов защиты коммерческой, промышленной и государственной тайны.

Ответственность за совершение указанных деяний в настоящий момент предусмотрена нормами российского гражданского, административного и уголовного права. При этом механизмы административной и уголовной ответственности в целом схожи и отличаются, прежде всего, общественной опасностью соответствующих

посягательств и, соответственно, способами и уровнем государственной реакции. Гражданско-правовая ответственность в значительной степени отличается от двух указанных выше видов ответственности и может применяться параллельно с ними.

Вообще, вопрос противодействия посягательствам на коммерческую и государственную тайну в российской правовой науке рассматривался неоднократно. В частности, анализ проблем уголовной ответственности за государственную измену, совершаемую посредством передачи иностранным государствам или международным организациям сведений в ущерб национальным интересам Российской Федерации, рассматривался в работах Г. З. Анашкина, С. В. Борисова, А. С. Лаврив, К. Д. Николаева, К. О. Папеевой, Д. А. Рясова, С. А. Стяжкиной, А. А. Чугунова и других ученых. Особенности противодействия шпионажу исследовали С. В. Борисов, С. В. Дзгоев, А. М. Магомедова, И. С. Расулов, С. Я. Улицкий, А. А. Чугунов и другие авторы. Следует отметить, что количество научных работ по ст. 275 и 276 УК РФ невелико, гораздо чаще исследователи рассматривают вопросы ответственности за промышленный шпионаж. В частности, к ним обращались С. А. Бабич, Ю. Н. Богданова, С. А. Гончаров, Л. Ю. Грудцына, Т. А. Кули-Заде, К. А. Пак, Л. Т. Чихладзе, Ш. А. Чич и другие.

Между тем в контексте обеспечения технологического суверенитета в уголовном праве этот вопрос комплексно не поднимался.

Вопросы административной ответственности за нарушение требований охраны сведений ограниченного распространения рассмотрены в еще меньшей степени. Отдельные аспекты этой проблемы затрагивали в своих исследованиях В. В. Долинская, Д. Б. Морозов, А. А. Паненков, Н. В. Седова, В. И. Солдатова и другие авторы, которые не привязывали эти вопросы к обеспечению технологического суверенитета или национальной безопасности.

Гражданско-правовые вопросы защиты коммерческой и государственной тайны традиционно анализируются в аспекте защиты авторских, изобретательских, патентных и смежных прав. Как элемент национальной безопасности эти права рассматривались С. А. Заулочной, А. Б. Никишовым, Л. В. Цитовичем, М. Д. Эситашвили и другими исследователями. При этом указанные авторы касались в основном вопросов правового регулирования закрепления данных прав, фактически не затрагивая вопросы деликтного характера.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что вопросы исследования межотраслевой ответственности за посягательства на коммерческую и государственную тайну в контексте обеспечения технологического суверенитета являются очень важными, но фактически остаются неисследованными.

В общем виде вопросы обеспечения сохранности коммерческой и государственной тайны регулируются Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»²⁹⁶ и федеральными законами от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»²⁹⁷ и от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»²⁹⁸.

Данные нормативные правовые акты устанавливают понятия коммерческой и государственной тайны. В частности, определено, «что государственная тайна – защищаемые государством сведения, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации». При этом сведения «о достижениях науки и техники, о научно-исследовательских, об опытно-конструкторских, о проектных работах и технологиях, имеющих важное оборонное или экономическое значение, влияющих на безопасность государства» включены в список сведений в области экономики, науки и техники, составляющих государственную тайну. Кроме того, в определенной степени и иные сведения (о запасах ценных металлов, военных технологиях, стратегических резервах и т. д.) напрямую связаны с технологическим суверенитетом и национальной безопасностью Российской Федерации.

Принципиально важными являются определения коммерческой тайны и сведений, которые ее составляют. В этой связи также обратим внимание на то, что законодатель объединил уголовно-правовую охрану общественных отношений, обеспечивающих охрану коммерческой, налоговой или банковской тайны. С экономико-правовой точки зрения это можно признать допустимым, так как все указанные виды сведений могут быть использованы в целях неправомерного получения конкурентных преимуществ. Между тем в аспекте обеспечения технологического суверенитета это не

²⁹⁶ О государственной тайне : закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 41. Ст. 8220–8235.

²⁹⁷ О коммерческой тайне : федер. закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

²⁹⁸ О безопасности : федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

вполне обоснованно, так как коммерческая тайна российских предприятий и других хозяйствующих субъектов давно представляет собой предмет неправомерных посягательств со стороны недружественных государств, деятельность которых направлена на копирование успешных наработок российских ученых и производителей, даже если они не наделены грифом секретности со стороны государства. В этой связи мы полагаем целесообразным выделить состав промышленного шпионажа в отдельную статью УК РФ.

Под коммерческой тайной понимается «режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду». Информация, составляющая коммерческую тайну, – «сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны».

Все это в полной мере относится к предмету рассматриваемого вопроса.

Уголовная ответственность является крайней формой реакции государства на совершение правонарушения и применяется только в том случае, когда посягательство имеет публично-правовой характер и обладает высокой общественной опасностью.

Ответственность за наиболее опасные посягательства на коммерческую и государственную тайну предусмотрена рядом статей УК РФ, а именно, ст. 275 «Государственная измена», ст. 276 «Шпионаж», ст. 183 «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну». При этом государственная измена включает в себя не только деяния в отношении информации, составляющей коммерческую и государственную тайну, но и иные враждебные Российской Федерации действия: переход на сторону противника либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помо-

щи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям. Кроме того, государственная измена и шпионаж предусматривают совершение деяний с информацией, которая связана с военной, политической и экономической безопасностью Российской Федерации. В этой связи мы рассмотрим вышеуказанные составы преступлений, особенности и проблемы их применения, направления совершенствования в аспекте посягательств именно на коммерческую и государственную тайну в аспекте обеспечения технологического суверенитета.

Преступления, предусмотренные ст. 275, 276 УК РФ, с одной стороны, и ст. 183 УК РФ – с другой, имеют разные родовой и видовой объекты (первые два преступления посягают на отношения, обеспечивающие безопасность государства, а третье – на отношения в сфере экономической деятельности), следовательно, это отражается на предмете преступления.

Предметом государственной измены и шпионажа являются сведения, разглашение которых представителям иностранных государств или международных организаций может причинить ущерб национальной безопасности Российской Федерации. Фактически это любая информация, которая применительно к конкретной ситуации должна быть сохранена в тайне от указанных субъектов, в связи с чем она защищена как государственная тайна²⁹⁹.

Коммерческая тайна также представляет собой сведения, которые должны быть сохранены от ознакомления с ними со стороны иных лиц, не обладающих разрешением на доступ к ним. При этом статус такой информации определяется ее обладателем самостоятельно.

Предметом незаконных получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую тайну, являются сведения, которые позволяют лицу, у которого она находится в распоряжении, получить значительные конкурентные преимущества.

Сведения, составляющие государственную и коммерческую тайну, могут быть представлены в виде информации, закрепленной на каком-либо носителе (CD-диск, флеш-карта, запоминающее устройство сервера и т. д.), быть овеществленными в виде изобретения, полезной модели, промышленного образца, серийной модели

²⁹⁹ Дзагоев С. В. Уголовно-правовая характеристика шпионажа // Аграрное и земельное право. 2023. № 1(217). С. 117–119. DOI: 10.47643/1815–1329_2023_1_117.

и т. д., выступать в виде вещества или материала (сплава, раствора, композитного синтетического материала и т. д.). Главное в таком предмете – отражать новизну и оригинальность сведений, заложенных в нем, а также иметь практическую применимость в такой степени, чтобы обеспечивать ее владельцу преимущества: стратегические – при обладании государственной тайной и конкурентные – при обладании коммерческой.

Такие сведения могут быть использованы в производстве товаров, оказании услуг, в военной деятельности, при проведении дальнейших научных изысканий и т. д.

Сведения, которые физические лица и научные (трудовые и иные) коллективы получают в ходе своей интеллектуальной, научно-исследовательской, проектно-изыскательской и иной деятельности, а также приобретают как результат опыта, могут быть ими запатентованы. Эта процедура позволяет закрепить не только авторство изобретения (оно возникает автоматически и остается за автором навсегда), но и возможность получения прибыли (выгоды) от их использования любыми субъектами, приобретшими патент и производящими патентные отчисления. Не могут быть запатентованы: открытия, научные теории и математические методы, решения, касающиеся только внешнего вида изделий и направленные на удовлетворение эстетических потребностей, правила и методы игр, интеллектуальной или хозяйственной деятельности, программы для ЭВМ, решения, заключающиеся только в представлении информации.

В этой связи следует отметить, что одни и те же сведения могут одновременно составлять коммерческую и государственную тайну. Государство вправе самостоятельно определять ценность тех сведений, которые обращаются в государстве, даже если они используются частноправовыми субъектами в их коммерческой или иной деятельности. Это связано с тем, что в любом случае их получение на территории Российской Федерации связано с задействованием национальных ресурсов в сфере образования, науки и других отраслей – так или иначе, они связаны с компетенциями граждан и организаций Российской Федерации, в них прямо или косвенно вложены ресурсы экономики государства.

В Российской Федерации все участники коммерческих и иных отношений вправе воспользоваться достижениями науки и техники, полученными научно-исследовательскими институтами или иными

научными коллективами, которые представлены в виде патентов или не могут быть запатентованы по вышеуказанным причинам. Кроме того, деятельность всех коммерческих и иных организаций на территории России, включая филиалы и представительства иностранных компаний и иных субъектов, не может быть враждебной по отношению к России, в связи с чем государство вправе самостоятельно решить вопрос о наделении грифом секретности любых сведений, а при необходимости изъять их у правообладателей и отстранить их от дальнейших манипуляций с ними.

Таким образом, одна и та же информация одновременно может составлять и коммерческую, и государственную тайну. В случае посягательства на такой предмет достаточно вменения ст. 275 или 276 УК РФ, дополнительной квалификации по ст. 183 УК РФ не требуется.

Главной содержательной частью состава преступления является объективная сторона, которая фактически является содержательной частью конкретного состава преступления, где описывается общественно опасное деяние и (при наличии) общественно опасное последствие.

Составы преступлений, предусмотренные ст. 183, 275 и 276 УК РФ, по конструкции объективной стороны являются формальными, т. е. для квалификации оконченного преступления не требуется наступление общественно опасных последствий³⁰⁰. Большинство авторов считают такой подход вполне оправданным в связи с тем, что само по себе посягательство на охраняемые законом виды тайны имеет повышенную общественную опасность. На практике это вытекает также в фактическую невозможность признания деяния малозначительным даже в таких ситуациях, когда виновный действовал под полным контролем сотрудников контрразведки или иных правоохранительных органов и не мог передать интересующие его сведения иностранным государствам, международным организациям или их представителям либо заведомо заблуждался в ценности тех сведений, которые он намеревался передать, ошибочно предполагая наличие в них ценности. Содеянное в таком случае квалифицируется как покушение на вышеуказанные преступления.

³⁰⁰ Рясов А. И., Рясов Д. А. Уголовно-правовая регламентация ответственности за государственную измену // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (61). С. 31.

Повышенная общественная опасность данных преступлений, в особенности государственной измены и шпионажа, исключает на законодательном уровне возможность дифференциации уголовной ответственности посредством применения квалифицирующих признаков в ст. 275 и 276 УК РФ. В то же время в ст. 183 УК РФ, предмет которой не имеет такого стратегического значения для обеспечения национальной безопасности РФ, как предмет госизмены и шпионажа, ответственность дифференцирована в зависимости от признаков субъекта преступления, наличия соучастия, корыстной заинтересованности, крупного ущерба и тяжких последствий.

Некоторые ученые, в частности В. Н. Воронин, пишут, что это не вполне оправдано³⁰¹ и общественная опасность данных преступлений значительно меняется под воздействием различных обстоятельств, следовательно, она должна быть учтена законодательно. Полагаем, с этим можно согласиться.

Во-первых, нижние пороги санкций этих преступлений очень высоки (12 лет лишения свободы в ст. 275 и 10 лет лишения свободы в ст. 276 УК РФ), не учитывают возможных обстоятельств совершения данных преступлений – стремления минимизировать ущерб, содействие органам безопасности и пр. Конечно, в качестве смягчающих можно применить исключительные обстоятельства и назначить наказание ниже низшего предела, но наличие общего механизма было бы более предпочтительным.

Больше претензий можно предъявить к высшему пределу наказания в ст. 276 УК РФ, который составляет 20 лет лишения свободы. Думается, что в определенных случаях (например, при угрозе национальной безопасности Российской Федерации, ставящей под сомнение само ее существование) вполне обоснованной будет санкция в виде пожизненного лишения свободы.

Достаточно интересным видится опыт других государств, которые активно используют средства дифференциации уголовной ответственности за государственную измену и шпионаж. В частности, в США и Лихтенштейне учитывается признак обстановки (военное и мирное время), в ФРГ один из составов государственной измены вообще сформулирован как состав реальной угрозы (при

³⁰¹ Воронин В. Н. Качество уголовно-правовой охраны сведений, составляющих государственную тайну: проблемы конструирования норм и дифференциации уголовной ответственности. Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7. С. 98–107. DOI: 10.17803/1994–1471.2017.80.7.098–107

наличии рисков возникновения внешнеполитического вреда). Максимальное наказание за шпионаж в США – смертная казнь, а в Германии – пожизненное лишение свободы³⁰².

Полагаем, что и отечественный законодатель мог бы выделить соответствующие средства дифференциации уголовной ответственности, которые следовало бы заключить в квалифицирующие признаки ст. 275 и 276 УК РФ – совершение преступления в любой из форм соучастия, обстановку военного времени, наступление тяжких последствий (в качестве оценочной характеристики предполагающей, например, военное поражение Российской Федерации или утрату технологического суверенитета).

Нарушение технологического суверенитета при незаконных получении и разглашении сведений, составляющих коммерческую тайну, государственной измене и шпионаже состоит в совершении различных действий, так или иначе составляющих оборот сведений, указанных выше в качестве предмета данных преступлений.

Общественно опасное деяние всех трех рассматриваемых преступлений может быть представлено в форме шпионажа. Законодатель использует этот термин в двух значениях – как название преступления, предусмотренного ст. 276 УК РФ, а также как совокупность действий, направленных на получение сведений, составляющих коммерческую или государственную тайну. При этом в связи с тем, что шпионаж традиционно ассоциируется с враждебной деятельностью иных государств³⁰³, в УК РФ он применяется в ст. 275 и 276 как описание деяния, совершаемого в отношении сведений, представляющих государственную тайну. Между тем шпионаж вполне применим и к отношениям по защите коммерческой тайны. Термины «коммерческий шпионаж» и «промышленный шпионаж» вполне устоялись и применяются учеными для характеристики деяний в отношении коммерческой тайны³⁰⁴. В связи с этим в рамках

³⁰² Акимочкин В. И., Позняк В. Д. Государственная измена и шпионаж в российском и зарубежном уголовном праве: сравнительный анализ // Право и практика. 2023. № 2. С. 63–66.

³⁰³ В словаре Ожегова дается такое толкование этого термина: выведывание, собирание или похищение сведений, составляющих военную или государственную тайну, с целью передачи иностранному государству.

³⁰⁴ Врагова Е. А. Промышленный шпионаж и конкурентная разведка: сравнительный анализ используемых методов // Актуальные исследования. 2022. № 41(120). С. 60–66; Дроздова Л. А. Конкурентная разведка и промышленный шпионаж // Путь в науку. Профессиональное образование и бизнес: траектория развития : материалы Междунар. науч. конф. и студ. олимпиады, Орел, 25–30 апреля 2017 г. / под общ. ред. Е. П. Лидинфа. Орел, 2017. С. 93–97; Ба-

данной работы мы будем рассматривать шпионаж как общий для указанных категорий термин.

В этой связи, полагаем, следовало бы законодательно разграничивать незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну, и незаконные получение и разглашение сведений, составляющих налоговую или банковскую тайну. Продолжая начатую нами дискуссию относительно самостоятельного значения коммерческой тайны и значительного ее отличия от налоговой и банковской, полагаем, что это является дополнительным аргументом предложения о выделении состава коммерческого шпионажа в отдельную статью.

Шпионаж предполагает неправомерное получение искомых сведений различными действиями.

Во-первых, это может быть их собирание. Это деяние состоит в любых способах приобретения информации (а равно предметов, материалов, веществ и т. д.) как лично, так и посредством других лиц путем визуального наблюдения в целях запоминания, копирования, переписывания, фотографирования, видеосъемки и т. д., в результате которых сведения, которые ранее у лица отсутствовали, появляются. Лицо может такие сведения купить у другого лица, приобрести их по договору мены, принять в дар и т. д. Важно отметить, что эта деятельность должна быть умышленной, целенаправленной. Поэтому получение предмета преступления в дар лицом, которое не стремилось к обладанию им, составов вышеуказанных преступлений не образует.

Во-вторых, это может быть их похищение. Законодатель не случайно не использовал термин «хищение», который в соответствии с прим. 1 к ст. 158 УК РФ представляет собой «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества». Это означает, что искомый термин не должен обладать свойственными хищению признаками, в частности корыстной це-

бич С. А. Ответственность за промышленный шпионаж по современному уголовному праву России // Безопасность бизнеса. 2008. № 1. С. 22–23; Пунинская А. А., Пантелеева Н. В. Коммерческий шпионаж: понятие, признаки, меры защиты и профилактики // Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Брянск, 13–14 марта 2017 г. Брянск, 2017. Т. 2. С. 240–242 и др.

лю, причинением ущерба владельцу таких сведений и т. д. В УК РФ в нескольких статьях используется термин «похищение» (например, похищение человека в ст. 126 или документов, штампов, печатей либо похищение акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия в ст. 327), но в каждой статье он имеет свое собственное значение. В ст. 275 и 276 УК РФ это могут быть любые способы изъятия, копирования указанной информации, предметов, веществ и т. д., которые совершены помимо воли их обладателя. Следует относить к похищению указанных сведений их изъятие посредством неправомерного доступа к компьютерной информации.

В-третьих, это может быть их хранение, т. е. любые действия, при которых лицо, неправомерно завладевшее указанными сведениями, сохраняет их при себе или в тайнике, имея возможность обратиться к ним или передать их другим лицам. Хранение может быть осуществлено посредством «оцифровывания» или иного исследования материальных объектов (3D-сканирование, химический анализ веществ и т. д.) и последующего сохранения этих данных на цифровых носителях, без обращения к оригиналу (который вообще может остаться у законного владельца).

В-четвертых, это может быть их передача другим лицам. Данное деяние включает в себя активные действия, направленные на то, чтобы указанные сведения оказались у других субъектов (в случае ст. 275 и 276 УК РФ – у представителей иностранных государств и международных организаций). При этом не имеет значения, останутся ли искомые сведения у виновного (например, если он их копирует и передаст копию или оригинал), либо он передаст сам предмет указанным лицам. Передача таких сведений может быть совершена как посредством конфиденциальной беседы обладателя сведений, составляющих государственную тайну, с представителем иностранной разведки, так и посредством разглашения этих сведений неограниченному кругу лиц, например, путем их опубликования в открытом научном журнале³⁰⁵.

Обратим внимание, что в ст. 183 УК РФ законодательно не закрепляются хранение и передача сведений, составляющих коммерческую тайну, а похищение документов, содержащих такие сведе-

³⁰⁵ Борисов С. В., Чугунов А. А. Государственная измена и шпионаж как одни из наиболее опасных преступлений против безопасности Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2016. № 3 (15). С. 89.

ния, является одним из способов собирания наряду с обманом, шантажом, принуждением, подкупом или угрозами, а равно иными незаконными способами. С учетом того, что и хранение, и передача на практике образуют данное преступление, считаем такой подход законодателя не вполне обоснованным. Кроме того, видится необоснованным ограничение пределов действия ст. 183 УК РФ похищением (и другими указанными способами завладения сведениями, составляющими коммерческую тайну) только документов. Промышленный шпионаж давно осуществляется посредством, например, похищения веществ и материалов, составляющих «ноу-хау», а равно неправомерного доступа к компьютерной информации. Похищение и иные способы изъятия именно документов характерны более для незаконного получения банковской и налоговой тайны, что еще раз указывает на необходимость выделения промышленно-го шпионажа в отдельный состав преступления.

В то же время ст. 183 УК РФ расширена по сравнению со ст. 275 и 276 УК РФ за счет разглашения и использования сведений, составляющих коммерческую тайну. Данные деяния образуют квалифицированные составы этого преступления и предполагают повышенную ответственность субъекта. Это вполне обоснованно с учетом повышенной общественной опасности рассматриваемых деяний. Вновь возвращаясь к теме дифференциации уголовной ответственности за государственную измену и шпионаж, отметим это как дополнительный фактор, подтверждающий такую позицию.

Разглашение сведений представляет собой любой способ их передачи посторонним лицам, которые не имеют доступ к данной информации, независимо от их количества. Это может быть как пересказ содержания этих сведений одному лицу, так и их публичное транслирование в средствах массовой информации, через сеть Интернет и т. д.

Использование указанных сведений предполагает получение из них выгоды посредством внедрения в собственное производство, учет в качестве инсайдерской информации и т. д. На практике использование интерпретируется как распоряжение и ответственность за нарушение коммерческой тайны вменяется лицу, например, за передачу искомых сведений посредством продажи конкуренту их владельца.

В ч. 3 и 4 ст. 183 УК РФ имеется указание на общественно опасные последствия, это позволяет нам сделать вывод о том, что законодатель сформулировал их как материальные составы преступлений. В качестве последствий обозначены причинение крупного ущерба (ч. 3) и наступление тяжких последствий (ч. 4).

Согласно примечанию к ст. 170² УК РФ крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей три миллиона пятьсот тысяч рублей. Этот ущерб может образоваться как вследствие утраты сведений, составляющих коммерческую тайну и, соответственно, средств, вложенных в их разработку, создание промышленного образца или полезной модели и т. д. Тем не менее в эту сумму не входит неполученная выгода, возмещение которой должно быть произведено в гражданско-правовом порядке. На практике именно неполученная выгода образует основные риски утраты коммерческой тайны, определяет вредоносность этого преступления для обладателя указанных сведений, которая при этом не учитывается при определении общественной опасности. Полагаем, что учет такого проявления общественной опасности необходим и может быть произведен с применением приема учета реальной угрозы, наступление которой неотвратимо без вмешательства третьих лиц. Данный квалифицирующий признак, как представляется, является универсальным и может быть положен в основу дифференциации уголовной ответственности за все виды рассматриваемых посягательств, влекущих угрозу технологическому суверенитету Российской Федерации посредством введения в ст. 275 и 276 УК РФ квалифицированных составов.

Дополнительные тяжкие последствия, использованные в качестве квалифицирующего признака в ст. 183 УК РФ, являются оценочной категорией и в содержании УК РФ не раскрываются. Как известно, толкование таких признаков связано с обращением к другим отраслям права или иным наукам, которые могли бы дать наиболее адекватное разъяснение по существу таких признаков³⁰⁶. В связи с тем, что данное преступление отнесено к категории экономических, тяжкие последствия представляют собой значительный

³⁰⁶ Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование : науч.-практ. пособие / Ю. И. Антонов [и др.] ; под ред. А. В. Галаховой. М., 2014. 736 с.

экономический вред. Ученые связывают их с высоким уровнем безработицы вследствие ликвидации или банкротства предприятия, прекращением выпуска продукции³⁰⁷, сверхкрупными доходами виновного или сверхкрупными убытками правообладателя коммерческой тайны³⁰⁸ и т. д. Между тем к тяжким последствиям можно отнести, например, самоубийство владельца коммерческой тайны, роспуск научного коллектива, работавшего над проблемой длительное время и т. д.

С субъективной стороны все рассматриваемые преступления характеризуются исключительно прямым умыслом, что обусловлено наличием в ст. 275 и 276 УК РФ цели передачи сведений, составляющих государственную тайну, представителям иностранных государств или международных организаций, а также самим содержанием ст. 183 УК РФ, где указаны различные способы, применение которых может быть обусловлено только активным проявлением волевых усилий, ориентированностью на конкретный результат своих действий, а также указанием на мотив корыстной заинтересованности (ч. 3 данной статьи).

Большое значение для квалификации имеет субъект преступления. В ст. 183 УК РФ он общий и его признаки не закреплены в диспозиции, однако фактически на практике им выступает либо работник коммерческой организации, имеющий доступ к сведениям, составляющим коммерческую тайну, либо бывший работник такой организации, как правило, подписавший соглашение о неразглашении информации, к которой он ранее имел доступ в связи со службой.

В ст. 275 и 276 УК РФ субъект преступления специальный. Государственную измену может совершить исключительно гражданин Российской Федерации, тогда как совершение шпионажа возможно только иностранным гражданином или лицом без гражданства. При этом не имеет значения, как долго проживает лицо без гражданства на территории Российской Федерации – даже в случае, если большую часть времени оно находится в пределах Российской Федерации, ответственность оно несет по ст. 276 УК РФ. Наличие, помимо российского гражданства, гражданства или подданства, а равно вида на жительство в иностранном государстве на квалифи-

³⁰⁷ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). М., 2006. С. 462.

³⁰⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. А. Ашин [и др.] ; под ред. А. И. Чучаева. М., 2009. С. 546.

кацию не влияет – содеянное подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ.

Кроме того, в ст. 275 УК РФ обозначено дополнительное требование к субъекту, который совершает неправомерные действия в отношении сведений, составляющих государственную тайну, – факт того, что составляющая их информация была доверена лицу или стала известна ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Законодатель предусматривает специальное основание освобождения от уголовной ответственности за государственную измену и шпионаж (на тех же основаниях происходит освобождение от уголовной ответственности за насильственный захват власти или насильственное удержание власти). В соответствии с прим. 2 к ст. 275 УК РФ, лицо, совершившее указанные преступления, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Данная норма призвана стимулировать лиц, совершивших государственную измену или шпионаж, прекратить такую деятельность и содействовать Российской Федерации в обеспечении ее безопасности посредством сотрудничества с правоохранительными органами. При этом не обязательно, чтобы лицо самостоятельно сообщило о совершенном им преступлении, это может произойти по инициативе, например, органов контрразведки. Для этого требуется соблюдение усилий добровольности – самостоятельности принятия решения о прекращении преступной деятельности при возможности ее продолжать; своевременности – фактического наличия возможности предотвратить наступление большего вреда; отсутствия в действии лица иных преступлений (например, убийства, которое совершено лицом для того, чтобы завладеть сведениями, составляющими государственную тайну).

Отсутствие такого же или схожего примечания в ст. 183 УК РФ, полагаем, оправдано только для ч. 2 и производных для нее квалифицированных составов, так как вряд ли имеется возможность каким бы то ни было способом нивелировать последствия промышленного шпионажа, при котором разглашение сведений, составля-

ющих коммерческую тайну, воплощает в себе общественную опасность данного преступления. В то же время, если такие сведения пока только собраны и хранятся, но не разглашены, аналогичный указанному выше механизм стимулирования лица к правомерному поведению был бы полезен и в ст. 183 УК РФ.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Охрана коммерческой и государственной тайны в Российской Федерации является необходимым элементом обеспечения ее технологического суверенитета и обеспечивается посредством норм гражданского, административного и уголовного права. С учетом важности указанной категории, повышенной общественной опасности разглашения сведений, составляющих указанные виды тайны, основным средством охраны выступает именно уголовная ответственность.

Суть указанных преступлений составляет шпионаж, т. е. передача, собирание, похищение или хранение в целях передачи сведений, составляющих коммерческую или государственную тайну, субъектам, которые не должны ею обладать – конкурентам (в ст. 183 УК РФ) или иностранным государствам и международным государствам или их представителям (в ст. 275 и 276 УК РФ).

Указанные статьи обеспечивают не только технологический суверенитет Российской Федерации – государственная измена, помимо передачи сведений, составляющих государственную тайну, предполагает иное содействие противнику в деятельности, враждебной Российской Федерации, шпионаж – собирание и передачу иной информации (например, способствующей военному поражению Российской Федерации), а посягательства на коммерческую тайну объединены в один состав с незаконными действиями в отношении налоговой и банковской тайны.

С объективной стороны посягательства на коммерческую и государственную тайну, нарушающие технологический суверенитет Российской Федерации, характеризуются сбором, разглашением и передачей сведений, связанных с нанесением ущерба их обладателям. Вместе с тем описание таких действий отличается непоследовательностью – например, в ст. 275 и 276 УК РФ похищение таких сведений является деянием наряду с собиранием, в ст. 183 УК РФ – способом собирания.

Субъективная сторона данных преступлений характеризуется прямым умыслом, а субъект, как правило, специальный – лицо, которому такая информация стала известна по службе, работе, учебе или в других случаях.

Особенностью ст. 275 и 276 УК РФ является отсутствие механизмов дифференциации уголовной ответственности посредством квалифицирующих признаков, хотя, как показало исследование, фактически общественная опасность может значительно меняться под воздействием разных обстоятельств.

Наконец, законодатель предусмотрел специальное основание освобождения от уголовной ответственности за государственную измену и шпионаж в целях стимулирования лиц к правомерному поведению и минимизации ущерба. В то же время соответствующего основания при разглашении коммерческой тайны нет даже для тех составов, где ущерб еще не причинен.

Таким образом, можно сформулировать следующие рекомендации:

1. Выделить уголовно-правовую охрану коммерческой тайны в отдельный состав преступления, назвав его «Промышленный шпионаж».

2. Предусмотреть в составах посягательств на коммерческую и государственную тайну составы реальной угрозы, указав в них в качестве кримнообразующего признака опасность причинения вреда технологическому суверенитету Российской Федерации.

3. Предусмотреть средства дифференциации уголовной ответственности за государственную измену и шпионаж посредством указания на вред (ущерб), а также наступления иных тяжких последствий.

4. Предусмотреть специальное основание освобождения от уголовной ответственности за промышленный шпионаж, совершенный посредством собирания и хранения сведений, составляющих коммерческую тайну.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ, проведенный в рамках данного исследования, показал, что проблемы технологического развития в его преломлении в контексте государственного суверенитета, его правовое регулирование являются важной и значимой проблемой современного российского права, имеющей межотраслевую специфику.

Исследование данного вопроса показало, что, хотя в России и начал формироваться массив регулирующих норм в области технологического развития в контексте обеспечения реализации государственного суверенитета, мы находимся в начальной фазе данного процесса, который лишь на первом этапе увязан с принятием нового федерального закона о технологическом развитии, но на деле требует комплексного реформирования правовых оснований инновационной, научной, производственной и внедренческой деятельности, обеспечивающих выполнение различных задач, неизбежно возникающих в процессе решения вопросов технологического развития, начиная от гражданско-правовых отношений и отношений в области научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности до вопросов кадрового обеспечения, цифровизации в процессе технологического развития, уголовной политики государства.

В ходе исследования выявлено, что только лишь те механизмы, которые представлены в проекте федерального закона о технологическом развитии, вряд ли могут в полной мере обеспечить реализацию государственной политики в области технологического развития. Очевидна потребность в более комплексной проработке вопросов правового регулирования в том числе посредством унификации законодательства в области технологического развития, научно-исследовательской деятельности и инноваций.

Все это свидетельствует об огромном значении проблематики технологического развития и правового регулирования данного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 года, с учетом изменений, одобрен. Общерос. голосованием 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru.

2. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. Ст. 1416.

3. О науке и государственной научно-технической политике : Федер. закон от 23 авг. 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 35. – Ст. 4137.

4. О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 27 сент. 2013 г. № 253-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

5. О Российском научном фонде и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 2 нояб. 2013 г. № 291-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

6. О промышленной политике в Российской Федерации : Федер. закон от 31 дек. 2014 г. № 488-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 1 (ч. 1). – Ст. 41.

7. Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31 (ч. 1). – Ст. 4765.

8. Об инновационном центре «Сколково» : Федер. закон от 28 сент. 2010 г. № 244-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 40. – Ст. 4970.

9. О развитии технологических компаний в Российской Федерации : Федер. закон от 4 авг. 2023 г. № 478-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 32 (ч. 1). – Ст. 6210.

10. О Военном инновационном технополисе «Эра» Министерства обороны Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные за-

конодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 14 июля 2022 г. № 253-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 29 (ч. 1). – Ст. 5220.

11. О статусе наукограда Российской Федерации : Федер. закон от 7 апр. 1999 г. № 70-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 15. – Ст. 1750.

12. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (ч. 1). – Ст. 5017.

13. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федер. закон от 24 апр. 2020 г. № 123-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 17. – Ст. 2701.

14. О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26. ч. 1. – Ст. 3378.

15. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>.

16. О публично-правовой компании «Роскадастр» : Федер. закон от 30 дек. 2021 г. № 448-ФЗ // Российская газета. – 2022. – № 2.

17. О персональных данных : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Российская газета. – 2006. – № 165.

18. Йоханнесбургская декларация-II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности». – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf> (дата обращения: 15.05.2024)

19. О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : Указ Президента РФ от 30 марта 2022 г. № 166 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 14. – Ст. 2242.

20. Об определении организации, обеспечивающей развитие цифровых технологий идентификации и аутентификации : Указ Президента РФ от 30 сент. 2022 г. № 693 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 40. – Ст. 6791.

21. О развитии техники, технологий и научных исследований в области использования атомной энергии в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 16 апр. 2020 г. № 270 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 16. – Ст. 2571.

22. О развитии природоподобных технологий в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 нояб. 2023 г. № 818 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 45. – Ст. 8035.

23. О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 марта 2022 г. № 83 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 10. – Ст. 1468.

24. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента РФ от 28 февр. 2024 г. № 145 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 10. – Ст. 1373.

25. О порядке разработки и корректировки прогноза научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента РФ от 17 авг. 2023 г. № 622 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 34. – Ст. 6553.

26. О некоторых вопросах Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию : Указ Президента РФ от 15 марта 2021 г. № 144 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 12. – Ст. 1983.

27. О консультативной группе по научно-технологическому развитию : Указ Президента РФ от 15 апр. 2021 г. № 220 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 16 (ч. 1). – Ст. 2750.

28. О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : Указ Президента РФ от 14 апр. 2022 г. № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 16. – Ст. 2650.

29. О Едином реестре конечных получателей государственной поддержки инновационной деятельности : Постановление Правительства РФ от 13 окт. 2022 г. № 1826 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 44. – Ст. 7555.

30. Об утверждении Положения о Комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 30 апр. 2021 г. № 689 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 20. – Ст. 3364.

31. Об отнесении технологических компаний к малым технологическим компаниям и о прекращении статуса малых технологических компаний, формировании и ведении реестра малых технологических компаний и

об информационном взаимодействии : Постановление Правительства РФ от 2 нояб. 2023 г. № 1847 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 46. – Ст. 8248.

32. Об утверждении Правил разработки стратегии развития инновационного научно-технологического центра : Постановление Правительства РФ от 6 июня 2022 г. № 1037 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 24. – Ст. 4062.

33. О создании инновационного научно-технологического центра «Интеллектуальная электроника – Валдай» : Постановление Правительства РФ от 30 сент. 2021 г. № 1649 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 40. – Ст. 6869.

34. О создании инновационного научно-технологического центра «Квантовая долина» : Постановление Правительства РФ от 30 нояб. 2021 г. № 2133 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 49 (ч. 1). – Ст. 8318.

35. О создании инновационного научно-технологического центра «Инновационный научно-технологический центр «Композитная долина» : Постановление Правительства РФ от 21 янв. 2021 г. № 26 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 5. – Ст. 814.

36. О создании инновационного научно-технологического центра «Аэрокосмическая инновационная долина» : Постановление Правительства РФ от 22 апр. 2022 г. № 735 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 18. – Ст. 3070.

37. Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций : Постановление Правительства РФ от 28 окт. 2020 г. № 1750 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 44. – Ст. 7003.

38. Об утверждении Правил ведения реестра экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций и доступа к нему : Постановление Правительства РФ от 1 дек. 2020 г. № 1979 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 49. – Ст. 7949.

39. Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Самарской области : Постановление Правительства РФ от 9 нояб. 2023 г. № 1874 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 46. – Ст. 8265.

40. Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций «Аэрологистика» : Постановление Правительства РФ от 2 нояб. 2023 г. № 1840 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 45. – Ст. 8076.

41. Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации сельскохозяйственных беспилотных авиационных систем : Постановление Правительства РФ от 16 сент. 2023 г. № 1510 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 39. – Ст. 7025.

42. Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года : Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 22. – Ст. 3964.

43. Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации : Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 18 нояб. 2020 г. № 600 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

44. О Послании по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию : Постановление Совета Федерального Собрания РФ от 8 авг. 1996 г. № 326-СФ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 34. – Ст. 4059.

45. Об индустриальных (промышленных) парках и промышленных кластерах на территории Воронежской области : Закон Воронежской области от 2 марта 2016 г. № 01-ОЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru.

46. Об индустриальных парках на территории Смоленской области : Закон Смоленской области от 25 окт. 2017 г. № 118-з // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru.

47. Об инновационно-промышленных парках Тверской области, экотехнопарках Тверской области и о внесении изменений в отдельные законы Тверской области : Закон Тверской области от 6 нояб. 2019 г. № 67-ЗО // Тверские ведомости. – 2019. – 13–19 нояб.

48. О создании и развитии индустриальных (промышленных) парков в Ленинградской области : Областной закон Ленинградской области от 28 июля 2014 г. № 52-оз // Официальный интернет-портал Администрации Ленинградской области. – URL: <http://www.lenobl.ru>.

49. Об индустриальных (промышленных) парках, региональных промышленных площадках на территории Новгородской области : Областной закон Новгородской области от 27 окт. 2017 г. № 154-ОЗ // Новгородские ведомости. – 2017. – 3 нояб.

50. Об индустриальных (промышленных) парках Республики Калмыкия : Закон Республики Калмыкия от 14 мая 2015 г. № 114-V-3 // Хальмгунн. – 2015. – 16 мая.

51. О технопарке в сфере высоких технологий в Республике Мордовия : Закон Республики Мордовия // Известия Мордовии. – 2011. – 26 авг.

52. Об инновационном кластере на территории города Москвы : Закон города Москвы от 20 февр. 2019 г. № 5 // Ведомости Московской городской Думы. – 2019. – № 3. – Ст. 5.

53. О государственной поддержке специализированных субъектов инновационной деятельности в Саратовской области : Закон Саратовской области от 23 июля 2004 г. № 39-ЗСО // Собрание законодательства Саратовской области. – 2004. – № 7. – Ст. 1123.

54. Об инновациях и инновационной деятельности : Закон Саратовской области от 28 июля 1997 г. № 50-ЗСО // Саратовские вести. – 1997. – 11 авг.

55. О государственной поддержке кластеров в Саратовской области : Закон Саратовской области от 30 июня 2014 г. № 84-ЗСО // Собрание законодательства Саратовской области. – 2014. – № 28. – Ст. 18.

56. О поощрении ученых, участвующих в инновационной деятельности : Закон Кемеровской области от 8 мая 2009 г. № 43-ОЗ // Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области. – 2009. – 18 мая.

57. О государственной поддержке инвестиционной, инновационной и производственной деятельности в Кемеровской области : Закон Кемеровской области от 26 ноября 2008 г. № 102-ОЗ // Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области. – 2008. – 15 дек.

58. Об инновационной политике Кемеровской области : Закон Кемеровской области от 2 июля 2008 г. № 66-ОЗ // Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области. – 2008. – 7 июля.

59. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 г. № 8-П // Российская газета. – 2018. – № 39

Научная литература

60. Азизов Р. Ф. Электронное правительство как элемент электронного государства: теоретико-правовой аспект / Р. Ф. Азизов // Интернет и современное общество : тр. XIV Всерос. объединен. конф. – Санкт-Петербург : МультиПроджектСистемСервис (МПСС), 2011. – С. 151–154.

61. Акимочкин В. И. Государственная измена и шпионаж в российском и зарубежном уголовном праве: сравнительный анализ / В. И. Акимочкин, В. Д. Позняк // Право и практика. – 2023. – № 2. – С. 63–66.

62. Акопов Г. Л. Технологический суверенитет как элемент национальной безопасности Российской Федерации / Г. Л. Акопов, В. В. Пашинская, В. Х. Тирацуян // Идеология терроризма и меры противодействия ее распространению: Первые ежегодные Воронцовские чтения : материалы по итогам Науч.-практ. конф. с междунар. участием. Ростов-на-Дону – Та-

ганрог, 17–20 июня 2022 г. – Ростов-на-Дону : ЮРИУФ РАНХиГС, 2022. – С. 133–136.

63. Арановский К. В. Государственное право зарубежных стран : учебник для вузов / К. В. Арановский. – Москва : Форму-Инфра-М, 1998. С. 197.

64. Арзамасов Ю. Г. Цифровое государство: понятие, основные направления деятельности / Ю. Г. Арзамасов, В. Ю. Арзамасов // Вестник Гуманитарного университета. – 2023. – № 4 (43). – С. 32–41.

65. Афанасьев А. А. Технологический суверенитет: к вопросу о сущности и механизме достижения / А. А. Афанасьев // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2023. – № 18–1. – С. 28–33.

66. Афонин А. Н. Технологический суверенитет как основа национальной безопасности / А. Н. Афонин, Н. Н. Киселева // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. – 2023. – № 17. – С. 93–97.

67. Ахметов А. И. Понятие, цели и виды национальной безопасности / А. И. Ахметов, И. Р. Аминов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 5–2(44). – С. 199–201.

68. Бабищ С. А. Ответственность за промышленный шпионаж по современному уголовному праву России / С. А. Бабищ // Безопасность бизнеса. – 2008. – № 1. – С. 22–23.

69. Бабурин С. Н. Территория государства; теоретико-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. Н. Бабурин. – Москва, 1998. – 32 с.

70. Бараташвили Д. И. Принцип суверенного равенства государств в международном праве / Д. И. Бараташвили. – Москва : Наука, 1978. – 118 с.

71. Баранов Д. Н. Сущность и содержание категории «цифровая экономика» / Д. Н. Баранов // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1, Экономика и управление. – 2018. – № 2 (25). – С. 15–22.

72. Белоусов В. И. Технологические уклады и преодоление экономических кризисов / В. И. Белоусов, А. В. Белоусов. – URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=47065> (дата обращения: 20.04.2024).

73. Беляева Г. С. К вопросу об административно-правовом регулировании национальной безопасности в РФ / Г. С. Беляева, Ю. В. Иляхина // Государство созидающее: правовые ресурсы формирования : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию юрид. ин-та НИУ «БелГУ». Белгород, 22 нояб. 2018 г. Белгород : ГиК, 2018. – С. 43–47.

74. Беляева Г. С. Механизм правового обеспечения национальной безопасности: к вопросу о содержании / Г. С. Беляева, М. В. Полякова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5–2(68). – С. 210–213.

75. Березовский Ц. Некоторые проблемы территориального верховенства / Ц. Березовский ; пер. с пол. В. Х. Кона ; под ред. и с предисл. Г. Л. Тункина. – Москва, 1961. – С. 18–19.

76. Бидова Б. Б. Национальная безопасность и национальные интересы: феноменологическая характеристика / Б. Б. Бидова // Право и политика. – 2020. – № 6. – С. 39–55.

77. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохоров. – Москва : Советская энциклопедия, 1993. – 1632 с.

78. Борисов С. В. Государственная измена и шпионаж как одни из наиболее опасных преступлений против безопасности Российской Федерации / С. В. Борисов, А. А. Чугунов // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 3(15). – С. 87–93.

79. Бредихин А. Л. Принципы и свойства государственного суверенитета / А. Л. Бредихин, Е. Д. Проценко // Академический юридический журнал. – 2016. – № 3(65). – С. 4–12.

80. Ваттель Э. де. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / Э. де Ваттель. – Москва, 1960. – С. 39–41.

81. Вихарев С. Р. В. И. Ленин о суверенитете союзных республик / С. Р. Вихарев. – Минск, 1969.

82. Вихарев С. Р. Суверенитет Белорусской ССР в составе Союза ССР / С. Р. Вихарев ; под ред. В. А. Дорогина. – Минск : Изд-во Белорус. Гос. ун-та, 1958. – 128 с.

83. Володенков С. В. Феномен цифрового суверенитета современного государства в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание и особенности / С. В. Володенков // Журнал политических исследований. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 3–11.

84. Воронин В. Н. Качество уголовно-правовой охраны сведений, составляющих государственную тайну: проблемы конструирования норм и дифференциации уголовной ответственности / В. Н. Воронин // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 7. – С. 98–107. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.80.7.098-107

85. Врагова Е. А. Промышленный шпионаж и конкурентная разведка: сравнительный анализ используемых методов / Е. А. Врагова // Актуальные исследования. – 2022. – № 41 (120). – С. 60–66.

86. Глущенко А. В. Технологический суверенитет России: проблемы и перспективы / А. В. Глущенко // Вестник МГУ имени М. В. Ломоносова. Экономика. – 2020. – № 5. – С. 55–71.

87. Государство, общество, личность: проблемы совместимости / под общ. ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. – Москва : Юрист, 2005. – 303 с.

88. Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / В. Э. Грабарь. – Москва : Зерцало, 1958. – 396 с.

89. Демидов А. В. Сущность понятия «национальная безопасность», механизм его реализации (теоретико-правовой аспект) / А. В. Демидов // Экономические стратегии. – 2013. – Т. 15, № 6(114). – С. 134–144.

90. Дзагоев С. В. Уголовно-правовая характеристика шпионажа / С. В. Дзагоев // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 1(217). – С. 117–119. DOI: 10.47643/1815–1329_2023_1_117

91. Дорогий В. А. Суверенитет в советском государственном праве / В. А. Дорогий. – Москва, 1948. – 208 с.

92. Дроздова Л. А. Конкурентная разведка и промышленный шпионаж // Путь в науку. Профессиональное образование и бизнес: траектория развития : материалы Междунар. науч. конф. и студ. олимпиады. Орел, 25–30 апр. 2017 г. / под общ. ред. Е. П. Лидинфа. – Орел : Орлов. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2017. – С. 93–97.

93. Дубень, А. К. Технологический суверенитет как основа национальной безопасности Российской Федерации / А. К. Дубень // Вопросы безопасности. – 2023. – № 4. – С. 166–172.

94. Ештокин С. В. Сквозные технологии цифровой экономики как фактор формирования технологического суверенитета страны // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 1301–1314.

95. Золаев Э. А. Цифровое государство как новый этап развития общества / Э. А. Золаев // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 5. – С. 1583–1594.

96. Иванчина Ю. В. Кадровая политика государства: баланс публичных и частных интересов / Ю. В. Иванчина // Ежегодник трудового права. – 2022. – № 12. С. 108–121.

97. Кабышев В. Т. Элементы понятия государственной власти / В. Т. Кабышев // Проблемы конституционного права / отв. ред. И. Е. Фарбер. – Саратов, 1969. – С. 19–39.

98. Казанцев С. В. Национальные интересы, стратегические цели и долгосрочная безопасность Российской Федерации / С. В. Казанцев // Мир новой экономики. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 40–49.

99. Калинин Н. Л. Импортозамещение и технологический суверенитет / Н. Л. Калинин // Образование и право. – 2023. – № 11. – С. 87–91.

100. Калугин С. В. Российский технологический суверенитет: история и современность / С. В. Калугин, В. В. Корольков // Экономика и предпринимательство. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 468–475.

101. Карташкин В. А. Соотношение принципов уважения прав человека и государственного суверенитета / В. А. Карташкин // Юрист-международник. – 2006. – № 1. – С. 5–6.

102. Климова В. В. Технологические уклады – материальная основа экономического развития общества / В. В. Климова // Вестник СамГУПС. – 2010. – № 2(20). – С. 30–32.

103. Козырев А. Л. Проблемы соотношения государственного суверенитета Российской Федерации и государственной власти ее субъектов / А. Л. Козырев // Право и политика. – 2003. – № 5. – С. 31–36.

104. Колобов Р. Ю. Право и искусственный интеллект : монография / Р. Ю. Колобов, М. Г. Тирских, Р. Ю. Хертуев. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. – 107 с.

105. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. А. Ашин, А. П. Войтович, Б. В. Волженкин [и др.] ; под ред. А. И. Чучаева. – Москва : Контракт : ИНФРА-М, 2009. – 1016 с.

106. Константинов И. Б. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики / И. Б. Константинов, Е. П. Константинова // Вестник ПАГС. – 2022. – № 5. – С. 12–22

107. Корнев В. М. Кадровый потенциал сельскохозяйственных организаций: формирование и использование (теория и практика) / В. М. Корнев. – Москва, 2004. – 295 с.

108. Котов А. К. Государственный суверенитет Республики Казахстан: политико-правовой анализ становления и проблемы национально-государственного развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. К. Котов. – Алматы, 1994. – 28 с.

109. Кузьмин Э. Л. Мировое государство: иллюзии или реальность? Критика буржуазных концепций суверенитета / Э. Л. Кузьмин. – Москва : Междунар. отношения, 1969. – 199 с.

110. Куняев Н. Н. Правовое обеспечение национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Н. Куняев. – Москва, 2010. – 55 с.

111. Курочкин Д. В. Сущность категории «технологический суверенитет региона» в современных экономических реалиях / Д. В. Курочкин, Л. А. Ельшин // Глобальный научный потенциал. – 2023. – № 9(150). – С. 173 (173–175).

112. Липинский Д. А. О целях и функциях юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности / Д. А. Липинский // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2020. – № 3(53). – С. 6–20.

113. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный) / Н. А. Лопашенко. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.

114. Магазинер Я. М. Лекции по государственному праву (общее государственное право) / Я. М. Магазинер. – Петроград, 1919. – С. 116–117.

115. Магура М. И. Поиск и отбор персонала. Настольная книга для предпринимателей, руководителей кадровых служб и менеджеров / М. И. Магура. – Москва, 1999. – 160 с.

116. Макаров М. Г. Категория «цель» в марксистской философии / М. Г. Макаров. – Москва : Наука, 1977. – 188 с.

117. Малов А. В. Продовольственный суверенитет как фактор современного миропорядка / А. В. Малов // РСМ. – 2018. – № 1 (98) – С. 146–156.

118. Марцинкевич В. И. США: человеческий фактор и эффективность экономики / В. И. Марцинкевич. – Москва : Наука, 1991. – 240 с.

119. Марченко М. Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания / М. Н. Марченко // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 186–197..

120. Мелкумов А. Л. Канадский федерализм: теория и практика / А. Л. Мелкумов. – Москва : Экономика, 1998. – 220 с.

121. Технологии кадрового менеджмента / И. В. Мишурова [и др.]. – Москва : Ростов н/Д : МарТ, 2004. – 368 с.

122. Мишустин рассказал о системных мерах для достижения технологического суверенитета // Официальный сайт «ТАСС». – URL: <https://tass.ru/ekonomika/20435295> (дата обращения 05.04.2024).

123. Миэринь Л. А. Технологический суверенитет как условие долгосрочной национальной экономической безопасности / Л. А. Миэринь, В. В. Погодина, А. А. Смирнов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 6–1(144). – С. 63–70.

124. Мусаева Г. М. Обеспечение национальной безопасности: понятие, цель и основные методы / Г. М. Мусаева, А. М. Абубакаров // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2018. – № 1. – С. 83–90.

125. Нарутто С. В. Информационный суверенитет: конституционные основы в условиях развития цифрового государства / С. В. Нарутто, С. Ю. Колмаков, И. М. Япрынцева // Образование и право. – 2022. – № 10. – С. 14–22.

126. Никулин, Р. А. Тенденции развития технологического суверенитета макроэкономической системы : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Р. А. Никулин. – Казань, 2023. – 24 с.

127. Оппенгейм Л. Ф. Л. Международное право / Л. Ф. Л. Оппенгейм ; пер. с 6-го англ. изд., доп. Л. Лаутерпахтом ; под ред. и с предисл. С. Б. Крылова. – Петроград ; Москва, 1948. – Т. 1 : Мир. – С. 130

128. Осипов В. С. Дорога из желтого кирпича к цифровому государству / В. С. Осипов // Цифровое право. – 2020. – № 1(2). – С. 28–40.

129. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие /

Ю. И. Антонов, В. Б. Боровиков, А. В. Галахова [и др.] ; под ред. А. В. Галаховой. – Москва : Норма, 2014. – 736 с.

130. Палиенко Н. И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение / Н. И. Палиенко. – Ярославль : тип. Губерн. правл., 1903. – 567 с.

131. Панарин И. Н. Коммуникационный суверенитет России / И. Н. Панарин // Обзор. НЦПТИ. – 2013. – № 2. – С. 8–13.

132. Понкин И. В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология / И. В. Понкин // Государственная служба. – 2021. – Т. 23, № 5 (133). – С. 47–52.

133. Попова Г. В. Развитие: понятие и сущность (теоретический аспект) / Г. В. Попова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 4 (44). – С. 139–148.

134. Потапцева Е. В. Технологический суверенитет: понятие, содержание и формы реализации / Е. В. Потапцева, В. В. Акбердина // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2023. – Т. 25, № 3. – С. 5–16.

135. Приходько И. И. Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2022. – № 4. – С. 88–96.

136. Проблемы суверенитета в Российской Федерации / под ред. Б. С. Крылова, И. П. Ильинского, И. А. Михалевой. – Москва : Республика, 1994. – 173 с.

137. Пунинская А. А. Коммерческий шпионаж: понятие, признаки, меры защиты и профилактики / А. А. Пунинская, Н. В. Пантелеева // Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Брянск, 13–14 марта 2017 г. Т. 2. – Брянск : Брян. гос. ун-т имени акад. И. Г. Петровского, 2017. – С. 240–242.

138. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие / Н. А. Пьянов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – 583 с.

139. Рясов А. И. Уголовно-правовая регламентация ответственности за государственную измену / А. И. Рясов, Д. А. Ряов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3(61). – С. 28–32.

140. Саидов З. А. Система национальной безопасности России и правовые механизмы обеспечения ее реализации / З. А. Саидов, Н. У. Ярычев. – Грозный : Чечен. гос. ун-т им. Ахмата Абдулхамидовича Кадырова, 2021. – 246 с.

141. Самусевич А. Г. Понятие и структура механизма конституционного правоприменения: постановка проблемы / А. Г. Самусевич // Четвертые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пянова : материалы конф. Иркутск : Межрегион. ассоциация теоретиков государства и права, 2023. – С. 88–94.

142. Скалова Л. В. О соотношении основных и отраслевых принципов международного права / Л. В. Скалова // Международное сотрудничество и международное право. – Москва : Изд-во ИГиП АН СССР, 1977. – С. 32–40.

143. Станкин А. Н. О конституционно-правовом регулировании национальной безопасности / А. Н. Станкин // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 4. – С. 41–46.

144. Сухов Е. И. Информационное общество как новое общество / Е. И. Сухов // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 7. – С. 101–103.

145. Сытник А. А. Современные подходы к определению технологических укладов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического института. 2011. – № 3(37). – С 41–43.

146. Техническое творчество: теория, методология, практика. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. А. И. Половинкина, В. В. Попова. – Москва : Информ-система, 1995. – 408 с.

147. Трайнин И. Л. К вопросу о суверенитете / И. Л. Трайнин // Советское государственное право. – 1938. – № 2.

148. Третьякова Е. С. Национальный интерес и внешняя политика российского государства в XIX в. // Интересы в праве. Жидковские чтения : материалы Всерос. науч. конф. Москва, 25–26 марта 2016 г. / отв. ред. М. В. Немытина. – Москва, 2017. – С. 459.

149. Тхалиджоков Э. Х. Понятие и сущность финансовой безопасности и финансового суверенитета: соотношение понятий / Э. Х. Тхалиджоков // Вестник науки. 2023. – № 4 (61). – С. 45–52.

150. Удычак Ф. Н. Государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ф. Н. Удычак. – Краснодар, 2011. – 20 с.

151. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма / И. А. Умнова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Дело, 2000. – 302 с.

152. Ушаков Н. А. Суверенитет в современном международном праве / Н. А. Ушаков. – Москва : Изд-во ИМО, 1963. – 271 с.

153. Фальцман В. Технологические суверенитеты России. Статистические измерения // Современная Европа. – 2018. – № 3. – С. 83–91.

154. Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. Б. Н. Топорнин. – Москва : Юрист, 2001. – 374 с.

155. Федерация в зарубежных странах / отв. ред. Д. А. Ковачев. – Москва : Юрид. лит., 1993. – 109 с.

156. Фетюков Ф. В. Законодательство о клонировании человека: мировой опыт и правовая модель для современной России / Ф. В. Фетюков // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 4. – С. 881–890

157. Хабриева Т. Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2005. – № 12. – С. 19–29.

158. Хабриева Т. Я. Избранные труды. В 10 т. Т. 6. Теория толкования права. Теория правотворчества. Концепции развития законодательства / Т. Я. Хабриева. – Москва : РАН, 2018. – 407 с.

159. Цифровая экономика. Проблемы правового регулирования: монография / [Арнаутов Д., Белая О. В., Вехов В. Б. и др.]: отв. ред.: В. В. Зайцев, О. А. Серова. – Москва : КноРус, 2019. – 120 с.

160. Чапчиков С. Ю. Особенности основных категорий механизма правового регулирования в сфере национальной безопасности / С. Ю. Чапчиков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 1 (32). – С. 5–15.

161. Черниченко С. В. Теория международного права. В 2 т. Т. 2. Старые и новые теоретические проблемы / С. В. Черниченко. – Москва : НИМП, 1999. – 525 с.

162. Чиркин В. Е. О публичной власти (Постановка проблемы) // Государство и право. – 2003. – № 10. – С. 1–3

163. Шабаева О. А. Поощрительные правовые режимы в налоговом праве / О. А. Шабаева // Миссия современного государства и права в эпоху социальных перемен : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – С. 175–179.

164. Шахновская И. В. Понятие и признаки цифрового государства // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. – 2022. – № 6. – С. 134–137.

165. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия : пер. с англ. / Й. Шумпетер ; [отв. ред. и авт. предисл. В. С. Автономов]. – Москва : Экономика, 1995. – 539 с.

166. Ягунова Н. А. Технологический суверенитет Российской Федерации, как основа национальной безопасности / Н. А. Ягунова // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2023. – № 3(57). – С. 5–8.

167. Янковская Е. С. Технологический суверенитет России: понятие, сущность, стратегия и пути ее реализации / Е. С. Янковская // Ученые за-

писки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2022. – № 4 (84). – С. 76–81.

168. Янковская Е. С. Цифровизация и технологический суверенитет России / Е. С. Янковская // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2023. – № 1 (85). – С. 81–85.

Литература на иностранных языках

169. Abe J. O. Hydrogen energy, economy and storage: Review and recommendation / J. O. Abe, A. P. I. Popoola, E. Ajenifuja // International Journal of Hydrogen Energy. – 2019. – Vol. 44. – P. 15072–15086.

170. Andrews-Speed P. China's rare earths dominance and policy responses. OEIS Paper: CE 7 / P. Andrews-Speed, A. Hove. – URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2023/06/CE7-Chinas-rare-earths-dominance-and-policy-responses.pdf> (дата обращения: 26.12.2023).

171. Beaucillon C. Strategic Autonomy: A New Identity for the EU as a Global Actor / C. Beaucillon // European Papers. – 2023. – Vol. 8, N 2. – P. 417–428.

172. Bebr G. The European Coal and Steel Community: A Political and Legal Innovation / G. Bebr // The Yale Law Journal. – 1953. – Vol. 63, N 1. – P. 1–43.

173. Bockris J. O'M. A Hydrogen Economy / J. O'M. Bockris // Science. – 1972. – Vol. 176, N 4041. P. 1323.

174. Carlo D. D. Europefirst? The rise of EU industrial policy promoting and protecting the single market / D. D. Carlo, L. Schmitz // Journal of European Public Policy. – 2023. – Vol. 30, N 10. – P. 2063–2096.

175. Closing gaps in LCA of lithium-ion batteries: LCA of lab-scale cell production with new primary data / M. Erakca, S. P. Bautista, M. Saminch [et al.] // Journal of Cleaner Production. – 2023. – Vol. 384. – Art. 135510. – P. 1–17.

176. Degen F. Lithium-ion battery cell production in Europe. Scenarios for reducing energy consumption and greenhouse gas emissions until 2030 / F. Degen // Journal of Industrial Ecology. – 2023. – Vol. 27, N 3. – P. 964–976.

177. Global implications of the EU battery regulation / H. Melin, M. A. Rajacifar, A. Y. Ku, A Kendall., G. Harper, O. Heidrich // Science. – 2021. – Vol. 373., N 6553. – P. 384–387.

178. Guo Q. A comprehensive evaluation of the international competitiveness of strategic minerals in China, Australia, Russia and India: The case of rare earths / Q. Guo, W. You // Resources Policy. – 2023. – Vol. 85. – Art. 103821. – P. 1–9.

179. Investigation and standardisation of electrolyzers for green hydrogen production using the test infrastructure in Bremerhaven, Germany / L. Beck, J. Barthel, G. Quistorf, K. Schalk, N. Denecke // *Journal of Physics: Conference Series*. – 2022. – Vol. 2257. – Art. 012005. – P. 1–10.

180. Jackson J. H. Sovereignty – Modern: A New Approach to an Outdated Concept / J. H. Jackson // *American Journal of International Law*. – 2003. – Vol. 97, N 4. – P. 782–802.

181. Jackson R. Sovereignty in World Politics: a Glance at the Conceptual and Historical Landscape / R. Jackson // *Political Studies*. – 1999. – Vol. 47, N 3. – P. 431–456.

182. Johansson N. Is this the end of end-of-waste? Uncovering the space between waste and products / N. Johansson, C. Forsgren // *Resources, Conservation & Recycling*. – 2020. – Vol. 155. – Art. 104656.

183. Ketels C. H. M. Industrial Policy in the United States / C. H. M. Ketels // *Journal of Industry Competition and Trade*. – 2007. – Vol. 7. – P. 147–167.

184. Kloo Y. Reaching net-zero in the chemical industry – A study of roadmaps for industrial decarbonisation / Y. Kloo, L. J. Nilsson, E. Palm // *Renewable and Sustainable Energy Transition*. – 2024. – Vol. 5. – Art. 100075. – P. 1–20.

185. Lagioia G. Blue and green hydrogen energy to meet European Union decarbonisation objectives. An overview of perspectives and the current state of affairs / G. Lagioia, M. P. Spinelli, V. Amicarelli // *International Journal of Hydrogen Energy*. – 2023. – Vol. 48. – P. 1304–1322.

186. Liao M., Lan K., Yao Y. Sustainability implications of artificial intelligence in the chemical industry / M. Liao, K. Lan, Y. Yao // *Journal of Industrial Ecology*. – 2021. – Vol. 26. – P. 164–182.

187. Oliveira A. M. A green hydrogen economy for a renewable energy society / A. M. Oliveira, R. R. Beswick, Y. Yan // *Current Opinion in Chemical Engineering*. – 2021. – Vol. 33. – Art. 100701. – P. 1–7.

188. Petzina D. The Origin of the European Coal and Steel Community: Economic Forces and Political Interests / D. Petzina // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. – 1981. – Vol. 137, N 3. – P. 450–468.

189. Pianta M. The policy space for a novel industrial policy in Europe / M. Pianta, M. Lucchese, L. Nascia // *Industrial and Corporate Change*. – 2020. – Vol. 3. – P. 779–795.

190. Schrank A. Industrial Policy in the United States: A Neo-Polanyian Interpretation / A. Schrank, J. Whitford // *Politics & Society*. – Vol. 37, N 4. – P. 521–553.

191. Shen C. Research on the Technological Development of Lithium Ion Battery Industry in China / C. Shen, H. Wang // *Journal of Physics: Conference Series*. – 2019. – Vol. 1347. – Art. 012087. – P. 1–9.

192. Shrank A. Design Principles for American Industrial Policy / A. Shrank // *Issues in Science and Technology*. – Vol. 37, N 3. – P. 79–85.
193. Technological Developments in Batteries / X. Hu, C. Zou, C. Zhang, i Y. L // *IEEE power & energy magazine*. – 2017. – Vol. 15, N 5. – P. 20–31.
194. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means / E. Jakob, K. Blind, H. Kroll, T. Schubert // *Research Policy*. – 2023. – Vol. 52. – Art. 104765. – P. 1–13.
195. Towards an Evidence-Based and Integrated Policy Cycle in the EU: A Review of the Debate on the Better Regulation Agenda / G. Listorti, E. Basyte-Ferrari, S. Acs, P. Smits // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. – 2020. – Vol. 56, N 6. – P. 1359–1642.
196. Tracing magnesium flows in China: A dynamic material flow analysis / T. Guo, Y. Geng, X. Song, X. Rui, Z. Ge // *Resources Policy*. – 2023. – Vol. 83. – Art. 103627. – P. 1–13.
197. Venkatasubramanian V. The Promise of Artificial Intelligence in Chemical Engineering: Is It Here, Finally? / V. Venkatasubramanian // *AIChE Journal*. – 2019. – Vol. 65, N 2. – P. 466–478.
198. Volk C. The Problem of Sovereignty in Globalized Times / C. Volk // *Law, Culture and Humanities*. – 2022. – Vol. 18, N 3. – P. 716–738.
199. Wade R. H. Return of Industrial Policy? / R. H. Wade // *International Review of Applied Economics*. – 2012. – Vol. 26, N 2. – P. 223–239.
200. Wang X. How China Came to Dominate the Global EV Lithium-ion Battery Value Chain Lessons and Opportunities for Africa / X. Wang // *Centre for Business and Development Studies. Centre for Business and Development Studies. Policy Brief No. December 2022. P. 1–8. URL: <https://research.cbs.dk/en/publications/how-china-came-to-dominate-the-global-ev-lithium-ion-battery-valu>* (дата обращения: 26.12.2023).

**Аналитические материалы
по проекту федерального закона**

**«О технологической политике в Российской Федерации
и внесении изменений в отдельные законодательные акты
Российской Федерации» и проблеме определения юридического
статуса академгородков**

Научный руководитель и главный редактор:
д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России
С. И. Шишкин

Авторский коллектив:
канд. юрид. наук, доц. Р. Ю. Колобов – § 1, 2, 3, 4
канд. юрид. наук, доц. М. Г. Тирских – § 4
канд. юрид. наук, доц. Р. Ю. Хертуев – § 4

Введение

Настоящие аналитические материалы подготовлены в связи с разработкой проекта Федерального закона «О технологической политике в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – законопроект, проект), а также необходимостью юридического закрепления статуса академгородков.

Структура аналитических материалов включает в себя общую характеристику законопроекта и вводимых им правовых конструкций; выявление роли научно-исследовательской деятельности и научных организаций в реализации технологической политики в соответствии с законопроектом; критический анализ правового положения головного исполнителя важнейших проектов технологического суверенитета. Отдельный параграф материалов посвящен выявлению возможных вариантов закрепления правового статуса академгородков.

В приложении № 1 приведена таблица подзаконных актов, принятие которых предусматривается законопроектом, в приложении № 2 сгруппированы положения законопроекта, имеющие отношение к осуществлению научно-исследовательской деятельности. В приложении № 3 приведен текст законопроекта в редакции, представленной на федеральном портале проектов нормативных правовых актов по состоянию на ноябрь 2023 г., который явился предметом настоящего исследования³⁰⁹. Поскольку текст проекта находится в стадии разработки и еще не вносился в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, его последующие версии могут значительно отличаться от редакции, на которой основываются настоящие аналитические материалы.

Выбор *методологии* подготовки аналитических материалов определен сугубо прикладными целями их последующего использования, в связи с чем их разработка основывалась, в основном, на применении формально-юридических подходов, состоящих в сопоставлении юридических конструкций законопроекта с содержанием действующих нормативных правовых актов. Проведенный анализ может служить основой для дальнейших научных исследований оптимальных моделей правового регулирования реализации технологической политики с применением всего арсенала юридической методологии: сравнительно-правового метода, основывающегося на глубоком изучении иностранных доктринальных и легальных источников, группы историко-правовых методов, юридического прогнозирования и др.

Дословные цитаты текста законопроекта для удобства восприятия выделяются петитом.

³⁰⁹ URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=142135> (дата обращения: 10.02.2024).

§ 1. Общая характеристика законопроекта

1.0. В настоящем параграфе представлен нормативный контекст законопроекта, обращено внимание на некоторые спорные нормативные решения и проведен поглавный анализ наиболее важных правовых конструкций.

1.1. Анализируемый законопроект будет встроен в систему нормативно-правовых актов и документов политического характера, определяющих правовые и организационные основы развития технологических инноваций и обеспечения технологического суверенитета России.

Его разработка вытекает из поручения Президента РФ № Пр-1553 от 01.09.2022, во исполнение которого разработана Концепция технологического развития на период до 2030 года³¹⁰ (далее также – Концепция). В ее тексте содержится развернутый анализ направлений технологического развития страны на среднесрочную перспективу. Многие из закрепленных в ней понятий находят отражение в тексте законопроекта. К числу документов стратегического планирования, затрагивающих смежные вопросы, относится и новая Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ 28 февраля 2024 г.³¹¹ (далее – Стратегия).

На уровне федерального законодательства наиболее общий характер носят Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации»³¹² и Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»³¹³. Решение специальных задач развития технологических инноваций должно обеспечиваться механизмами Федерального закона «О развитии технологических компаний в Российской Федерации»³¹⁴ и принятыми в его развитие нормативными актами Правительства РФ в части регламентации процедур приобретения статуса малой технологической компании.

Ряд отношений, входящих в предмет регулирования законопроекта, на настоящий момент уже урегулирован подзаконными актами, принятыми на уровне Правительства РФ. К ним относится, в частности, Постанов-

³¹⁰ Концепция технологического развития на период до 2030 г. : утв. Распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р // Собр. законодательства РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

³¹¹ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

³¹² О промышленной политике в Российской Федерации : федер. закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2015. № 1. (ч. 1). Ст. 41.

³¹³ О науке и государственной научно-технической политике : федер. закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

³¹⁴ О развитии технологических компаний в Российской Федерации : федер. закон от 04.08.2023 № 478-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6210.

ление Правительства от 15.04.2023 № 603³¹⁵, утверждающее приоритетные направления проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации.

1.2. Законопроект состоит из 48 статей, объединенных в 11 глав. Значительное число его положений предполагает развитие подзаконного регулирования на уровне Правительства РФ или иных органов исполнительной власти.

С точки зрения юридической техники в законе присутствуют спорные решения. Некоторые важные понятия определяются в составе других понятий. К примеру, определение национального контроля (п. 5 ч. 3 ст. 3) дано в скобках в составе дефиниции собственной линии разработки. При этом оно явно заслуживает самостоятельного раскрытия с указанием критериев контроля. Определение Национальной технологической инициативы закреплено в ч. 5 ст. 30 проекта, а не в ст. 3, посвященной понятийному аппарату, и также выделено скобками.

Формулировки некоторых положений законопроекта не позволяют установить их смысл. К примеру, в п. 7 ч. 2 ст. 4 в числе задач технологической политики закрепляется в том числе «предоставление гарантий прав и законных интересов субъектов, осуществляющих *формирование технологической политики* Российской Федерации, и лиц, осуществляющих деятельность в сфере технологического развития». В соответствии со ст. 8 проекта, к субъектам, осуществляющим формирование технологической политики, относится, в частности, Президент РФ. Существующая юридическая доктрина и конституционные правовые акты не оперируют конструкцией «гарантии прав и законных интересов Президента РФ».

Ряд положений законопроекта содержит спорные формулировки с точки зрения соотношения с положениями гражданского законодательства. Часть 2 ст. 29 проекта закрепляет право научных организаций и организаций высшего образования создавать *объединения* путем учреждения юридического лица либо на основании гражданско-правового договора без образования юридического лица в целях реализации научных и научно-технических проектов. Употребление термина «объединения» создает правовую неопределенность, поскольку через объединение в ст. 123.8 ГК РФ

³¹⁵ Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 // Собр. законодательства РФ. 2023. № 17. ст. 3141.

определяется организационно-правовая форма союза (ассоциации). Поэтому указанное положение проекта может быть трактовано как недопускающее использовать иные организационно-правовые формы юридических лиц в указанных целях.

В некоторых положениях законопроекта используются понятия, спорные с точки зрения корректности употребления терминологии. К примеру, в п. 8 ч. 1. ст. 20 в числе условий включения проекта технологического суверенитета в перечень важнейших проектов технологического суверенитета закрепляется определение административных и (или) правовых *затруднений* и мер по их устранению. В современной юридической практике термин «затруднения» не используется, в связи с чем он либо требует раскрытия в ст. 3 (к примеру, через понятие административных барьеров) либо замены на иной общепринятый и определенный в действующем законодательстве термин.

Часть 4 ст. 16 проекта закрепляет право создавать объединения путем учреждения юридического лица или приобретения доли в уставном (складочном) капитале юридического лица, для обозначения которых используется словосочетание «*технологический холдинг*». В мировой хозяйственной практике под холдингом понимается управляющая компания, концентрирующая корпоративный контроль (англ. hold: держащая). В российской правовой и экономической практике холдингом обозначается и вся группа юридических лиц, в отношении которой реализуется общий корпоративный контроль. В предлагаемом же варианте законопроекта холдинг будет представлять собой одно юридическое лицо созданное несколькими другими юридическими лицами (т. е. в отношении которого осуществляется корпоративный контроль).

Кроме того, ст. 4 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»³¹⁶ закрепляет понятие «банковский холдинг», под которым понимается *не являющееся юридическим лицом* объединение юридических лиц. Таким образом, в случае принятия законопроекта, в российском правовом порядке будут существовать холдинги как являющиеся юридическими лицами, так и не являющиеся ими (при отсутствии общего понятия холдинга).

В тексте законопроекта присутствуют ошибки редакционного характера: в ч. 1 ст. 10 сбивается нумерация пунктов (два пункта обозначены одним и тем же номером).

1.3. Текст законопроекта насыщен различными правовыми конструкциями как уже присутствующими в российской правовой системе, так и только планируемыми к введению. Наиболее важных из них представлены далее в поглавном анализе текста проекта.

³¹⁶ О банках и банковской деятельности : федер. закон от 02.12.1990. № 395-1 // Собр. законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

1.3.1. Глава 1. Общие положения. Как отмечается в пояснительной записке к законопроекту, его появление обусловлено, в том числе, самостоятельным характером технологической политики по отношению к научно-технической и промышленной политике. Такая самостоятельность обеспечивается посредством определения предмета правового регулирования закона (ст. 1), целей и задач его регулирования (ст. 4), системы принципов (ст. 5), специального понятийного аппарата (ст. 3) и инструментов реализации технологической политики (ст. 6).

Отдельные правовые конструкции, используемые в законопроекте, будут раскрыты далее в ходе поглавного анализа, в качестве же общего замечания необходимо отметить явную недостаточность положений ст. 3 в части закрепления понятийного аппарата, а также эклектичность положений ст. 6. Инструменты реализации технологической политики включают в себя разнородные неклассифицированные понятия, некоторые из которых могут рассматриваться как нормы-принципы (например, т. н. «право на риск»). Регулированию некоторых из инструментов, закрепленных в ст. 6, посвящены отдельные главы законопроекта (специальный правовой режим, инфраструктура технологического развития, информационное обеспечение). В то же время пояснительная записка к законопроекту не раскрывает, почему регулирование использования других инструментов реализации технологической политики не выделяется в отдельные главы (к примеру, национальная технологическая инициатива и закупка прикладных научных исследований и опытно-конструкторских работ). По этой причине принципы построения структуры законопроекта остаются неясными.

1.3.2. Глава 2. Субъекты, осуществляющие формирование технологической политики, и лица, осуществляющие деятельность в сфере технологического развития. В этой главе содержится традиционное для российской юридической техники описание субъектного состава регулируемых отношений с закреплением наиболее важных полномочий государственных органов. Большая часть таких полномочий будет раскрыта далее в настоящем документе во избежание дублирования материала.

Формирование технологической политики осуществляется органами государственной власти (Президентом РФ, федеральными и региональными органами власти).

Отдельные полномочия в области технологической политики могут передаваться Правительством РФ юридическим лицам. На настоящий момент некоторые функции уже осуществляются ВЭБ. РФ. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 15.04.2023 № 603, ВЭБ. РФ ведет реестр проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики РФ.

В контексте целей настоящего анализа необходимо выделить две категории лиц, осуществляющих деятельность в области технологического развития:

1) организации с государственным участием, реализующие программы инновационного развития (далее также – ПИР). Эта категория организаций определена решением Совета при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию (протокол № 3 от 24.06.2016) и включает в себя 57 государственных корпораций, акционерных общества и ФГУП. В отношении этих организаций государством проводится т. н. «принуждение к инновациям» (одним из интегральных документов, отражающих цели этого процесса, является паспорт ПИР, утверждаемый каждой организацией). Основные требования к ПИР закреплены в ст. 31 проекта.

2) разработчики технологий и производители высокотехнологичной продукции. В главе 2 эти субъекты не раскрываются, их перечисление содержит ст. 29 проекта. В частности, к обеим группам могут относиться научные организации и образовательные организации высшего образования (п. 3 ч. 1 ст. 29).

1.3.3. Глава 3. Развитие критических технологий.

Организационной формой обеспечения развития критических технологий является *проект технологического суверенитета*, направленный на обеспечение *серийного* производства наиболее востребованной высокотехнологичной продукции с использованием критических технологий, разработку и внедрение отечественного программного обеспечения для критической информационной инфраструктуры на всех стадиях разработки, внедрения и развития технологических инноваций.

В отношении таких проектов Правительство утверждает критерии (таксономию). На настоящий момент таксономия утверждена приложением к Постановлению Правительства РФ от 15.04.2023 № 603. По сообщению Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, проекты технологического суверенитета уже реализуются в условиях действующего нормативно-правового регулирования. По состоянию на 26 декабря 2023 г. отобрано 11 проектов на сумму 234 млрд рублей в отношении которых применяется снижение коэффициентов риска, и, как следствие, – снижение процентных ставок по кредиту³¹⁷.

Особой разновидностью указанных проектов являются важнейшие проекты технологического суверенитета.

Их реализация имеет системное значение для функционирования экономики и решения социально-экономических задач Российской Федерации, обеспечения обороны и безопасности государства, достижения технологического паритета в области критических технологий с иностранными

³¹⁷ Отобраны первые проекты технологического суверенитета России на 234 млрд рублей. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/48951> (дата обращения: 05.02.2024).

ми государствами, являющимися лидерами в соответствующей области (ч. 2 ст. 15).

Перечень важнейших проектов технического суверенитета утверждается Правительством Российской Федерации с учетом требований к ним, предусмотренных ст. 20 законопроекта. Такие требования достаточно многочисленны, среди них можно отметить установление минимального объема денежных средств, необходимого для реализации проекта, в размере 10 миллиардов рублей, определение форм и способов научно-исследовательского и научно-технического обеспечения проекта, определение мер государственного стимулирования и механизма обеспечения долгосрочного спроса на высокотехнологичную продукцию в объеме не менее 50 процентов объема средств, необходимых для реализации важнейшего проекта технологического суверенитета.

Основные параметры важнейшего технологического проекта формализуются в его *паспорте* (ч. 4 ст. 15). В нем в, в частности, фиксируются обязательства участников проекта, механизм обеспечения спроса на продукцию, *меры государственного стимулирования* и меры имущественной ответственности.

Общая схема построения отношений по реализации важнейшего проекта технологического суверенитета выглядит следующим образом.

Куратор проекта (Заместитель Председателя Правительства РФ) организует его реализацию, а также вправе создавать *координационные советы* с целью сбора информации о спросе на продукцию, определения мер стимулирования и рассмотрения разногласий. *Главной исполнителем*, являющийся российской организацией, производящей или намеревающейся стать производителем высокотехнологичной продукции заключает долгосрочное соглашение с *квалифицированным заказчиком*, – организацией или государственным органом, обеспечивающим долгосрочный спрос на высокотехнологичную продукцию, производимую в рамках проекта.

Участники проекта технологического суверенитета вправе создавать юридическое лицо – *технологический холдинг* в целях реализации проекта. К реализации проекта могут привлекаться *технологические брокеры* (оказывают услуги по коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности технологических компаний, решение технологических задач производителей и др.) и *технологические интеграторы* (собирают информацию о спросе крупных покупателей, формируют консолидированный заказ и др.). Правительству РФ предоставляются полномочия по установлению случаев обязательного привлечения малых технологических компаний и иных субъектов к реализации важнейших проектов технологического суверенитета.

1.3.4. Глава 4. Развитие сквозных технологий. Под сквозными технологиями понимаются

перспективные технологии межотраслевого назначения, которые обеспечивают создание высокотехнологичной продукции, разработку и внедрение технологических инноваций, оказывают существенное влияние на развитие экономики, радикально меняют существующие рынки или способствуют формированию новых рынков. Перечень таких технологий должен быть утвержден Правительством РФ на основе научно-технических прогнозов (форсайтов) (п. 5 ч. 1 ст. 3).

На настоящий момент действует *предварительный перечень сквозных технологий*, утвержденный приложением № 2 к Концепции технологического развития на период до 2030 г. К таким технологиям, в частности, относятся технологии искусственного интеллекта, распределенных реестров, сенсорики и др.

Анализируемой главой вводится понятие проекта по развитию сквозных технологий, реализуемого на основании соглашения российской организации с Правительством РФ. Организации должны обладать необходимыми ресурсами, в том числе *результатами исследований и разработок*.

1.3.5. Глава 5. Специальный правовой режим разработки и использования критических и сквозных технологий, собственных линий разработки. Специальный правовой режим определяется как совокупность правовых условий для стимулирования разработки и использования трех видов объектов: 1) критических технологий, 2) сквозных технологий, 3) собственных линий разработки.

Проект содержит три возможных вида специальных правовых режимов.

Первый – режим поддержки текущего уровня – направлен на обеспечение производства высокотехнологичной продукции в объеме, предусмотренном *проектами технологического суверенитета*. Срок его действия – от трех до шести лет. К числу наиболее важных содержательных особенностей этого режима относится возможность введения требований к кооперационным цепочкам (например, в части степени локализации).

Второй вид специального правового режима – режим поддержки ускоренной разработки. Он может вводиться сроком более шести лет и предусматривать, в частности, введение экспериментальных правовых режимов, а также новых механизмов финансового обеспечения разработки и развития технологий.

Третий вид режима – режим поддержки долгосрочных изменений в сфере технологического развития. Он устанавливается на долгосрочный период и может распространяться на всех лиц, осуществляющих деятельность в области технологического развития. Содержание этого режима может составлять установление сроков и иных условий ограниченного использования устаревших технологий.

1.3.6. Глава 6. Развитие технологических инноваций. Технологические инновации определяются законом как

новый либо усовершенствованный продукт (товар, услуга, результат работ), процесс или способ производства (передачи) продуктов, введенный в употребление и способствующий повышению производительности труда, технико-экономических показателей, превышающих показатели серийно выпускаемой продукции, и (или) созданию новых рынков товаров, работ и услуг (ч. 7 п. 1 ст. 3).

Для описания субъектного состава отношений, связанных с развитием технологических инноваций, закон вводит понятия *разработчиков* и *производителей* высокотехнологичной продукции, осуществляющих, соответственно, их создание и внедрение, в том числе посредством реализации *инновационных проектов*.

К разработчикам технологий и (или) производителям высокотехнологичной продукции законопроект относит в том числе научные организации и образовательные организации высшего образования (п. 3 ч. 1 ст. 29). Часть 2 ст. 29 проекта закрепляет право таких организаций создавать юридические лица в целях реализации научных и (или) научно-технических проектов в рамках определенного приоритетного направления технологического развития (направления утверждаются Правительством РФ). При этом в проекте не решается вопрос о необходимости получения согласия учредителя на создание такой организации.

Проектом вводится понятие *лиц, осуществляющих содействие в сфере технологического развития* (ст. 30):

1. *Центры трансфера технологий*, под которыми, в частности, понимаются структурные подразделения образовательных организаций высшего образования, научных и иных организаций. Статус этих субъектов в дальнейшем в проекте не закрепляется.

2. *Институты инновационного развития*. Общее определение институтов инновационного развития дано в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике»:

коммерческая или некоммерческая организация (ее правопреемник), созданная (в том числе путем реорганизации) и (или) осуществляющая деятельность на основании федерального закона, указа или распоряжения Президента Российской Федерации, акта Правительства Российской Федерации, закона или иного нормативного правового акта субъекта Российской Федерации, являющаяся получателем средств государственной поддержки в допускаемой законодательством Российской Федерации форме, самостоятельно осуществляющая инновационную деятельность и (или) являющаяся субъектом инновационной деятельности, которому Российской Федерацией или субъектами Российской Федерации предоставляются средства на оказание поддержки юридическим и физическим лицам, осуществляющим инновационную деятельность. Перечень федеральных институтов инновационного развития с указанием федеральных органов исполнительной вла-

сти, осуществляющих координацию их деятельности, утверждается Правительством Российской Федерации. Перечни региональных институтов инновационного развития с указанием органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих координацию их деятельности, утверждаются высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации (ст. 2).

В системе действующего нормативно-правового регулирования перечень федеральных институтов инновационного развития утвержден Распоряжением Правительства РФ от 05.02.2021 № 241-р «Об утверждении перечня федеральных институтов инновационного развития»³¹⁸. К ним относятся, к примеру, АО «ДОМ.РФ», Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ», Российский фонд развития информационных технологий и др.

3. *Организации, являющиеся участниками реализации Национальной технологической инициативы (НТИ)*. Определение Инициативы, данное в ч. 5 ст. 30, носит достаточно общий характер:

инструмент реализации технологической политики Российской Федерации, имеющий целью содействие российским организациям в завоевании лидирующих позиций на перспективных технологических рынках в рамках приоритетных направлений технологического развития, а также обеспечение достижения технологического суверенитета Российской Федерации.

Более подробное определение содержится в Концепции технологического развития на период до 2030 г.:

объединение представителей бизнеса и экспертных сообществ в целях развития в Российской Федерации перспективных технологических рынков и отраслей. Национальная технологическая инициатива включает систему организационных форм (платформ), обеспечивающих активность таких объединений, соответствующие меры их стимулирования и поддержки, а также инфраструктуру (центры Национальной технологической инициативы на базе образовательных организаций высшего образования и научных организаций, инфраструктурные центры, коллективные 6 пространства). Мероприятия Национальной технологической инициативы включают поддержку проектов в целях реализации планов мероприятий Национальной технологической инициативы и проектов, направленных на создание условий для достижения технологического лидерства и (или) технологического суверенитета, реализацию программ центров Национальной технологической инициативы по развитию сквозных технологий, популяризацию и поддержку малых технологических компаний, акселерацию команд, вовлеченных в создание малых технологических компаний, "кружковое" движение, объединяющее школьников, студентов, их родители-

³¹⁸ Об утверждении перечня федеральных институтов инновационного развития : распоряжение Правительства РФ от 05.02.2021 // Собр. законодательства РФ. 2021. № 7. Ст. 1161.

лей, учителей, наставников в команды с целью решения технологических задач, подготовку кадров и другие.

3 ноября 2018 г. было принято Распоряжение Правительства РФ от 03.11.2018 № 2400-р «Об учреждении автономной некоммерческой организации «Платформа Национальной технологической инициативы»³¹⁹. Функции проектного офиса Национальной технологической инициативы осуществляет Фонд НТИ.

4. Организации с государственным участием, реализующие программы инновационного развития.

5. Организации, осуществляющие государственную поддержку инновационной деятельности.

6. Кредитные организации, организации, осуществляющие венчурное финансирование.

7. Организации, осуществляющие защиту прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Для субъектов, предусмотренных в п. 2, 4, 5, предусмотрена возможность выступать в качестве специализированных субъектов, например, технологического брокера и технологического интегратора (эти статусы рассмотрены ранее), а также выполнять функции *научно-производственного центра* поддержки передовых отраслей. Эти функции включают в себя, в том числе, проведение испытаний, осуществление сертификации, поддержку в области проектирования и проведение краткосрочных *научно-исследовательских* и опытно-конструкторских разработок (п. 7. ч. 3 ст. 30). Более подробно этот вопрос будет раскрыт в части, посвященной анализу роли научных исследований в реализации технологической политики.

Одним из нововведений проекта также является закрепление за Правительством РФ полномочий по определению случаев обязательного привлечения малых технологических компаний к реализации ПИР организаций с государственным участием.

1.3.7. Глава 7. Меры государственного стимулирования деятельности в сфере технологического развития. Одним из центральных элементов технологической политики является государственное стимулирование, открытый перечень форм которого составляет основное содержание главы 7 законопроекта. Среди пятнадцати поименованных видов стимулирования присутствуют такие традиционные его формы как субсидии и бюджетные инвестиции, гранты, субсидирование процентной ставки по кредитам и займам и др. Обращает на себя внимание отсутствие какого-либо детального регулирования оснований и порядка предоставления мер сти-

³¹⁹ Об учреждении автономной некоммерческой организации «Платформа Национальной технологической инициативы»: распоряжение Правительства РФ от 03.11.2018 № 2400-р // Собр. законодательства РФ. 2018. № 46. Ст. 7108.

мулирования, которое, очевидно, будет осуществляться подзаконными актами.

1.3.8. Глава 8. Особенности финансирования проектов инновационного развития и оценка эффективности расходования бюджетных средств, направляемых на государственное стимулирование, с учетом права риск. Результат интеллектуальной деятельности, созданный при реализации проектов. Положения главы 8 закладывают основные принципы финансирования, осуществляемого институтами инновационного развития. Такие институты осуществляют экспертизу проектов на различных стадиях их реализации и мониторинг целевого расходования средств (ч. 3 ст. 34).

Деятельность по финансированию должна осуществляться в соответствии с порядком определения допустимого уровня рисков, утвержденным Правительством РФ. На настоящий момент такой порядок утвержден Постановлением Правительства РФ от 22.12.2020 № 2204³²⁰.

Чрезвычайно важными с практической точки зрения должны стать положения ст. 35 законопроекта, определяющие основные начала оценки эффективности расходования бюджетных средств, направляемых на государственное стимулирование деятельности в сфере технологического развития. Центральным по важности правилом в этой сфере отношений должно стать т. н. «право на риск», закрепляемое в ч. 9 ст. 35, в соответствии с которым оценка эффективности финансирования проектов должна осуществляться с учетом *высокорискового характера деятельности* в сфере технологического развития, *неопределенности* рыночных и технологических *перспектив* реализации проектов, которые могут повлечь за собой в том числе недостижение предполагаемых результатов, потерю финансовых и иных активов, вложенных в проекты, а также снижение их стоимости.

1.3.9. Глава 9. Инфраструктура технологического развития. В девятой главе содержатся дефиниции различных видов инфраструктуры технологического развития и их примерных состав, при этом не устанавливаются какие-либо специальные правила по ее созданию и функционированию.

К видам инфраструктуры относятся:

- 1) инфраструктура, необходимая для проектирования, разработки и развития технологий;
- 2) инфраструктура, необходимая для макетирования и прототипирования высокотехнологичной продукции;

³²⁰ Правила определения допустимого уровня рисков, в том числе финансовых, и базовых критериев управления ими при реализации инновационного проекта с использованием средств государственной поддержки : утв. Постановлением Правительства РФ от 22.12.2020 № 2204 // Собр. законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. 1). Ст. 98.

3) инфраструктура, необходимая для тестирования технологий и проведения испытаний образцов высокотехнологичной продукции, в том числе для ее сертификации;

4) инфраструктура, необходимая для защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности и правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и управления такими правами;

5) инфраструктура, необходимая для опытного и мелкосерийного производства высокотехнологичной продукции;

6) организации, способствующие выполнению указанных в пунктах 1–5 задач, в том числе путем оказания управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг.

Предложения по возможному совершенствованию главы 9 в части усиления роли научных организаций в реализации технологической политики будут сформулированы далее в настоящих материалах.

1.3.10. Глава 10. Информационное обеспечение технологической политики. *В целях регулирования информационной составляющей технологической политики проектом вводятся понятия:*

1) инструмента сбора и хранения данных о планируемой и осуществляемой деятельности в сфере технологического развития (инструмент хранения данных) и

2) инструмента управления нормативно-справочной информацией по технологиям (инструмент мастер-данных).

Оба инструмента могут быть сформированы в составе существующих информационных систем или отдельно.

Инструмент хранения данных должен включать в себя, в частности, реестр проектов технологического суверенитета; реестр лиц осуществляющих деятельность в сфере технологического развития; реестр соглашений; реестр малых технологических компаний; реестр получателей мер государственного стимулирования и др. Некоторые из указанных информационных систем уже созданы в системе действующего нормативно-правового регулирования. Реестр проектов технологического суверенитета ведется ВЭБ. РФ в соответствии с постановлением Правительства от 15.04.2023 № 603. Реестр малых технологических компаний формируется в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 02.11.2023 № 1847³²¹. В соответствии со ст. 16.6 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» ведется Единый реестр ко-

³²¹ Об отнесении технологических компаний к малым технологическим компаниям и о прекращении статуса малых технологических компаний, формировании реестра малых технологических компаний и об информационном взаимодействии : постановление Правительства РФ от 02.11.2023. № 1847 // Собр. законодательства РФ. 2023. № 46. Ст. 8248.

нечных получателей государственной поддержки инновационной деятельности.

Содержание инструмента мастер-данных составляют классификаторы: 1) технологий (в том числе критических и сквозных); 2) типов процессов жизненного цикла высокотехнологичной продукции 3) типов объектов, используемых для реализации и обеспечения процессов жизненного цикла высокотехнологичной продукции 4) типов высокотехнологичной продукции, включая ключевые комплектующие и материалы, используемые при ее производстве.

1.3.11. Глава 11. Заключительные и переходные положения. *Данной главой вносятся изменения в иные федеральные законы и определяются правила о вступлении закона в силу.* Данной главой вносятся изменения в иные федеральные законы и определяются правила о вступлении законопроекта в силу.

§ 2. Роль научно-исследовательской деятельности в реализации технологической политики

2.0. Анализ различных положений законопроекта в их взаимосвязи приводит к выводу о несистемном и фрагментарном характере закрепления роли научной деятельности и научных организаций в реализации технологической политики (их общий обзор содержится в приложении № 2).

Согласно Концепции технологического развития на период развития до 2030 года, являющейся основой построения законопроекта, реализация технологических приоритетов означает необходимость создания и проведения новой технологической политики государства, *самостоятельной* по отношению к научно-технической и промышленной политике³²². Это начало дублируется в пояснительной записке к законопроекту, и, судя по всему, предопределяет избранный подход «изолированного регулирования» отношений по формированию и реализации технологической политики, а также дисбаланс в сторону регулирования производственных отношений в сравнении с отношениями по разработке инновационных технологий.

Вместе с тем, с одной стороны, нельзя не отметить, что инновационное технологическое развитие невозможно без реализации научно-исследовательской деятельности. С другой – в Концепции, в отличие от законопроекта, получает *системное* закрепление роль научно-

³²² Нельзя не отметить, что Федеральный закон «О стратегическом планировании» в ст. 18.1 определяет содержание стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. В статье 22 указанного закона говорится о подготовке прогноза научно-технологического развития Российской Федерации. Представляется, что используемые формулировки более рельефно отражают анализируемую связь научной, технико-внедренческой и производственной деятельности.

исследовательской деятельности в развитии технологической политики, а в качестве угрозы *технологическому* развитию закрепляется «ограничение собственных *научных* исследований из-за сужения возможностей *научной* кооперации».

Далее в настоящем исследовании будет показана недостаточность закрепления роли научной деятельности в законопроекте на уровнях:

- 1) принципов правового регулирования;
- 2) статуса субъектов научной деятельности;
- 3) закрепления юридических форм интеграции научно-исследовательской и производственно-технологической деятельности.

2.1. На уровне закрепления *принципов правового регулирования* законопроект в ст. 5 не упоминает научную деятельность, ее результаты либо ее субъектов. Вместе с тем в Концепции содержится понятие «экосистема технологического развития», под которой понимается

совокупность взаимосвязанных субъектов экономической и *научно-образовательной* деятельности, которые взаимодействуют на основе сетевых принципов, разрабатывают с использованием общего набора технологий, знаний или навыков *совместно* и на конкурентной основе инновационные продукты и сервисы, существенно влияющие на развитие экономики, радикально меняя существующие рынки или способствуя формированию новых рынков.

Это понятие емко отражает основное условие успешной реализации технологической политики и достижения технологического суверенитета – *неразрывность* научно-исследовательского труда и внедрения его результатов в производство. Указанное понятие может служить основой для закрепления в законопроекте *принципа экосистемного подхода* в реализации технологической политики предполагающего описанное *двустороннее* взаимодействие: как трансфер технологий из научно-исследовательской сферы в сектор реальной экономики, так и обеспечение оперативного прохождения сигналов спроса от рынка к научно-исследовательским структурам.

В Концепции в качестве принципа технологического развития закрепляется «*бесшовность*» мер поддержки на всех стадиях создания и внедрения технологий *от научных исследований* и разработок *до внедрения* в реальный сектор экономики. Закрепление такого подхода в законопроекте в качестве принципа также способно значительно усилить роль науки в обеспечении технологического суверенитета Российской Федерации.

Необходимость закрепления роли научной деятельности в реализации технологической политики вытекает и из различных положений Стратегии. В ее п.6 закрепляется исходное начало единства научно-технологического развития, которое должно обеспечиваться как частными субъектами, так и органами публичной власти. Пункт 11 прямо называет российскую науку в качестве основы суверенного развития государства.

Формирование эффективной системы взаимодействия науки, технологий и производства выделяется в Стратегии в качестве первой задачи на пути достижения целей научно-технологического развития (п. 24). Одним из принципов государственной политики в области научно-технологического развития в Стратегии закрепляется неразрывная взаимосвязь между научно-образовательным, научно-технологическим, промышленным потенциалом страны и взаимосвязь их развития. (п. 27).

Приведенные положения программных документов однозначно указывают на необходимость закрепления в законопроекте центральной роли научной деятельности в реализации технологической политики в качестве принципа правового регулирования. Принципы правового регулирования выполняют целый ряд важнейших функций. Помимо того, что они служат ярким идеологическим индикатором приоритетов государственной политики, немаловажно и их значение при восполнении пробелов законодательного регулирования и формирования подзаконной нормативной базы.

2.2. Значительные пробелы в тексте законопроекта в сравнении с Концепцией касаются закрепления *юридического статуса субъектов*, осуществляющих научно-исследовательскую деятельности и содействующих ей. Концепция констатирует необходимость усиления роли *ключевых образовательных организаций высшего образования и научных организаций* в качестве драйверов технологического развития, в то время как в законопроекте статус ключевых научных организаций вообще не закрепляется. В числе основных направлений государственной политики в области научно-технологического развития, получивших отражение в новой Стратегии, отдельно закрепляется вовлечение научных и образовательных организаций в технологическое обновление отраслей экономики и в создание новых рынков товаров и услуг во взаимодействии с крупными компаниями и органами государственной власти. Представляется, что наполнение этого стратегического направления конкретными юридическими формами является задачей законодательства, посвященного реализации именно технологической политики, поскольку эта сфера общественной деятельности по своей природе предполагает формирование «сплава» научной и производственной деятельности.

Осталось нереализованным в законопроекте и положение Концепции, предполагающее обеспечение правовых условий и поощрение создания *исследовательских консорциумов* в сфере научных исследований и разработок в целях реализации крупномасштабных проектов, а также закрепление в законодательстве соответствующей новой организационно-правовой формы юридического лица – *исследовательского консорциума*³²³. Часть 2

³²³ Такой шаг потребует внесения изменений в Гражданский Кодекс РФ в виде отдельного федерального закона в силу положений п. 2. 1 ст. 3 ГК РФ, не допускающей внесение измене-

ст. 29 законопроекта лишь закрепляет право научных и образовательных организаций создавать объединения путем учреждения юридического лица.

Законопроект дважды упоминает Российскую академию наук – в части формирования технологической политики Российской Федерации, а также технологических прогнозов. Согласно ст. 2 Федерального закона «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³²⁴, РАН осуществляет свою деятельность в целях обеспечения координации экспертного научного обеспечения деятельности органов государственной власти Российской Федерации. Кроме того, в Концепции указывается на необходимость формирования в системе РАН научных советов по приоритетным направлениям *критических и сквозных технологий*, включающих главных конструкторов и главных технологов по соответствующим технологическим направлениям. Особую роль Российской академии наук в реализации Стратегии научно-технологического развития России подчеркнул Президент РФ Владимир Путин в выступлении, посвященном 300-летию РАН³²⁵. Представляется, что системное усиление роли Российской академии наук в положениях проекта и иных законодательных актов будет способствовать интеграции научной, опытно-конструкторской и производственной деятельности.

Чрезвычайно важным элементом Концепции, также не получившим прямого отражения в законопроекте, является понятие «центров компетенций», под которыми понимаются

организационные структуры, объединяющие в целях усиления организационной *интеграции результатов научно-исследовательской деятельности в технологические цепочки* исследовательские организации, опытно-конструкторские и внедренческие структуры, частных промышленных партнеров, деятельность которых направлена на создание конкурентоспособной высокотехнологичной продукции, необходимой для ответа на вызовы технологического развития

При этом Концепция предполагает развертывание таких центров по каждому из приоритетных технологических направлений. Системное закрепление роли таких центров в законопроекте также могло бы значительно усилить роль научной деятельности в обеспечении инновационного технологического развития.

ний в ГК РФ законами, содержащими иной предмет регулирования. Вместе с тем, в пояснительной записке к законопроекту не содержится указаний на планы принятия такого закона.

³²⁴ О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 27.09.2013 № 253-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 39. ст. 4883.

³²⁵ Торжественный вечер по случаю 300-летия Российской академии наук. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73410> (дата обращения: 09.02.2024).

Законопроект закрепляет понятие центров трансфера технологий, однако не определяет особенностей их деятельности и государственной поддержки. При этом в Концепции отмечается, что в России практически отсутствует инфраструктура такого трансфера, а одним из основных мероприятий по его созданию должно стать развитие межрегиональной сети центров трансфера технологий по единому стандарту и регламенту взаимодействия. Общее закрепление необходимости выработки общих принципов такого стандарта вполне возможно на уровне законопроекта. Нельзя не обратить внимание и на отсутствие упоминания об *инфраструктуре трансфера технологий* в главе 9 законопроекта, посвященной описанию различных видов инфраструктуры технологического развития.

2.3. В Концепции закрепляется необходимость формирования качественно новой институциональной среды в сфере технологического развития, выражающиеся, в частности, в появлении договорных форм интеграции *научно-исследовательской* и *производственно-технологической* деятельности. Представляется, что основные параметры такого рода соглашений вполне заслуживают самостоятельного закрепления в тексте законопроекта в виде отдельной главы.

Законопроект практически не регулирует территориальный аспект технологического развития³²⁶, при этом в Концепции в разделе, посвященном интеграции науки и производства, указывается на необходимость создания экспериментальных *зон (территорий)* для отработки новых организационно-правовых форм, регуляторных и финансовых механизмов с целью разработки и внедрения принципиально новых технологий. Отдельное внимание территориальному аспекту реализации научно-технологической политики уделяется в новой Стратегии. В подпункте «г» п. 29 этого документа в качестве одного из направлений создания необходимой инфраструктуры закрепляется поддержка отдельных территорий (субъектов Российской Федерации) с высоким научно-технологическим потенциалом.

В Концепции отмечается необходимость снятия барьеров при передаче прав на результаты интеллектуальной деятельности научными и образовательными организациями в коммерческий сектор, в том числе при создании малых инновационных предприятий научными организациями и образовательными организациями высшего образования, а также авторами изобретений. Законопроект закрепляет лишь наиболее общее правило о возможности научных и образовательных организаций создавать объединения путем учреждения юридического лица в целях реализации научных и научно-технических проектов в рамках определенного приоритетного направления технологического развития (ч. 2 ст. 29). Вместе с тем пред-

³²⁶ Глава 5 законопроекта закрепляет особенности введения специальных правовых режимов без привязки к территориальному развитию.

ставляется, что необходимо дальнейшее упрощение процедур создания указанных юридических лиц научными и образовательными организациями³²⁷.

Несмотря на ключевой характер трансфера технологий, этот вопрос не получил отражения в главе девятой закона, посвященного закреплению основных видов инфраструктур технологического развития. Полагаем целесообразным закрепить в законопроекте понятие инфраструктуры трансфера технологий, определить ее субъектный состав и конкретизировать меры государственного стимулирования для ее развития. Такое предложение полностью соответствует положениям новой Стратегии, закрепляющим необходимость организации *системы трансфера технологий* (подп. «б» п. 28).

Отдельную составляющую указанной структуры может составить методика оценки уровня технической готовности (англ. technology readiness level, TRL) перспективных научных разработок для их дальнейшего внедрения. В новой Стратегии этому вопросу посвящается п. 51, закрепляющий роль Российской академии наук в подготовке методологического и методического обеспечения научной и научно-технической экспертизы.

§ 3. Правовое положение головного исполнителя

3.0. Фигура головного исполнителя закрепляется в законопроекте применительно к реализации только одного инструмента реализации технологической политики – важнейших проектов технологического суверенитета.

Головной исполнитель представляет собой *российскую организацию*, которая является или планирует стать *производителем* определенного вида (видов) *высокотехнологичной* продукции в рамках *важнейшего проекта* технологического суверенитета. (ч. 2 ст. 16).

Анализ роли головных исполнителей в реализации технологической политики представлен вначале с точки зрения условий приобретения такого статуса (*статика*), а затем – в контексте юридических форм их отношений с иными лицами, участвующими в реализации важнейших проектов технологического суверенитета (*динамика*). В завершающей части анализа сформулированы общие выводы о возможных направлениях совершенствования законопроекта в части определения правового положения головного исполнителя.

3.1. Положения законопроекта не конкретизируют требования, предъявляемые к организации, претендующей на статус головного исполнителя, отдавая урегулирование этого вопроса на уровень подзаконного регулирования Правительству РФ.

³²⁷ На настоящий момент особенности создания юридических лиц научными организациями предусмотрены п. 2.1 ст. 5 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике».

Правительство Российской Федерации утверждает:
порядок реализации важнейших проектов технологического суверенитета, **требования к организациям, участвующим в их реализации**, требования к технологической карте, форму паспорта важнейшего проекта технологического суверенитета, порядок мониторинга реализации проектов технологического суверенитета. (п. 2. ч. 3 ст. 15).

Анализ определения головного исполнителя, содержащегося в ч. 2 ст. 16 законопроекта, позволяет сформулировать следующие его признаки.

3.1.1. Головной исполнитель определяется как российская организация. В соответствии с п. 1 ст. 1202 ГК РФ личным законом юридического лица является право страны, в которой оно было учреждено. Соответственно, сведения о головном исполнителе должны быть включены в единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ). Законопроект не содержит требований к составу участников организации-головного исполнителя, в частности запрета на приобретение долей в его уставном капитале иностранными лицами. Возможно такого рода требования будут введены на уровне подзаконного регулирования, либо будут обеспечиваться другими положениями законопроекта и иных российских нормативных актов. В частности, текущий вариант текста законопроекта закрепляет императивное положение о том, что разработка и внедрение критических технологий должны осуществляться на основе *собственных линий разработки* (ч. 2 ст. 14). Собственные линии разработки должны находиться под национальным контролем в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 3 законопроекта. Вместе с тем понятие национального контроля, как указывалось ранее, требует конкретизации.

Собственная линия разработки – комплекс мероприятий (проектов, программ) и условий, обеспечивающих создание и устойчивое развитие под **национальным контролем (на территории Российской Федерации или за пределами указанной территории, но с сохранением прямого или косвенного контроля Российской Федерации или российских организаций)** конкретных отечественных технологий и продуктов на их основе, включая разработку их новых поколений. (п. 6 ч. 1 ст. 3).

В выделенной части законодательного определения неясно, что именно должно находиться на территории Российской Федерации, поскольку сам по себе комплекс мероприятий может и не иметь вещественного выражения, либо проходить на российской территории, но в его реализации могут принимать участие иностранные лица. Равным образом не конкретизировано и понятие прямого или косвенного контроля в случае нахождения линии разработки за пределами российской территории. Представляется целесообразным использование существующего инструментария контроля за осуществлением иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения

обороны страны и безопасности государства³²⁸. Необходимым является и решение вопроса о допустимости иностранного участия в реализации важнейших проектов технологического суверенитета, в том числе в уставных капиталах головных исполнителей, поскольку развитие международных цепочек кооперации может иметь потенциал для ускорения выпуска высокотехнологичной продукции. В новой Стратегии вопросам международного сотрудничества посвящается пункт 32, положения которого закрепляют необходимость формирования модели международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области научных исследований и разработок. В семи подпунктах указанного пункта закрепляется система мер по созданию такой модели, многоплановый характер которых свидетельствует в пользу закрепления в законопроекте отдельной главы, посвященной международному технологическому сотрудничеству.

3.1.2. Определение не содержит указаний на организационно-правовую форму юридического лица – головного исполнителя, а также на их принадлежность к коммерческим или некоммерческим организациям, равно как и каких-либо требований к уровню финансовых показателей. Как указывалось ранее, эти параметры головных исполнителей будут определены на уровне подзаконного регулирования.

3.1.3. В соответствии с определением, головной исполнитель **является или планирует стать** производителем высокотехнологичной продукции в рамках важнейшего проекта технического суверенитета. Представляется уместным конкретизация в законопроекте способа формализации планов организации стать производителем указанной продукции, к примеру, головным исполнителем организация может признаваться после утверждения куратором паспорта проекта, в котором содержатся сведения о головном исполнителе.

3.1.4. В определении указывается, что головной исполнитель является или планирует стать **производителем** высокотехнологичной продукции. Сопоставление выделенного признака с иными положениями законопроекта позволяет утверждать о необходимости расширительного толкования понятия «производитель». Как закрепляется в п. 1 ст. 19 законопроекта, головной исполнитель **«обеспечивает выпуск»** определенных видов высокотехнологичной продукции. Такое понимание его функции более корректно, поскольку сама идеология статуса *головного исполнителя* состоит в *формировании* кооперационной цепочки, в которой он является основным звеном. В Федеральном законе «О государственном оборонном

³²⁸ О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства : федер. закон № 57-ФЗ от 29.04.2008 // Собр. законодательства РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.

заказе»³²⁹, положения которого послужили прообразом для создания правил законопроекта о головном исполнителе, приобретение его статуса связано не с производством или закупкой продукции, а с сугубо *формальным* фактом заключения государственного контракта с государственным заказчиком по государственному оборонному заказу. Равным образом, наиболее удачным вариантом определения головного исполнителя в целях выполнения важнейших проектов технологического суверенитета является увязывание его с *формальным* обстоятельством включения в паспорт такого проекта или заключения соглашения с квалифицированным заказчиком.

3.1.5. В соответствии с ч. 3 ст. 19 законопроекта головной исполнитель участвует в реализации одного или нескольких инвестиционных проектов, направленных на достижение целей важнейшего проекта технологического суверенитета. В то же время ч. 4 ст. 15 законопроекта, закрепляющая содержание паспорта такого проекта, предписывает включать сведения об инвестиционном проекте *в случае* их реализации в рамках важнейшего проекта технологического суверенитета. Общего определения инвестиционных проектов законопроект не содержит, закрепляя лишь то, что важнейший проект технологического суверенитета *может* выполняться путем реализации инвестиционных проектов (ч. 4 ст. 20). Соответственно, такие проекты, очевидно, могут выступать одной из форм реализации важнейшего приоритетного проекта. Положения ст. 20 законопроекта содержат указание на предмет таких инвестиционных проектов, которыми может являться создание:

1) производства сырья, материалов, используемых в производстве соответствующих видов высокотехнологичной продукции;

2) производства комплектующих для соответствующих видов высокотехнологичной продукции;

3) производства оборудования, необходимого для создания соответствующих видов высокотехнологичной продукции;

4) программного обеспечения, используемого в составе оборудования для ее производства;

5) инфраструктуры, необходимой для производства и эксплуатации соответствующих видов высокотехнологичной продукции, а также сырья, материалов, оборудования, комплектующих и программного обеспечения;

6) охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности, на основе которых производится высокотехнологичная продукция (ч. 4 ст. 20).

Иных требований в части условий приобретения статуса головного исполнителя законопроект не содержит. Очевидно, что наиболее важные аспекты его статуса должны быть более детально отражены в тексте зако-

³²⁹ О государственном оборонном заказе : федер. закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7600.

на. Учитывая значительный объем денежных средств, планируемых для реализации важнейших проектов технического суверенитета, (не менее десяти миллиардов рублей в соответствии с ч. 2 ст. 20 законопроекта), критерии отбора проектов, утверждения головных исполнителей и анти-монопольные требования хотя бы в общем виде должны быть отражены на уровне закона.

3.2. Свою основную роль головной исполнитель реализует через юридическую форму *долгосрочных и иных соглашений* с квалифицированными заказчиками.

Квалифицированные заказчики – российские организации либо органы государственной власти Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, *обеспечивающие долгосрочный спрос* на высокотехнологичную продукцию, производимую в рамках важнейшего проекта технологического суверенитета, *в том числе* являющиеся **основными покупателями** (заказчиками) высокотехнологичной продукции, производимой в рамках соответствующего проекта технологического суверенитета. (п. 2. ч. 1 ст. 16)³³⁰.

Косвенно предмет долгосрочного соглашения определяется п. 7 ст. 19 законопроекта. В этом законоположении закрепляется, что оно предусматривает намерения сторон по производству высокотехнологичной продукции. В условиях отсутствия подзаконного регулирования однозначная трактовка использованного понятия «намерения» невозможна. В устоявшейся предпринимательской практике соглашения о намерениях находятся за пределами договорного регулирования. Гражданский Кодекс РФ использует понятия «намерения» применительно к отношениям по заключению договора дважды, характеризуя *преддоговорную* стадию отношений сторон (в ст. 434.1 и 435). Попутно нельзя не заметить, что вопрос о возможности применения гражданского законодательства к указанным долгосрочным отношениям отдельно в главе 3 законопроекта не разрешается, в то время как в отношении соглашений по развитию *сквозных* технологий (гл. 4 законопроекта) возможность такого применения прямо закрепляется в ч. 4 ст. 22. Учитывая то, что в качестве квалифицированных заказчиков могут выступать публично-правовые субъекты, разрешение вопроса о возможности применения к указанным соглашениям гражданского законодательства представляется необходимым.

Абзац 2 ч. 2 ст. 16 законопроекта содержит отсылку к трем федеральным законам, которые, *в частности*, могут служить **основанием** для заключения долгосрочных и иных соглашений, направленных на реализа-

³³⁰ Институт квалифицированного заказчика рассматривается в качестве одного из важнейших элементов реализации научно-технологической политики. Он был отдельно закреплён в п. п. «е» п. 28 новой Стратегии в составе основных направлений государственной политики в области научно-технологического развития и мер по ее реализации.

цию важнейших проектов технологического суверенитета при условии соответствия требованиям, установленным этими законами. Первый – "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"³³¹ (далее – закон о ГЧП). В нем предмет соглашений определен, в основном, указанием на создание объектов недвижимого имущества. Исключение составляет п. 19 ч. 1 ст. 7 Закона о ГЧП, который относит к объектам соглашений ГЧП и МЧП программы для ЭВМ, объекты информационных технологий и имущество, технологически связанное с такими объектами. В контексте целей законопроекта совпадающим с его целями является п. 18 ч. 1 ст. 7 Закона о ГЧП, определяющий в качестве объектов соглашений имущественные комплексы, предназначенные для производства промышленной продукции и (или) осуществления иной деятельности в сфере промышленности.

Во втором Федеральном законе "О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации"³³² предметно совпадающими являются сферы обрабатывающего производства (п. 8 ч. 1.1 ст. 6) и цифровой экономики (п. 5 ч. 1.1 ст. 6).

Третий нормативный акт, предусматривающий договорные формы, которые могут использоваться при реализации важнейших проектов технологической политики, – Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации»³³³. Механизм специального инвестиционного контракта, закрепленный в главе 2.1, наиболее полно охватывает потенциальную сферу важнейших инновационных проектов.

Одной из функций головного исполнителя в соответствии с п. 2 ст. 19 проекта является формирование кооперационной цепочки.

Кооперационная цепочка представляет собой совокупность организаций и иных лиц, участвующих в подготовке и реализации важнейших проектов технологического суверенитета и взаимодействующих между собой на основании заключенных между ними соглашений, предусмотренных частью 2 статьи 16 законопроекта. (п. 2 ст. 19).

Часть вторая статьи 16 законопроекта закрепляет формы договорных отношений только между головным исполнителем и квалифицированным заказчиком. Судя по всему, положение п. 2 ст. 19 призвано распространить режим этих соглашений и на договоры с другими участниками важнейшего инвестиционного проекта. Более ясно и логично структура отношений с

³³¹ О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2015.

³³² О защите и поощрении капиталовложений : федер. закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 1999.

³³³ О промышленной политике в Российской Федерации : федер. закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2015. № 1 (ч. 1). Ст. 41.

участием головного исполнителя урегулирована в Федеральном законе «О государственном оборонном заказе». Пункт 4.1 ст. 3 этого закона содержит понятие кооперации головного исполнителя, определяет ее состав и закрепляет формы договорных отношений между ними:

кооперация головного исполнителя (далее – кооперация) – совокупность взаимодействующих между собой лиц, участвующих в поставках продукции по государственному оборонному заказу в рамках сопровождаемых сделок. В кооперацию входят головной исполнитель, заключающий государственный контракт с государственным заказчиком, исполнители, заключающие контракты с головным исполнителем, и исполнители, заключающие контракты с исполнителями

Пункт 4 ст. 19 закрепляет, что головной исполнитель определяет направления исследований и работ, необходимых для производства высокотехнологичной продукции. Это положение также нуждается в толковании с учетом отсутствующего подзаконного регулирования, поскольку неясно соотношение предоставляемого головному исполнителю права с содержанием соглашения, заключаемого с квалифицированным заказчиком, содержанием паспорта проекта, утверждаемого Правительством РФ (п. 5 ч. 3 ст. 15), а также технологической карты, организацию разработки которой осуществляет куратор проекта (п. 2 ст. 17). Определение такого соотношения необходимо, поскольку формулировки п. 4 ст. 19 не предполагают согласования указанных вопросов с какими-либо субъектами, тогда как соглашение и включение в паспорт проекта явно зависит от воли других лиц и государственных органов.

Пункт 5 ст. 19 закрепляет за головным исполнителем функцию разработки технологической карты важнейшего проекта технологического суверенитета. При этом за квалифицированным заказчиком закрепляется обязанность разработки с привлечением головного исполнителя *проекта* технологической карты важнейшего проекта технологического суверенитета (п. 5. ст. 18). Соотношение указанных положений законопроекта также требует уточнения, поскольку из приведенных формулировок неясно, кто ответственен за разработку технологической карты, в особенности, с учетом того, что применительно к обязанностям квалифицированного заказчика речь идет о ее *проекте*.

В контексте определения обязанностей головного исполнителя неясно содержание п. 6 ст. 18. В нем закрепляется, что *квалифицированный заказчик* обеспечивает

наличие работников или контрагентов, обладающих необходимыми компетенциями для производства, контроля изготовления и приемки определенного вида (определенных видов) высокотехнологичной продукции;

Как отмечалось, общее определение субъектного состава, содержащееся в ч. 1 ст. 16 законопроекта, относит функцию по производству про-

дукции к обязанностям головного исполнителя. А положения п. 6 ст. 18 закрепляют обязанность обеспечения наличия работников, обладающих компетенциями для производства, за заказчиком.

Одним из наиболее важных вопросов при определении особенностей правового положения головного исполнителя являются основания привлечения его к ответственности. Эти вопросы получают отражение в различных положениях законопроекта. Его часть 3 ст. 7 законопроекта закрепляет, что особенности ответственности участников проектов определяются паспортами проектов технологического суверенитета и соглашениями, заключаемыми в соответствии с данными паспортами с учетом *главы 8* законопроекта. Схожее положение содержит ч. 4 ст. 15, определяющее содержание паспортов важнейших проектов технического суверенитета. В числе сведений, отражаемых в таком паспорте, перечисляются и меры имущественной ответственности за неисполнение обязательств участников проекта с учетом *главы 8* законопроекта.

Глава 8 законопроекта содержит достаточно подробные правила, устанавливающие особенности финансирования проектов и оценки эффективности расходования бюджетных средств с учетом т. н. «*права на риск*». Его общее определение содержится в п. 9 ст. 35 законопроекта.

При *оценке эффективности* государственного стимулирования и осуществлении финансирования и реализации проектов, в том числе институтом инновационного развития, *юридическими лицами*, осуществляющими деятельность в *сфере технологического развития* с использованием средств государственного стимулирования, учитываются *высокорисковый характер* деятельности в сфере технологического развития, *неопределенность* рыночных и технологических *перспектив* реализации проектов, которые могут повлечь за собой в том числе *недостижение* предполагаемых результатов, *потерю* финансовых и иных активов, вложенных в проекты, а также *снижение* их стоимости.

Это определение законопроекта практически дословно повторяет положения ч. 10 ст. 16.5 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», которое закрепляет «право на риск» в отношении реализации инновационных проектов. Действующая редакция этого положения указанного закона была принята в 2020 г.³³⁴ Как указывается в пояснительной записке к закону³³⁵, оформлявшему эти изменения, его принятие было обусловлено необходимостью формирования единой

³³⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» // Собр. законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5068.

³³⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/8BF6AEBE-133F-4DE9-8416-64E3C11356A0> (дата обращения: 10.02.2024).

системы принципов осуществления государственной поддержки инновационной деятельности, реализации высокорискованных *технологических* проектов и *снижения рисков необоснованного уголовного преследования* субъектов, осуществляющих инновационную деятельность. Эти задачи, в свою очередь, были определены пунктом 2 поручения Президента Российской Федерации от 25 октября 2019 г. № Пр-2199. По этим причинам следует приветствовать унификацию подходов, используемых при реализации научно-технической и технологической политики.

3.3. Проведенный анализ показывает, что значительная часть элементов правового статуса головного исполнителя и его положения в системе отношений по созданию высокотехнологичной продукции подлежит урегулированию подзаконной нормативной базой. Вариант текста законопроекта, актуальный на момент проведения настоящего исследования, содержит лишь наиболее общее регулирование указанных вопросов и не позволяет сформировать всестороннее представление о правовом статусе головного исполнителя, его правах и обязанностях при реализации важнейших проектов технологического суверенитета.

Мы полагаем, что значительным потенциалом для совершенствования законопроекта обладает использование позитивного опыта Федерального закона «О государственном оборонном заказе». В этом нормативном акте права и обязанности субъектов, участвующих в отношениях по удовлетворению государственных нужд в сфере обороны страны, выделены в самостоятельную главу, а права и обязанности головного исполнителя обособлены в отдельные статьи, подробно на уровне *закона* определяющие правовое положение этого лица. Причем закреплению обязанностей посвящено 22 пункта ч. 1 ст. 8, а с 26 мая 2024 г. их число увеличится до 25.

Важнейшие проекты технологического суверенитета призваны стать центральным инструментом реализации технологической политики в связи с чем целесообразно укрупнение нормативно-правового регулирования как вопросов правового положения головного исполнителя, так и иных аспектов развития критических технологий. К их числу относится и понятие головной научной организации, закрепляемое в п. п. «в» новой Стратегии, развитие статуса которой определено в качестве одного из направлений формирования эффективной системы управления в области науки, технологий и производства.

§ 4. Направления совершенствования правового статуса академгородков

По состоянию на 2024 г. в Российской Федерации отсутствует специальное нормативно-правовое регулирование, закрепляющее особенности осуществления научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности в академогородках. Согласно сложившейся практике академо-

родками называются исторически сложившиеся микрорайоны (части территории города), за ними не признается юридическая субъектность, равным образом они не представляют собой самостоятельных единиц с точки зрения муниципального устройства. Новосибирский академгородок признан достопримечательным местом³³⁶.

Известны две попытки придания официального статуса академгородкам, которые имели место в 1997³³⁷ и в 2013 гг.³³⁸

В связи с отсутствием законодательного закрепления академгородков их статус можно рассматривать с различных позиций: как территориальную единицу (микрорайон, часть территории города), как территориально-имущественный комплекс (совокупность земельных участков, зданий и сооружений, линейных объектов и т. д.), как участника общественных отношений (научные организации и их структурные подразделения), как субъекта общественного или публичного управления (муниципальное образование, территориальное общественное самоуправление).

На современном этапе развития правовой системы появляются как новые юридические формы организации публичной власти, так и инновационные правовые режимы, позволяющие закреплять функциональные особенности тех или иных территорий. Эти обстоятельства определяют актуальность исследования вопроса о поиске новой правовой формы для использования уникального опыта отечественного опыта организации научной и производственной деятельности в академгородках.

Предметом настоящего исследования является *предварительный* отбор юридических форм, способных адекватно отразить статус академгородков. Предварительный характер исследования обусловлен чрезвычайной многоплановостью общественных отношений, связанных с деятельностью академгородков. Они включают в себя земельно-имущественные отношения, вопросы устройства органов публичной власти, состояния коммунальной инфраструктуры, стимулирования профильной деятельности научных организаций, образовательной деятельности и многие другие комплексы отношений. Формирование детальных рекомендаций по их правовому регулированию должно стать предметом *отдельного* исследования.

³³⁶ О включении в перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Новосибирской области, выявленного объекта культурного наследия – достопримечательное место «Новосибирский Академгородок»: приказ Управления по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области от 25 февраля 2014 г. № 16 // СПС Гарант.

³³⁷ О статусе академгородка Российской Федерации: законопроект № 97801992-2. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97801992-2> (дата обращения: 10.02.2014).

³³⁸ О статусе академгородков в Российской Федерации: законопроект № 242173-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/242173-6> (дата обращения: 10.02.2014).

4.1. Академгородок как территориально-имущественный комплекс.

В соответствии со статьей 5 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» государственные научные организации создаются и действуют в форме государственных учреждений. Статус таких организаций регулируется Гражданским кодексом РФ, Бюджетным кодексом РФ и Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Соответственно вопросы владения, пользования и распоряжения имуществом, находящимся в ведении государственных учреждений, регулируются гражданским и бюджетным законодательством. В этой связи академгородок, как совокупность земельных участков и объектов недвижимости, можно рассматривать как имущественный комплекс³³⁹, находящийся во владении у научной организации.

В настоящее время именно гражданско-правовая модель понимания статуса академгородка находит свое отражение в действующем законодательстве: юридическое лицо (научное учреждение) владеет и пользуется закрепленным за ним имуществом (территория академгородка с объектами недвижимости).

Это означает, что вопросы управления территорией академгородка строятся исключительно на гражданско-правовых основаниях. Такой подход существенно сковывает научную организацию в вопросах управления и развития территорией академгородка, и поэтому нуждается в научно-обоснованном пересмотре с точки зрения развития статуса академгородков.

4.2. Академгородок как муниципальное образование (наукоград). Публичная власть в Российской Федерации осуществляется на трех уровнях: федеральном, региональном и местном. Местный уровень публичной власти реализуется в границах муниципальных образований, т. е. в границах районов, городов, поселков, сел, группы сел и деревень.

Совмещение муниципального управления и научно-производственной деятельности предусматривается Федеральным законом от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» в форме образования таких муниципальных образований, как наукоградов.

В соответствии с данным Федеральным законом наукоградом признается городской округ, имеющий высокий научно-технический потенциал, с градообразующим научно-производственным комплексом. Статус наукограда присваивается муниципальному образованию Правительством

³³⁹ В статье 133. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации используется термин «единый недвижимый комплекс», который включает в себя совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие), либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь.

Российской Федерации на пятнадцатилетний срок, если научно-производственный комплекс данного муниципального образования соответствует определенным требованиям.

Так, в научно-производственный комплекс должны входить: 1) научные организации, осуществляющие научную, научно-техническую, инновационную деятельность по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники; 2) образовательные организации высшего образования; 3) организации, осуществляющие не менее 50 процентов высокотехнологичной промышленной продукции и (или) инновационных товаров (работ, услуг) от общего объема произведенных товаров (работ, услуг); 4) организации, осуществившие необходимые приготовления для производства высокотехнологичной промышленной продукции и (или) инновационных товаров (работ, услуг); 5) хозяйственные общества и хозяйственные партнерства, деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности. Статус наукограда является основанием для получения государственной поддержки из федерального бюджета.

Несмотря на достаточно жесткие требования к созданию наукоградов в Российской Федерации статусом наукограда наделены 14 городов: Обнинск, Протвино, Жуковский, Кольцово, Петергоф, Мичуринск, Королев, Бийск, Дубна, Пущино, Троицк, Фрязино, Черноголовка и Реутов.

Для приобретения академгородком статуса наукограда необходимо не только наличие научно-производственного комплекса, но и соответствие его критериям городского округа. Вместе с этим статус наукограда предполагает самостоятельность и автономность в вопросах управления территорией, но в пределах компетенции местного уровня публичной власти.

4.3. Академгородок как инновационный научно-технологический центр.

Локализация научной деятельности в рамках определенной территории предусматривается Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Инновационным научно-технологическим центром признается совокупность организаций, осуществляющих научно-технологическую деятельность на территории с особым правовым режимом. Инициатором создания такого центра может выступать образовательная организация, научная организация, которые соответствуют установленным критериям, или национальный исследовательский центр. Управление инновационным научно-технологическим центром осуществляется управляющей компанией.

Научно-технологический центр создается по решению Правительства Российской Федерации. Научно-технологический центр осуществляет научную (научно-исследовательскую), научно-техническую и инноваци-

онную деятельность, выполнение исследований и разработок, реализацию научных и (или) научно-технических проектов, использование полученных научных и (или) научно-технических результатов, результатов интеллектуальной деятельности, в том числе их коммерциализация.

К настоящему времени в Российской Федерации созданы 10 таких центров: «Воробьевы горы», «Сириус», «Русский», «Композитная долина», «Интеллектуальная электроника – Валдай», «Балтийская долина – HUMANTECH», «Долина Менделеева», «Квантовая долина», «Аэрокосмическая инновационная долина», «Парк атомных и медицинских технологий». Еще несколько центров находятся на этапе создания. Указанные центры созданы на базе ведущих образовательных организаций.

Особый правовой статус инновационного научно-технологического центра заключается не только в особом порядке управления данной территорией, но предполагает особенности действия некоторых законодательных актов, а также особенности осуществления полномочий органами публичной власти на территории инновационного научно-технологического центра.

В связи с тем, что законом допускается создание инновационных научно-технологических центров по инициативе научных организаций, то перспектива создания таких центров в границах академгородков представляет возможной.

4.4. Академгородок как территориальное общественное самоуправление.

Под территориальным общественным самоуправлением понимается форма самоорганизации граждан по месту их жительства на части территории муниципального образования для осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения.

Территориальное общественное самоуправление создается и функционирует на определенной территории исключительно по желанию жителей муниципального образования. Это во многом инициативная и добровольная деятельность, направленная на повышение субъектности данной территории, на привлечение внимания органов публичной власти, в первую очередь органов местного самоуправления, к проблемам территории. Такая форма позволяет привлекать ресурсы публичных образований к решению насущных вопросов на определенной территории.

4.5. Академгородок как федеральная территория. Возможность создания федеральных территорий была закреплена в Конституции РФ в 2020 г. путем внесения изменений в ст. 67. Такие территории создаются на основании федерального закона, определяющего особенности организации публичной власти и иные аспекты статуса федеральных территорий. С

2020 г. создана лишь одна федеральная территория – Сириус³⁴⁰. Ее площадь составляет 14,19 км², население – 13 768 чел. Территория была выделена из состава Адлерского района г. Сочи. Целями создания федеральной территории «Сириус» в соответствии со ст. 2 учреждающего ее Федерального закона, является, в том числе, обеспечение комплексного устойчивого социально-экономического и инновационного развития территории, повышение ее инвестиционной привлекательности, создание благоприятных условий для выявления, самореализации и развития талантов, реализация приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации.

Институт федеральных территорий обладает значительным потенциалом для сохранения богатого наследия и обеспечения стратегического развития академгородков в виду уникального сочетания политических, экономических и юридических факторов.

На настоящий момент сложился общественный запрос на создание сильных «якорных» политико-экономических центров в Сибири и на Дальнем Востоке, ярким примером которого является стихийная общественная инициатива переноса столицы государства в Иркутск. Обособление академгородков в федеральные территории позволит перезапустить советский проект научного освоения Сибири³⁴¹ и усилить импульс интеграции научно-исследовательской, опытно-конструкторской и производственной деятельности, который будет обеспечен принятием Федерального закона «О технологической политике в Российской Федерации». Уникальность текущего момента состоит и в пристальном внимании Президента РФ к развитию Сибири и Дальнего Востока, а также признанием центральной роли Российской академии наук в научно-технологическом развитии нашей страны³⁴².

В условиях современной международной повестки обновленные академгородки способны стать сильными межрегиональными научно-производственными центрами, обеспечивающими транснациональную кооперацию с ведущими азиатскими экономиками.

На первом этапе реализации проекта по выделению академгородков в федеральные территории целесообразно проведение пятилетнего эксперимента на базе новосибирского и иркутского академгородков. Основания выбора новосибирского Академгородка в качестве пилотной территории очевидны – это крупнейший научный центр за Уралом, на территории которого расположен не только Президиум РАН, но и десятки научных учреждений.

³⁴⁰ О федеральной территории «Сириус»: федер. закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (ч. 1). Ст. 8583.

³⁴¹ Большая часть академгородков расположена на территории Сибирского федерального округа.

³⁴² Торжественный вечер по случаю 300-летия Российской академии наук URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73410> (дата обращения: 09.02.2024).

В Иркутском академгородке компактно расположены научные институты СО РАН, химический факультет классического университета, а также Иркутский государственный технический университет. Микрорайон обладает достаточной обеспечивающей структурой, включающей студгородок, а кроме того, на настоящий момент на его территории планируется строительство межвузовского кампуса. Организационно в академгородке расположено ядро НОЦ «Байкал», а также создаваемый Федеральный исследовательский центр химии, являющийся интеллектуальным ядром ФЦХ в Усолье-Сибирском. В рамках этих структур разрабатываются новые технологические решения, способные стать основой экономики академгородка. Совмещение режима федеральной территории и специальных правовых режимов, предусмотренных Федеральным законом «О технологической политике», а также привлечение федерального инвестирования в проекты развития инфраструктуры способно создать на территории Иркутского академгородка действующую модель организации современного научно-технологического центра, которую можно будет транспонировать и на другие сибирские академгородки, а в последующем – и на вновь создаваемые академгородки на Дальнем Востоке.

4.6. Проведенный предварительный анализ показывает наличие разнообразных правовых форм, потенциально способных к использованию для закрепления статуса академгородков. Выбор конкретного формата юридического закрепления статуса академгородка требует проведения отдельного системного исследования указанной проблематики.

§ 5. Заключение

5.1. Законопроект подготовлен в рамках реализации политики по обеспечению технологического суверенитета Российской Федерации и призван служить реализации задач, поставленных в различных программных документах, прежде всего, Концепции технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.

5.2. Характерной чертой законопроекта является отнесение многих центральных для его последующей реализации вопросов на уровень подзаконного регулирования, что препятствует прогнозной оценке его эффективности. В законопроекте выявлены отклонения от стандартов юридической техники, обуславливающие наличие ряда формальных и содержательных недостатков текста. Вызывают вопросы принципы построения как законопроекта в целом, так и его отдельных глав.

5.3. В тексте законопроекта не получает системного закрепления роль научной деятельности и научных организаций в обеспечении технологического суверенитета. Остается практически вне сферы его регулирования ключевая для технологического развития категория трансфера технологий. Равным образом недостаточным образом в законопроекте отражается и

экспертная роль Российской академии наук. Предлагается усиление роли научной деятельности и научных организаций в технологическом развитии за счет дополнения перечня принципов технологической политики, закрепления особенностей правового положения научных организаций, а также форм интеграции научно-исследовательской и производственной технической деятельности. Последние вполне могут составить отдельную главу законопроекта. Тем же целям будет служить закрепление понятия инфраструктуры трансфера технологий.

5.4. Введение фигуры головного исполнителя, заимствованной из системы государственного оборонного заказа, призвано сконцентрировать управление и ответственность за реализацию важнейших проектов технологического суверенитета на отдельных субъектах гражданских правоотношений. Вместе с тем законопроект не регулирует целый ряд вопросов, связанных со статусом головного исполнителя, отдавая решение на уровень подзаконного регулирования. Предлагается совершенствование понятия кооперационной цепочки за счет использования позитивного опыта, наработанного в системе государственного оборонного заказа.

5.5. В современном российском праве существуют различные правовые формы, потенциально пригодные для закрепления правового статуса академгородков. К наиболее перспективным из них относятся федеральная территория, территориальное общественное самоуправление, инновационный научно-технологический центр, муниципальное образование (наукоград) и территориальный имущественный комплекс. Многообразие таких форм предопределяет необходимость проведения отдельного исследования, посвященного поиску оптимального режима академгородков как уникальной формы организации научной деятельности.

5.6. Поскольку законопроект еще не вносился в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, существует значительный потенциал совершенствования его содержания. Представляется целесообразным включение представителей СО РАН как в состав рабочих групп по подготовке текста на настоящем этапе, так и участие в работе профильных комитетов Государственной Думы в ходе его прохождения через Федеральное Собрание Российской Федерации.

Приложение № 1. Перечень подзаконных актов, принятие которых предусматривается законопроектом

№ п/п	Положение законо-проекта	Регулируемый вопрос	Принимающий орган	Существующее регулирование
1	п. 1 ч. 1 ст. 3	Определение высокотехнологичной продукции	Правительство	Приказ Министерства промышленности и торговли от 16.09.2020 № 3092 «Об утверждении Перечня высокотехнологичной продукции, работ и услуг с учетом приоритетных направлений модернизаций российской экономики» Перечень критически важных технологий и автомобильных компонентов (утв. приказом Минпромторга России от 04.05.2023 № 1648; Перечень критических технологий Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899)
2	п. 4 ч. 1 ст. 3	Утверждение перечня критических технологий	Правительство или уполномоченный им федеральный орган исполнительной власти	Перечень критически важных технологий и автомобильных компонентов (утв. приказом Минпромторга России от 04.05.2023 № 1648; Перечень критических технологий Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899)
3	п. 5 ч. 1 ст. 3	Перечень сквозных технологий	Правительство или уполномоченный им федеральный орган исполнительной власти	Предварительный перечень сквозных технологий. Приложение № 2 к Концепции технологического развития на период до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023)

4	п. 1 ч. 1 ст. 10	Утверждение целевых показателей технологического суверенитета, среднесрочного и долгосрочного технологического развития в отраслях экономики, а также мониторинга указанных показателей и эффективности технологической политики;	Правительство	
5	п. 2 ч. 1 ст. 10	Утверждение требований к технологическим прогнозам (форсайтам)	Правительство	
6	п. 4 ч. 1 ст. 10 (в оригинале сбой в нумерации)	Утверждение перечня приоритетных направлений технологического развития	Правительство	Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 07.07.2011 № 899)
7	п. 2 ч. 2 ст. 10	Утверждение требований к разработке и актуализации программ инновационного развития организаций с государственным участием, иных стратегических документов и (или) программ (проектов) указанных организаций в сфере технологического развития, а также к оценке качества отчетов об их реализации	Правительство	
8	п. 1 ч. 1 ст. 11	Установление мер государственного стимулирования за счет средств бюджетов субъектов РФ	Органы государственной власти субъекта РФ	
9	п. 3. ч. 1 ст. 11	Подготовка рекомендаций по управлению правами субъектов РФ на результаты интеллектуальной деятельности	Органы государственной власти субъекта РФ	
10	п. 1 ч. 1 ст. 12	Меры муниципального стимулирования деятельности в сфере технологического развития за счет доходов местных бюджетов	Органы местного самоуправления	

11	ч. 4 ст. 14	Установление квот финансового обеспечения выполнения прикладных научных исследований и опытно-конструкторских работ в целях разра- ботки критических технологий в общем объеме финансово- го обеспечения научной, научно-технической, инновацион- ной деятельности, осуществляемого Российской Федерацией	Правительство	Приложение № 1к приорите- ным направления проектов тех- нологического суверенитета и проектов структурной адапта- ции экономики РФ утв. Поста- новлением Правительства от 15.04.2023 № 603
12	п. 1 ч. 3 ст. 15	Утверждение критериев (таксономии) проектов технологи- ческого суверенитета и положение об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и по- рядке их реализации	Правительство	
13	п. 2 ч. 3 ст. 15	Утверждение порядка реализации важнейших проектов технологического суверенитета, требования к организаци- ям, участвующим в их реализации, требования к технологи- ческой карте, форму паспорта важнейшего проекта техно- логического суверенитета, порядок мониторинга реализа- ции проектов технологического суверенитета	Правительство	
14	п. 4 ч. 3 ст. 15	Утверждение порядка оценки технологий и отнесения их к критическим технологиям, а также определение их priori- тетности	Правительство	
15	ч. 5 ст. 15	Установление особенностей реализации важнейших проек- тов технологического суверенитета, в том числе в части сроков и количества участников таких проектов	Правительство	
16	ч. 7 ст. 16	Установление случаев обязательного привлечения малых технологических компаний, технологических компаний, включенных в Единый реестр конечных получателей госу- дарственной поддержки инновационной деятельности, и лиц, осуществляющих содействие в сфере технологического развития, к реализации важнейших проектов технологиче- ского суверенитета	Правительство	

17	п. 1 ч. 3 ст. 22	Утверждения порядка оценки технологий и отнесения их к сквозным технологиям, в том числе предусматривающий отнесение технологий к сквозным технологиям на основе технологических прогнозов (форсайтов)	Правительство	
18	п. 3 ч. 3 ст. 22	Утверждение порядка заключения, изменения, исполнения и прекращения действия соглашений по развитию сквозных технологий и его форму	Правительство	
19	п. 4 ч. 3 ст. 22	Определение мер государственного стимулирования в рамках проектов по развитию сквозных технологий, а также установление требований по повышению эффективности деятельности получателей указанных мер и использованию ими сквозных технологий при предоставлении им субсидий из федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации	Правительство	
20	ч. 2 ст. 24	Указ об установлении специального правового режима и осуществлении контроля за его соблюдением	Президент РФ	
21	п. п. 1,2 ч. 3 ст. 31	Установление случаев обязательного привлечения малых технологических компаний к реализации программ инновационного развития организаций с государственным участием и лиц, осуществляющих содействие в сфере технологического развития, к разработке, экспертизе и реализации программ инновационного развития организаций с государственным участием,	Правительство	
22	Абз. 2 ч. 3 ст. 34	Установление критериев целевого расходования средств, направляемых на финансирование, и порядка мониторинга и контроля такого целевого расходования средств	Правительство	
23	Абз. 4 ч. 3. ст. 34	Установление срока возврата получателем средств, использованных с нарушением их целевого характера	Правительство	

24	Абз. 1 ч. 4 ст. 34	Установление порядка определения допустимого уровня рисков, в том числе финансовых, и базовых критериев управления ими	Правительство	
25	Абз. 2 ч. 3 ст. 35	Утверждение правил оценки эффективности, особенности определения целевого характера использования бюджетных средств, направленных на государственное стимулирование, и средств из внебюджетных источников, возврат которых обеспечен государственными гарантиями, и применяемые при проведении такой оценки критерии	Правительство	
26	ч. 12 ст. 35	Установление порядка отчуждения субъектом государственного стимулирования имущества, приобретенного им при финансировании	Правительства	
27	п. 1 ч. 6 ст. 36	Установление порядка определения лиц, которым осуществляется передача исключительного права, созданного за счет средств федерального бюджета в случае его неиспользования	Правительство	
28	п. 2 ч. 6 ст. 36	Установление порядка определения лиц, которым осуществляется передача исключительного права, созданного за счет средств бюджета субъекта федерации в случае его неиспользования	Органы государственной власти субъекта РФ	
29	п. 3 ч. 6 ст. 36	Установление порядка определения лиц, которым осуществляется передача исключительного права, созданного за счет средств местного бюджета в случае его неиспользования	Органы местного самоуправления	
30	п. 4 ч. 2 ст. 44	Определение реестров для обеспечения обработки информации в составе инструмента хранения реестра.	Правительство	

31	п. 3 ч. 1 ст. 45	Определение прав и обязанностей субъектов, осуществляющих формирование технологической политики Российской Федерации, по организации информационного обеспечения технологической политики, а также порядок предоставления указанными субъектами доступа к информации инструмента хранения данных и инструмента мастер-данных участникам информационного обмена с учетом требований законодательства Российской Федерации о защите прав на результаты интеллектуальной деятельности и обеспечении конфиденциальности информации ограниченного доступа	Правительство	
----	---------------------	---	---------------	--

Приложение № 2. Основные положения законопроекта, затрагивающие осуществление научно-исследовательской деятельности и статус научных организаций

№ п/п	Ст.	Содержание
1	п. 1 и 10 ст. 3.	Требование обеспечения передового научного уровня предъявляе-ся к высокотехнологичной продукции, равно как и определение технологии строится с использованием признака научной обосно-ванности
2	п. 12 ст. 6.	В качестве одного из инструментов реализации технологической политики закрепляется закупка прикладных научных исследований в целях разработки высокотехнологичной продукции и технологий ее производства, а также высокотехнологичной продукции
3	п. 1 ч. 1 ст. 7	Разработка технологических прогнозов (форсайтов) осуществляют-ся с использованием стратегии и прогноза <i>научно-</i> технологического развития Российской Федерации
4	ч. 2 ст. 7	Планирование технологической политики осуществляется с при-влечением организаций, разрабатывающих или развивающих тех-нологии и технологические инновации (разработчиков техноло-гий), <i>Российской академии наук</i> , иных ведущих экспертных орга-низаций
5	ч. 3 ст. 8	Разработка технологических прогнозов (форсайтов) осуществляют-ся с участием Российской академии наук
6	ч. 4 ст. 14	Правительство РФ наделено полномочиями по установлению квот финансового обеспечения выполнения <i>прикладных научных иссле-дований</i> и опытно-конструкторских и технологических работ в целях разработки критических технологий в общем объеме финан-сового обеспечения научной, научно-технической, инновационной деятельности, осуществляемого Российской Федерацией
7	п. 3 ч. 1 ст. 20	Одним из требований, предъявляемых для включения проекта в перечень важнейших проектов технологического суверенитета, является определение форм и способов научно-исследовательского и научно-технологического обеспечения проекта
8.	ч. 2 ст. 28	Одним из мероприятий по осуществлению инноваций в рамках инновационного проекта является коммерциализация научных и (или) научно-технических результатов
9	п. 3 ч. 1 ст. 29	К разработчикам технологий и (или) производителям высокотех-нологичной продукции относятся научные организации и образо-вательные организации высшего образования
10	ч. 2 ст. 29	За научными организациями и образовательными организациями закрепляется право создавать юридические лица и объединяться на основании гражданско-правового договора в целях реализации научных и (или) научно-технических проектов в рамках опреде-ленного приоритетного направления технологического развития

11	п. 1 ч. 1 ст. 30	К центрам трансфера технологий, осуществляющим коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности и вовлечение исследователей в решение технологических задач относятся, в том числе структурные подразделения образовательных организаций высшего образования и научных организаций
12	п. 3 ч. 2 ст. 30	В числе функций организаций, осуществляющих государственную поддержку инновационной деятельности закрепляется выполнение функций научно-производственного центра поддержки передовых отраслей
13	ч. 3 ст. 30	Функции научно-производственного центра поддержки передовых технологий: 1) проведение испытаний; 2) осуществление сертификации изделий и продукции; 3) оказание поддержки в области проектирования, прототипирования, опытного производства; 4) поиск заказчиков и привлечение инвестиций, субсидирование; 5) поиск партнеров для международного сотрудничества в сфере развития технологий; 6) осуществление трансфера и конверсии технологий; 7) проведение краткосрочных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок.
14	ч. 3 ст. 36	Осуществление конкретных <i>научных</i> , научно-технических программ, проведение <i>научных исследований</i> на условиях института инновационного развития, являются одним из видов деятельности, финансируемых грантами на реализацию проекта
15	ст. 37–42.	В состав различных видов инфраструктуры технологического развития входят исследовательские лаборатории, центры коллективного пользования научным оборудованием научных организаций, образовательных организаций высшего образования и инновационных центров

Научное издание

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

Дружинин Глеб Викторович,
Забавко Роман Алексеевич,
Колобов Роман Юрьевич,
и др.

ISBN 978-5-9624-2298-5

Редактор *А. Н. Шестакова*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Подписано в печать 09.07.2024. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 13,0. Усл. печ. л. 14,4. Тираж 100 экз. Заказ 107

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124